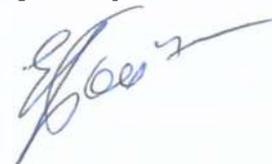

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БОЙКИНА Екатерина Эдуардовна

**СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ КАК ФАКТОР АНТИСОЦИАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Специальность 19.00.06 – Юридическая психология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:

кандидат психологических наук, доцент

Чиркина Римма Вячеславовна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Теоретическое обоснование исследования социального остракизма как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних	
1.1. Понятие «социальный остракизм».....	25
1.1.1. Антропологические аспекты остракизма.....	26
1.1.2. Теоретико-эмпирическое обоснование понятия «социальный остракизм».....	28
1.1.3. Виды социального остракизма.....	31
1.1.4. Родственные феномены социального остракизма	34
1.2. Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия (К.Д. Вильямс).....	42
1.3. Антисоциальное поведение несовершеннолетних.....	70
1.3.1. Понятие «антисоциальное поведение».....	70
1.3.2. Антисоциальное поведение несовершеннолетних в контексте психологических теорий.....	73
1.4. Социально-психологическая характеристика несовершеннолетних с позиции психологии развития, юридической психологии, теорий поколенческих когорт.....	77
Резюме по главе 1.....	92
Глава 2. Методология исследования социального остракизма	
2.1. Классификация методов исследования социального остракизма.....	96
2.2. Апробация, адаптация методик и методологических приемов.....	106
2.2.1. Приемы симулирования условий социального остракизма.....	108
2.2.2. Шкала субъективного остракизма-Подростки (ШСО-П).....	113
2.2.3. Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О).....	114
2.3. Разработка авторского инструментария исследования.....	118
2.3.1. Опросник «Как вы это понимаете?».....	118

2.3.2. Стимульный материал к цветовому тесту отношений А.М. Эткинда (социальный остракизм).....	121
2.3.3. Биографическая анкета (метод экспертной оценки).....	123
Резюме по главе 2.....	123
Глава 3. Исследование социального остракизма как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних	
3.1. Схема, выборка, ход исследования	125
3.2. Обоснование гипотез, методы и методики их исследования.....	132
3.3. Результаты исследования.....	135
3.3.1. Анализ степени понимания несовершеннолетними внутренних конструкторов феномена социального остракизма и отличия их от родственных феноменов (буллинг, стигматизация, одиночество).....	135
3.3.2. Анализ гендерных и возрастных различий в группах «остракированные» и «не остракированные».....	140
3.3.3. Связь кластера потребностей во власти и провокации (потребности в контроле и осмысленном существовании) и антисоциального поведения.....	144
3.3.4. Анализ корреляционных связей по Спирмену (ШСО-П, ШНП-О, ИТО/ИТДО, СПА, ОСС) для Профилей 1.1, 1.2, 2.1, 2.2.....	150
3.3.5. Исследование пространственных моделей личностных диспозиций Профилей 1.1, 1.2, 2.1, 2.2 с использованием метода многомерного шкалирования ALSCAL.....	168
3.3.6. Результаты субшкал ИТО/ИТДО и описательных статистик ИТО/ИТДО по группирующей переменной «Профиль».....	178
Резюме по главе 3.....	181
Выводы.....	185
Заключение.....	188
Список литературы.....	196
Список иллюстративного материала.....	215

Приложение А. Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени его воздействия К.Д. Вильямса (K.D. Williams, 1997, 2009).....	218
Приложение Б. Критерии фундаментальных потребностей (R.F. Baumeister, M. Leary, 1995).....	219
Приложение В. Теории поколений (современное молодое поколение)...	221
Приложение Г. Основные методы исследования объекта социального остракизма.....	222
Приложение Д. Первоначальный и окончательны варианты ШСО-П, оригинал (Original and Final Items for Social Ostracism Scale, R. Gilman et al., 2012)....	223
Приложение Е. Шкала субъективного остракизма-Подростки (ШСО-П) (Ostracism experience scale-Adolescents, R. Gilman et al.; адаптация Е.Э. Бойкиной).....	224
Приложение Ж. Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (дети), оригинал (Needs-Threat Scale, D.J. Hawes et al., 2013)...	226
Приложение И. Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (взрослые), оригинал (Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2014)...	227
Приложение К. Шкала нарушенных потребностей – Остракизм (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной).....	228
Приложение Л. Субшкалы Шкалы нарушенных потребностей – Остракизм (ШНП-О) (на основе модели остракизма К.Д. Вильямса, адаптация Е.Э. Бойкиной).....	230
Приложение М. Бланк экспертной оценки (биографическая анкета участника).....	231
Приложение Н. Слова-стимулы к методике «Цветовой тест отношений», А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин (тема – социальный остракизм).....	232
Приложение П. Опросник «Как вы это понимаете?».....	233
Приложение Р. Таблица с диаграммами описательных статистик шкал ИТО/ИТДО для Профилей 1.2, 2.2.....	236

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ежегодный отчет Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации свидетельствует о значительном снижении уровня преступлений, совершаемых несовершеннолетними. С 2000 по 2019 год число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, снизилось с 195 400 до 41 500¹. На фоне снижения статистических показателей преступности в среде несовершеннолетних в последние годы появляются совершенно новые сценарии преступной деятельности. Все чаще происходят преступления (антисоциальные акты) демонстративного характера с трансляцией процесса правонарушения через социальные сети. До сих пор остается актуальной проблема намеренного вовлечения несовершеннолетних в радикально-экстремистскую деятельность. Только за первые три месяца 2020 года, по сообщению Центра общественных связей ФСБ России, были предотвращены 5 вооруженных нападений на образовательные организации в Российской Федерации, планируемые несовершеннолетними и молодыми людьми до 25 лет².

Иными словами, уменьшение количественных показателей не является гарантом полного решения проблемы криминализации подрастающего поколения и ни в коей мере не снижает саму актуальность проблемы не только противоправного, но и в целом антисоциального поведения в среде несовершеннолетних. Более того, изменения качественных характеристик преступлений в среде несовершеннолетних не без оснований могут расцениваться как прогностические для роста преступности в целом.

С учетом изложенного, а также постоянно меняющихся реалий общественно-политической, социальной, культурной жизни, стойкого роста цифровизации и виртуализации современного общества изучение аспектов

¹ См.: Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017, 2020. 550 с.

² См.: Случаи нападений на учебные заведения в России, которые удалось предотвратить // ТАСС. 23.03.2020. URL: <https://tass.ru/info/8056395> (дата обращения: 01.04.2020).

потенциальных пусковых механизмов, определяющих готовность подростка к любому виду антисоциального поведения, носит перманентно актуальный характер.

Вопросы детерминирования антисоциального поведения несовершеннолетних, которое имеет высокие шансы перехода на уровень тяжкого уголовного преступления, постоянно находятся в фокусе научного внимания как в нашей стране, так и за рубежом¹. Среди ряда причин исследователи называют экономические, психологические, социальные, организационные и ряд других². Хотя, как заметила в своей работе российский социолог Т.В. Шипунова, «все они в той или иной мере отражают наши представления о комплексе причин, условий и факторов... Однако в указанных теориях не уделяется достаточного внимания собственно *механизмам* воспроизводства названного явления, или, иначе говоря, процессному аспекту воздействия...»³. По мнению Т.В. Шипуновой, к понятиям, наиболее адекватно отражающим этот непрерывный процесс, относятся, прежде всего, понятия «*социальное исключение*», «*отчуждение*», «*насилие*» и «*агрессия*»⁴.

Согласно отчету комиссии «Международного общества по изучению агрессии» (ISRA) на второе место (из семи) среди «факторов риска окружающей среды, провоцирующих молодежь к насилию», эксперты поставили фактор «*социальное исключение и изоляция*», «пропустив» вперед лишь фактор «*легкий доступ к оружию*»⁵.

¹ См.: Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. 608 с.; Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Зерцало-М, 2006. 272 с.; Беженцев А.А. Основные детерминанты безнадзорности, совершения правонарушений несовершеннолетними и концептуальные основы методологии их устранения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. Т. 3, № 51; Howell J. Preventing and Reducing Juvenile Delinquency: A Comprehensive Framework // Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc. 200.

² См.: Демидова-Петрова Е.В. Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации // Ученые записки Казанского юридического университета МВД России. 2017. Т. 2, № 3. С. 13–18 ; Шахбанова Х.М. Основные причины преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Вопросы управления. 2013. Т. 2 (23). С. 188–191.

³ Шипунова Т.В. Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2005. Т. VIII, № 4 (33). С. 120–136.

⁴ См.: Там же.

⁵ Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA) // Aggressive Behavior. Vol. 44. P. 331–336

В своей работе по исследованию механизма становления «доморощенного терроризма» исследователь Х.М. Кнэптон обосновывает процесс радикализации и экстремизации игнорированием и исключением человека социумом, который при этом проходит стадии потери идентичности, нарушения потребностей и когнитивной деконструкции¹.

Детализированные данные отчетов по 126 делам о «школьной стрельбе» в 13 странах позволили Ф. Зоммер и ее коллегам (2014 г.) обнаружить в 67 из 126 случаев факторы наличия социальной динамики, опосредовавшие нападения. Несмотря на то что «решающим фактором» признан фактор «конфликты с учителями» (43,3 %), социальная динамика таких преступлений содержала в себе различные элементы остракизма и его родственных феноменов: «меньшинство нападавших (29,9 %) подвергались буллингу в физической форме, в то время как 53,7 % отвергались сверстниками в вербальной и иной формах, романтическое отвержение было зафиксировано только в 29,9 %»².

К аналогичным выводам в рамках ювенальной юридической психологии приходят и отечественные ученые. В частности, Е.Г. Дозорцева, Д.С. Ошевский, К.В. Сыроквашина, опираясь на данные комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, совершивших нападения на учебные заведения, помимо наличия у агрессоров специфических личностных структур, приводят данные об их «особом социально-психологическом статусе отверженных и изолированных»³.

С учетом изложенного изучение механизма воздействия феномена социального остракизма, включающего в себя такие подконструкты, как игнорирование, исключение и/или отвержение, на выбор несовершеннолетними

¹ Knapton H. M. The Recruitment and Radicalisation of Western Citizens: Does Ostracism Have a Role in Homegrown Terrorism? // Journal of European Psychology Students. 2014. Vol. 5. Iss. 1. P. 38–48.

² Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics of school shootings – A systematic review // International Journal of Developmental Science. 2014. Vol. 8. P. 3–24.

³ Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 97–110.

просоциального или антисоциального пути реагирования является актуальной и востребованной задачей превенции ювенальной преступности с точки зрения как науки, так и практики. Совершенствование системы профилактики преступности «в первую очередь среди несовершеннолетних» является частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности «19.00.06 – Юридическая психология» и освещает ряд аспектов в следующих областях исследований: п. 26 (психологические основы профилактики правонарушений), п. 40 (ювенальная психология), п. 41 (психология терроризма).

Проблематика исследования. Как показывает анализ литературных источников, в отечественной социологии, философии, педагогике, антропологии, истории накоплен определенный объем теоретико-эмпирических знаний об остракизме и близких к нему понятиях. При этом приходится констатировать тот факт, что в российской психологической науке отсутствуют теории, описывающие механизмы, структуру, закономерные связи психологического феномена социального остракизма. Нами также не обнаружены актуальные исследования процессов игнорирования, исключения и/или отвержения, построенные на основе уже сложившейся в мире теоретико-методологической базы, например, на основании модели остракизма К.Д. Вильямса, теории социометра М.Р. Лири, теории пересечения физической и социальной боли Н. Айзенбергер и др.

Логическим результатом такого дисбаланса в приросте научного знания в области исследования феномена социального остракизма стало почти полное отсутствие отечественных методологических разработок и актуальных фундаментальных исследований механизмов данного феномена.

В разряд проблематики данного исследования мы также относим вопрос об этической стороне схемы диссертационного исследования в части, касающейся симулирования ситуации социального остракизма. С учетом положений этики

¹ См.: О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.

психологического исследования¹ и потенциального негативного воздействия социального остракизма на несовершеннолетнего испытуемого перед нами стоит задача по подбору наименее травмирующего психику испытуемого метода исследования.

Степень разработанности темы исследования. Согласно статистическим данным научной электронной библиотеки «eLIBRARY», по запросу «остракизм, отвержение, исключение, игнорирование» нам удалось обнаружить менее 1000 работ за последние 10 лет². При этом подавляющая часть исследований выполнена преимущественно в поле социологии, юриспруденции, истории, педагогики, но не психологии.

Те или иные близкие к основному понятийному ядру феномена социального остракизма понятия активно изучались и изучаются российскими учеными в области ряда наук и их направлений. В социологии сетевой анализ факторов социального признания и исключения в среде подростков изучала В.В. Титкова³, а проблематику социальной эксклюзии пенсионеров – Д.Б. Мохов⁴. Социальное отчуждение как социокультурный феномен с точки зрения философии освещалось С.И. Петошиной⁵, Е.А. Крутько⁶. В философии, антропологии и истории остракизм рассматривается как древнегреческий юридическо-правовой институт (И.Е. Суриков)⁷.

¹ См.: Этический кодекс психолога. URL: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 06.04. 2020)

² См.: Научная электронная библиотека Elibrary. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp?rubrics_all=150000|040000|020000|000000|&changed=1&save_queryboxid=0&titles_all=&queryid=&where_keywords=on&where_name=on&end_year=0&querybox_name=&where_abstract=on&type_article=on&search_itemboxid=&queryboxid=0&authors_all=&type_conf=on&search_morph=on&ftext=социальное%20исключение&type_book=on&type_disser=on&begin_year=0&order=rev&issues=all&orderby=rank (дата обращения: 13.03.2020)

³ См.: Титкова В.В. Сетевой анализ факторов социального признания и исключения в среде подростков : дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. 214 с.

⁴ См.: Мохов Д.Б. Социальная эксклюзия пенсионеров как объект социального управления : дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2006. 149 с.

⁵ См.: Петошина С.И. Отчуждение как социокультурный феномен и понятие социально-философского анализа : дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2010. 172 с.

⁶ См.: Крутько Е.А. Детская безнадзорность как феномен социального отчуждения: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2011. 170 с.

⁷ См.: Суриков И.Е. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 113–130.

В социальной психологии феномен отвержения исследуется в контексте межличностного общения (страх отвержения, остракизм) (Е.П. Ильин, Е.В. Киселева, Н.Н. Киселев, А.Е. Войскунский)¹, социальная эксклюзия как элемент структуры социальной идентичности человека (И.Ю. Суворова)².

В педагогической психологии проводится анализ семантического поля феномена одиночества и, в частности, рассматривается соотношение понятий «одиночество», «изоляция» и «уединение», где «изоляция» может выступать в форме отверженного в группе, остракизма (Е.В. Неумоева)³.

В рамках психолого-педагогического аспекта Б.Н. Алмазов рассматривает понятие социального отчуждения в онтогенезе личности⁴.

В поле юридической психологии о пунитивном характере остракизма писали Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников⁵, тему скрытого эмоционального отвержения ребенка родителями освещает Ю.А. Клейберг⁶.

Зарубежный опыт исследования процессов игнорирования, исключения и отвержения в области психологии весьма обширный.

Теоретико-эмпирические аспекты (социального) остракизма активно исследовались К.Д. Вильямсом, Л. Задро, С. Нидой, К.Л. Зоммер, Р. Баумайстером, Э.Д. Вессельманном, Д. Реном, Ж. Ченом, Н. де Воллом, М. Пфундмайер, Й. Райхертом, К. Конопкой, Л.Р. Хьюсманном, П. Ривой, Дж.Б. Нецлеком, Л. Виллером⁷.

¹ См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.; Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 22–43.

² См.: Суворова И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности человека в результате социальной эксклюзии : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2018. 206 с.

³ См.: Неумоева Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2005. 233 с.

⁴ См.: Алмазов Б.Н. Социальное отчуждение. М.: Дата Сквер, 2010. 168 с.

⁵ См.: Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 288 с.

⁶ См.: Клейберг Ю.А. Основы психологии социальной работы с девиантными подростками. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2007. 412 с.

⁷ Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience / P. Riva [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 154. Iss. 3. P. 208–216; Nezlek J. B. Ostracism in everyday life [et al.] // Group Dynamics: Theory, Research, Practice. 2012. Vol. 16. P. 91–104; Pfundmair M. Ostracism

Социальное исключение находится в фокусе научного интереса следующих исследователей: Р. Вельфера, Г. Шайтхауэра, К.Л. Мастена, Дж. Шаафсмы, К.Д. Вильямса, Э. де Боно, Э. Ченга, Дж.М. Твендж и других¹.

Об отвержении пишут: З. Чен, Н. Айзенбергер, М.Д. Либерманн, К.Д. Вильямс, О. Айдык, А. Лерссен, Дж. Гербер, Л. Вилер².

Игнорирование рассматривается в работах К.Д. Вильямса, Л. Задро, Э. Финка, Р. Ричардсона, Д. Хоуса, К. Ченга, В. Чои и других³.

В области юридической психологии стоит отметить следующие исследования. В контексте изучения психологических основ терроризма в ходе серии экспериментов М. Пфундмайер изучала пусковые механизмы антисоциального реагирования на остракизм, а именно: проявление испытуемыми радикальных реакций⁴. Степень влияния социального исключения на агрессивное

promotes a terroristic mindset // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2019. Vol. 11. Iss. 2. P. 134–148; Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression // Current Problems. 2016. P. 33–50; Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection / Z. Chen [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. 2014. Vol. 50. P. 225–233; Wesselmann E.D., Ren D., Williams K. D. Motivations for responses to ostracism // Frontiers in Psychology. Cognitive Science. 2015. Vol. 6. P. 1–5; When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism / K.L. Sommer [et al.] // Basic and Applied Social Psychology. 2001. Vol. 23. P. 225–243.

¹ If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior / J.M. Twenge [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. Iss. 6. P. 1058–1069; Lakin J.L., Chartrand T.L., Arkin R.M. I am too just like you: Nonconscious mimicry as an automatic behavioral response to social exclusion // Psychological Science. 2008. Vol. 19. P. 816–822 ; MacDonald G., Leary M. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. P. 202–233; Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status / E. De Water [et al.] // Cortex. 2017. Vol. 92. P. 32–43; Schaafsma J., Williams K.D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 829–837; Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion // Journal Social Influence. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217–236.

² Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion // Science. 2003. Vol. 302. P. 290–292; Gerber J., Wheeler L. On Being Rejected: A Meta-Analysis of Experimental Research on Rejection // Perspectives on Psychological Science. 2009. Vol. 4. P. 468–488; Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection / Z. Chen [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. 2014. Vol. 50. P. 225–233

³ Williams K.D., Cheung C.K., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. P. 748–762; Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected // In M. R. Leary (Ed.), Interpersonal rejection. New York: Oxford University Press. 2001. P. 21–53

⁴ Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. P. 134–148.

поведение стало предметом изучения Дж.М. Твендж, Д. Рена, Э. Вессельманна¹. Связь процессов исключения, межгрупповой враждебности и религиозного фундаментализма изучалась Дж. Шаафсма и К.Д. Вильямсом². О роли отвержения сверстниками в контексте модели совокупности рисков в процессе развития устойчивого антисоциального поведения писали Ф. Лезель и Д. Бендер³. Остракизм среди депрессивных несовершеннолетних заключенных исследовали Х.Дж. Сунг и его коллеги⁴. Виктимологический профиль остракируемого представили С. Рудерт, М. Келлер и Э. Хейлс⁵. Отвержение в качестве одного из основополагающих факторов радикализации рассматривает в своей модели 3N-радикализации А.В. Круглански⁶.

Объект исследования – социальный остракизм в среде несовершеннолетних.

Предмет исследования – длительно переживаемый социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном исследовании влияния феномена социального остракизма на формирование у несовершеннолетних паттернов антисоциального поведения.

Для достижения цели диссертационного исследования были поставлены и решены следующие задачи:

– проанализировать современные подходы в области исследования социального остракизма (отвержения, игнорирования, исключения);

¹ If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior. P. 1058–1069.

² Schaafsma J., Williams K.D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism. P. 829–837.

³ Lösel F., Bender D. Antisoziales Verhalten von Kindern und Jugendlichen // Psycho: Zeitschrift für Praxis und Klinik der Psychiatrie, Neurologie, Psychotherapie. 1998. Vol. 23. P. 321–329.

⁴ Importance of ostracism in depressed juvenile detainees and strategies to decrease experience of ostracism in juvenile detention facilities / H.J. Sung [et al.] // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. P. 558–567.

⁵ Who gets ostracized? A personality perspective on risk and protective factors of ostracism / S.C. Rudert [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2019.

⁶ The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism / A.W. Kruglanski [et al.] // Advances in Political Psychology. 2014. Vol. 35. P. 69–93; To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance / A.W. Kruglanski [et al.] // American Psychologist. 2017. Vol. 72. Iss. 3. P. 217–230.

– классифицировать методологический аппарат исследования социального ostrакизма;

– апробировать инструментарий исследования ostrакизации несовершеннолетних: уровня субъективного ostrакизма и нарушенных в результате воздействия социального ostrакизма потребностей;

– выявить связи и закономерности между степенью субъективного ostrакизма (игнорирование, исключение) испытуемых, уровнем удовлетворения базовых потребностей (в самоуважении, принадлежности, контроле, осмысленном существовании) испытуемых, индивидуально-психологическими свойствами личности испытуемых, уровнем готовности (склонности) подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения, особенностями социально-психологической адаптации, стратегиями совладающего со стрессом поведения;

– разработать методические рекомендации по организации психологической помощи несовершеннолетнему, имеющему негативный опыт переживания длительного социального ostrакизма.

В ходе исследования нами выдвинут ряд **гипотез**, а именно:

1. У ostrакированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением, в отличие от ostrакированных несовершеннолетних с просоциальным поведением, степень нарушения потребностей в контроле и осмысленном существовании (кластер потребностей во власти и провокации) значимо выше, чем степень нарушения потребностей в принадлежности и самоуважении (кластер инклюзивных потребностей).

2. У ostrакированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением значимо отличается от других групп сравнения структура связей между нарушенными потребностями, стратегиями совладающего со стрессом поведения, разными видами девиантного поведения и параметрами социально-психологической адаптации.

3. У остракированных и не остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением индивидуально-личностные особенности не имеют значимых различий в выраженности и сочетании параметров.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

- модель нарушенных в ситуации остракизма потребностей и с учетом времени его воздействия К.Д. Вильямса;

- результаты исследований процессов игнорирования, исключения и/или отвержения (социального остракизма) (Дж.М. Твендж, Р. Баумайстер, М.Р. Лири, Н. Айзенбергер, Л. Задро, И. ван Бист, М. Пфундмайер, К.-Т. Пун и др.);

- работы по психологии отклоняющегося поведения несовершеннолетних в контексте описания антисоциального поведения (В.Д. Менделевич, В.Л. Васильев, Е.В. Змановская, Л.Б. Шнейдер, Р.В. Чиркина, В.К. Зарецкий, Ю.В. Зарецкий, Г.Г. Шиханцов, А.Е. Личко, В.А. Пятунин, Ц.П. Короленко, Т.А. Донских, А.Ш. Гусейнов, Ф. Лезель, Д. Бендер);

- положения ряда психологических теорий в части, касающейся потребностей человека (З. Фрейд, К. Левин, У. Мак-Дауголл, Р.Б. Кеттелл, Г. Мюррей, А. Маслоу, Э. Фромм, Р. Баумайстер, М.Р. Лири и другие);

- исследования родственных остракизму феноменов: теории и модели стигматизации (И. Гофман, К. Штиле, Э. Лемерт, Ф. Хайдер, И.Б. Бовина, Б.Г. Бовин), радикализации (А.В. Круглански, Х.М. Кнэптон, М. Пфундмайер), одиночества и изоляции (К. Роджерс, В.Н. Куницына, В.М. Погольша, С.Г. Корчагина, Ю.М. Швалб, О.В. Данчева);

- теории поколений и выполненные на их основе исследования (К. Маннгейм, Ю. Левада, В. Радаев, А.В. Сапа, Н.В. Богачева, Е.В. Сивак, В. Штраусс, Н. Хоув, Дж.М. Твендж, К. Симиллер, М. Грейс).

Раздел исследования, в котором анализируется процесс становления правосознания подростка, написан с опорой на труды Г.Г. Шиханцова, В.Л. Васильева, А.Р. Ратинова, Г.Х. Ефремовой и др.

Возрастная периодизация и психологические особенности несовершеннолетних анализируются на основе трудов Л.С. Выготского,

А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконица, Л.И. Божович, Л.Ф. Обуховой, Э. Эриксона, Ж. Пиаже, Ст. Холла, Э. Шпрангера, Ш. Бюлер и др.

Для решения поставленных задач настоящего исследования были использованы следующие **методы исследования**:

теоретические методы: анализ, сравнение, синтез, классификация, обобщение;

эмпирические: опрос, метод экспертной оценки (с включением биографической информации);

методы психологической диагностики:

Блок № 1 «Методики. Остракизм»:

– «Шкала субъективного остракизма-Подростки» (ШСО-П) (Ostracism experience scale for Adolescents, R. Gilman et al., 2012; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019);

– «Шкала нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019);

– «Цветовой тест отношений» (ЦТО), А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин, 1985;

Блок № 2 «Методики. Личность»:

– «Индивидуально-типологический детский опросник» (ИТДО), Л.Н. Собчик, 1996 / «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик, 1996;

– Тест «Склонность к девиантному поведению» (СДП) (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев, П.И. Сидоров, 2012);

– «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями» (ОСС) (S. Folkman, R. Lazarus, 1986; стандартизация Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожилова, 2009);

– «Методика диагностики социально-психологической адаптации» (СПА) (Rogers C.R., Dymond R.F., 1954; адаптация/модификация А.К. Осницкий, 2004);

– методы математической и статистической обработки данных (методы описательной статистики, критерий Манна – Уитни, критерий Вилкоксона, критерий Краскела – Уоллиса, корреляционный анализ с использованием

коэффициента корреляции Спирмена, метод многомерного шкалирования ALSCAL). Обработка результатов осуществлялась при помощи программы Microsoft Office Excel и статистического пакета IBM SPSS Statistic 22.

Выборку эмпирического исследования составили несовершеннолетние в возрасте от 12 до 17 лет включительно (N=271, мальчики – 123, девочки – 148, средний возраст – 15,29 года).

По результатам анализа результатов применения методик на всей выборке исследования в соответствии с двумя критериями «остракизм» и «поведение» сформированы 4 группы (профиля) испытуемых:

Профиль 1.1 – длительно остракированные с просоциальным поведением (N=60, мальчики – 26, девочки – 34, средний возраст – 14,85), *Профиль 1.2* – длительно остракированные с антисоциальным поведением (N=73, мальчики – 37, девочки – 36, средний возраст – 14,87), *Профиль 2.1* – длительно не остракируемые с просоциальным поведением (N=82, мальчики – 25, девочки – 57, средний возраст – 16,06), *Профиль 2.2* – длительно не остракируемые с антисоциальным поведением (N=56, мальчики – 35, девочки – 21, средний возраст – 14,41).

Таблица 1. Схема распределения групп исследования по критериям «остракизм», «поведение»

		Критерий 2 «ПОВЕДЕНИЕ»	
		просоциальное	антисоциальное
Критерий 1 «ОСТРАКИЗМ»	остракированные	ПРОФИЛЬ 1.1.	ПРОФИЛЬ 1.2
	не остракированные	ПРОФИЛЬ 2.1	ПРОФИЛЬ 2.2

Основной группой исследования стал Профиль 1.2, контрольная группа сравнения – Профиль 2.1, дополнительные группы сравнения – Профиль 1.1, Профиль 2.2. (табл. 1). Сравнения также проводились по критериям «остракизм»

(Профили 1.1 и 1.2 сравнивались с Профилями 2.1 и 2.2) и «поведение» (Профили 1.2, 2.2 сравнивались с Профилями 1.1, 2.1).

Дополнительная выборка исследования (пилотажные исследования): апробация «O`Cam» – N=37 (девочки – 19, мальчики – 18; средний возраст – 13,6); апробация «O`Train» – N=66 (девушки – 61, юноши – 5; средний возраст – 18,3); апробация «Cyberball» – N=96 (девочки – 57, мальчики – 39; средний возраст – 12,84); апробация и адаптация «Шкалы субъективного остракизма – Подростки» (ШСО-П) (OES–A, Gilman R., et al., 2012) и «Шкалы нарушенных потребностей - Остракизм» (ШНП-О) на основе модели остракизма К.Д. Вильямса: апробация – N=124 (девушки – 112, юноши – 12, средний возраст – 18,7), адаптация – N=154 (девочки – 83, мальчики – 71; средний возраст – 13,9); опрос «Как вы это понимаете?» (N=313, мальчики – 146, девочки – 167, средний возраст – 14,7).

Общая совокупность выборки исследования – 1061 чел.

Базы исследования.

Эмпирическое исследование проводилось на базах следующих организаций: Частное учреждение «Ковалевский центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей», Костромская область; ГБУ Центр содействия семейному воспитанию «Каховские ромашки» (г. Москва); ГБУ Центр содействия семейному воспитанию № 1 (г. Москва); ГБУ Центр содействия семейному воспитанию им. Ю.В. Никулина (г. Москва); ГБУ Городской ресурсный центр семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Спутник» (г. Москва); ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»; ГБПОУ г. Москвы «Пищевой колледж № 33».

Пилотажные исследования проводились на базах следующих организаций: ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», детский оздоровительный лагерь «Купавна» ФГКУ «Клинический санаторий «Кратово», детский оздоровительный лагерь «Ока», ФГКУ «Санаторий «Семеновское».

Основные этапы исследования. На подготовительном этапе проведена работа по адаптации и апробации методик ШСО-П, ШНП-П, осуществлен поиск схемы исследования, проведен опрос «Как вы это понимаете?», сформирован методический аппарат исследования, позволяющий проверить выдвинутые гипотезы.

1 этап. В связи с двукратным введением карантинных ограничений для борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации проведение диагностической работы с выборкой исследования проводилось в два периода: в июле 2020 г. (Центр в Костромской области) и с февраля по апрель 2021 г. (остальные базы исследования).

2 этап. С конца 2020 года по начало мая 2021 года производилась обработка массива полученных данных с выводением результатов, готовых для дальнейшего количественного и качественного анализа. В ходе обработки диагностического блока данных окончательно определены критерии оценки по адаптированным методикам ШНП-О, ШСО-П. В марте 2021 года закончен сбор данных по опросу «Как вы это понимаете?», проведен его анализ.

3 этап. Заключительный этап включал математико-статистический анализ полученного массива данных при помощи программы Microsoft Office Excel и статистического пакета IBM SPSS Statistic (версия 22). Сформированы выводы эмпирической части исследования, заключение, на основе результатов исследования подготовлены методические рекомендации по организации психологической помощи несовершеннолетним, имеющим негативный опыт переживания хронического социального ostracism.

Научная новизна исследования определена комплексом мер, предпринятых с целью изучения социального ostracism как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних: выделено и описано понятие социального ostracism, классифицирована методология исследования социального ostracism, впервые на русском языке полностью описана модель ostracism К.Д. Вильямса, проанализированы современные научные работы,

рассматривающие взаимосвязь антисоциального поведения и процессов игнорирования, исключения и отвержения.

В рамках отечественной юридической психологии проблематика взаимосвязи антисоциального поведения несовершеннолетних впервые изучена с точки зрения подхода психологического феномена социального ostracизма.

На основе эмпирического исследования установлен факт влияния процессов игнорирования, исключения и отвержения на формирование у несовершеннолетнего паттернов антисоциального поведения; выделены индивидуально-типологические характеристики личности и используемые копинг-стратегии как фактор дезадаптации остракированного несовершеннолетнего с антисоциальным поведением; обнаружены сильные корреляционные связи между агрессивным и аутодеструктивным поведением для всей выборки остракированных несовершеннолетних, как с просоциальным, так и антисоциальным поведением.

Кроме того, в диссертационном исследовании в качестве теоретической основы использована ранее не применявшаяся в российских научных исследованиях «Модель ostracизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени его воздействия К.Д. Вильямса» («The temporal need-threat model of ostracism»)¹; апробированы и адаптированы под реалии российской действительности и с учетом возрастных особенностей несовершеннолетних ряд минимальных приемов симулирования условий социального ostracизма: «Кибербол» (Cyberball), «Ostracизм-камера» (O`Cam), «В поезде» (O`Train), а также психодиагностические методики «Шкала субъективного ostracизма-Подростки», «Шкала нарушенных подробностей-Ostracизм».

Теоретическая значимость исследования. Представленный в диссертационном исследовании анализ научных источников вносит значительный вклад в формирование отечественной теоретико-методологической базы данных в области изучения психологического феномена социального ostracизма: выявлены

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 41. P. 275–314.

основные теории и модели, в рамках которых на сегодняшний день проводятся исследования различных аспектов феномена социального ostracизма (модель ostracизма К.Д. Вильямса, теории социометра М.Р. Лири, пересечения физической и социальной боли Н. Айзенбергер и др.), что, в свою очередь, способствует расширению «практики системных научных исследований по проблемам молодежи»¹.

На основе теоретического анализа и результатов эмпирического исследования выявлен широкий спектр перспективных исследований: необходимость теоретического переосмысления второй стадии модели ostracизма К.Д. Вильямса и разработки валидного расширенного диагностического инструментария в области социального ostracизма для детей и взрослых, технологий с доказанной эффективностью по преодолению негативного воздействия социального ostracизма на несовершеннолетнего.

В контексте проблематики становления в Российской Федерации института ювенальной юстиции, которую ряд авторов определяет «не только как совокупность государственных институтов и правовых механизмов, но и как социально-психологические, социализирующие инструменты и программы», полученные результаты исследования вносят вклад в формирование массива научных данных в области изучения детерминант антисоциального поведения несовершеннолетних и поиска эффективных профилактических программ².

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть включены в диагностическую, профилактическую, реабилитационную и исследовательскую работу специалистов широкого спектра, работающих в сфере образования, социальной работы, ювенальной пенитенциарной системы. Апробированные методики могут быть использованы данными специалистами для выявления несовершеннолетних из зоны риска субъективной ostracизации, а подготовленные методические рекомендации – для

¹ См.: Об утверждении основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации : от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50. Ст. 7185.

² См.: Давыденко А.В. Перспективы введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции // Законодательство и экономика. 2015. № 10. С. 64–68.

разработки собственных программ по организации психологической помощи несовершеннолетним, имеющим негативный опыт переживания хронического социального остракизма.

Результат данного диссертационного исследования в части, касающейся наличия связи между воздействием социального остракизма и одним из механизмов расширенного криминального суицида, вносит вклад в комплекс мероприятий по устранению «причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности», предусмотренных законодательством Российской Федерации¹.

Положения, выносимые на защиту:

1. В случае длительной остракизации, вне зависимости от наличия или отсутствия у несовершеннолетнего опыта антисоциального поведения, нарастание уровня агрессивного поведения ведет к нарастанию уровня аутодеструкции, что потенциально может привести к реализации сценария расширенного криминального суицида, т. е. к антисоциальному реагированию. Данный результат служит доказательством того, что социальный остракизм является значимым фактором в процессе становления паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних.

В группе не остракированных несовершеннолетних такой корреляционной связи не выявлено.

2. Социальный остракизм при вхождении его в факторную структуру *антисоциального поведения* несовершеннолетних значимо отличает группы остракированных от группы не остракированных несовершеннолетних. В частности, нами выявлено, что у **остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением:**

– уровень удовлетворения потребностей в контроле и осмысленном существовании (кластер власти и провокации) находится на более низком уровне,

¹ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 3 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177; Рос. газ. 2020. 29 апр. № 91.

чем уровень удовлетворения потребностей в самоуважении и принятии (инклюзивный кластер) по сравнению с остракированными несовершеннолетними с просоциальным поведением;

– снижение уровня самооценки в результате игнорирования не ведет к активной деятельности по реинклюзии, а наоборот, запускает копинговую реакцию «ухода от проблемы». Чем сильнее дезадаптирован такой ребенок, тем более сильную неопределенность, эмоциональный дискомфорт он испытывает, тем выше его неудовлетворенность собой и неприятие других по сравнению с не остракированными несовершеннолетними с антисоциальным поведением;

– обнаружены особенности в индивидуально-типологических характеристиках личности: они более сензитивны и тревожны, но менее экстравертированы, спонтанны и агрессивны, чем не остракированные несовершеннолетние с антисоциальным поведением.

3. Комплексный анализ всех групп сравнения на основе изучения корреляционных связей по Спирмену и результатов исследования с применением метода многомерного шкалирования ALSCAL по 5 методикам позволил выделить ряд характеристик, присущих только группе «остракированные несовершеннолетние с антисоциальным поведением».

В частности, мы констатируем наличие минимального количества корреляционных связей в данной группе. Выделенный в качестве основополагающего фактор «дезадаптивность» связан с адаптивными копинг-стратегиями «принятие ответственности» и «планирование решения проблем» деструктивной формы реализации. В контексте прогнозирования наиболее близкие к адаптационной стратегии остракированного несовершеннолетнего с антисоциальным поведением – копинговые механизмы уклонения: «дистанцирование» и «бегство/избегание». Для сравнения: у совершеннолетних с антисоциальным поведением, но без фактора остракизма, потенциальные ресурсы адаптивности имеют связь не с копингами, а с такими показателями адаптации, как «приятие себя» и «внутренний контроль». Иных значимых факторов, характеризующих данную подгруппу несовершеннолетних, не зафиксировано.

Исходя из комплексного анализа, мы делаем вывод об экстремально низкой ресурсности остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением. В связи с этим можно сделать заключение о том, что в случае высокой степени остракизации и при наличии опыта антисоциального поведения несовершеннолетним требуется помощь третьих лиц, поскольку без поддержки извне такой несовершеннолетний не в состоянии (нет внутренних сильных ресурсов) выйти из своего актуального состояния.

Обоснованность и достоверность результатов представленных в работе основных научных положений, сформулированных выводов и методических комментариев по организации психологической помощи несовершеннолетним, имеющим негативный опыт переживания длительного социального ostracism, обоснованы применением модели ostracism К.Д. Вильямса, выбором методологии и методов исследования, адекватных цели и научным задачам диссертации; репрезентативностью выборки; методами статистической обработки данных. Надежность результатов работы подтверждена наличием групп сравнения.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и результаты исследования были представлены на IX Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы медико-психологической реабилитации лиц опасных профессий» (г. Иркутск, 2018), Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Коченовские чтения» (г. Москва, 2018, 2020), XXVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2019), XXVIII Всероссийских чтениях студентов, аспирантов, молодых ученых с международным участием «XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки» (г. Тула, 2019), Международной научно-практической конференции «Семья и дети в современном мире» (г. Санкт-Петербург, 2019), Международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии» (г. Ялта, 2019), конференции с

международным участием «Международный опыт профилактики социальных рисков в сфере детства: политика, наука, практика» (г. Москва, 2019), II Всероссийском симпозиуме психологов «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (г. Рязань, 2020), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020)» (г. Санкт-Петербург, 2020).

По теме исследования опубликованы 15 работ: 4 в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (3,78 п. л.), 11 (тезисы конференций, методические рекомендации) – в иных изданиях (2,96 п. л.).

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала и приложений. Работа содержит 237 страниц, 20 таблиц, 16 рисунков и 14 приложений. Список литературы включает 192 наименования литературных источников.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОСТРАКИЗМА КАК ФАКТОРА АНТИСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

1.1. Понятие «социальный остракизм»

Понимание феномена социального остракизма не ограничивается рамками заложенных в него подконструктов игнорирования, исключения и/или отвержения. На наш взгляд, для научного осмысления данного феномена в рамках психологии, и юридической психологии в частности, необходим междисциплинарный взгляд: рассмотреть исторические предпосылки возникновения данного понятия, его антропологические аспекты, проанализировать родственные понятия и, наконец, подойти к тому, как его понимает современная отечественная и зарубежная психология. Именно такой комплексный подход к пониманию понятия феномена «социальный остракизм» позволит приблизиться к пониманию его механизмов.

Остракизм как психологический феномен, являясь неотъемлемой частью социальной коммуникации, развивался и модифицировался на всем этапе эволюции человека и некоторых видов социальных животных¹. Антропология и философия рассматривают его как институт, имеющий древнее происхождение и ритуальные корни. История возникновения собственно названия данного феномена берет свое начало в античные времена и лежит скорее в поле политологии, поскольку изначально «остракизм» представлял собой правовой акт – закон об остракизме².

¹ Söderberg P., Fry D. P. Anthropological Aspects of Ostracism // In Ostracism, Exclusion, and Rejection, edited by Kipling D. Williams & and Steve A. Nida. Publisher: Routledge. 2017; Spoor J.R., Williams K.D. The Evolution of an Ostracism Detection System // Evolution and the Social Mind. Evolutionary Psychology and Social Cognition, ed. by J. P. Forgas, M.G. Haselton, W. von Hippel. 2007; Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452.

² Malkopoulou A. Ostracism and democratic self-defense in Athens // Constellations. 2017. Vol. 24. P. 623–636.

В государствах-полисах Древней Греции (V век до н. э.) остракизм применялся как мера изгнания влиятельных граждан из полиса на определенный срок «без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах»¹. Примечательно, что античный остракизм отвечал главному критерию определения социального остракизма как психологического феномена, – он не предполагал возможности обратной коммуникации со стороны изгнанного.

Сегодня античному остракизму часто приписывают карательную функцию. Однако, как свидетельствуют дошедшие до нас нарративные и эпиграфические источники, остракизм применялся лишь в качестве превентивной меры, упреждающей возможные противоправные действия гражданина полиса. По нормам древнегреческого права, остракизм не являлся наказанием, поскольку не следовал за преступлением². В таком понимании, согласно типологии остракизма К.Д. Вильямса, это явно не карающий (пунитивный), а защитный тип остракизма. По факту, историкам известно лишь о 12 случаях применения остракизма в Афинах³.

Слово «остракизм», появившееся в тексте закона, пережив свое первичное смысловое наполнение как меры защиты демократии, вошло во многие языки народов мира почти без изменения и используется сегодня в общем понимании в контексте отвержения, изгнания, неприятия кого-либо кем-либо.

1.1.1. Антропологические аспекты остракизма

В антропологии существует устойчивая тенденция считать остракизм формой социального контроля⁴. Д. Блэк пишет, что в разных типах обществ социальный контроль, как правило, реализуется в неформальных формах,

¹ Суриков И.Е. Указ. соч. С. 114.

² См.: Там же.

³ Söderberg, P., Fry D.P. Anthropological Aspects of Ostracism.

⁴ См.: Белик А.А. Культурная (социальная) антропология : учеб. пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 с.; Black D. The social structure of right and wrong. San Diego, CA: Academic Press. 1993. 124 p.

принимая облик, например, критики, выговора, унижения, депривации, высмеивания, порчи имущества, неодобрительных взглядов, насилия и остракизма. Антрополог К. Боэм считает, что социальный контроль имеет разную степень силы воздействия и ранжируется от умеренного (критика, высмеивание, сплетни) до сильного (изгнание, остракизм) и заканчивается экстремальной степенью (казнь нарушителя)¹. Нелишне добавить, что в определенных условиях и при особых обстоятельствах остракизм в форме изгнания из общества может стать казнью, если изгнанный в новых условиях не сможет поддерживать свою жизнедеятельность. У некоторых народов остракизм считался альтернативой казни неугодного члена его общества. Например, еще в начале XX века «остракизм в Дагестане предусматривал две формы избавления от порочного члена: лишение жизни и физическое отчуждение путем изгнания из своей среды»².

У социальных видов начиная с львов, волков, буйволов до человека вопрос выживания напрямую связан с сохранением взаимоотношений в группе себе подобных³. Так, среди койотов, которые изгнаны и ведут жизнь одиночки, смертность в разы больше, чем среди тех особей, которые продолжают жить в стае. С точки зрения воспроизведения человеческого рода, жизнь в группе (общине, полисе, племени и т. д.) всегда была решающим фактором в вопросе репродукции и выживания, поскольку подразумевает некоторые предпочтения перед жизнью в одиночестве: доступ к обмену и распределению продуктами питания, защиту от хищников, совместное воспитание детей⁴.

В сравнении с прямым физическим противостоянием социальный остракизм представляет более безопасный для его источника метод наказания: остающиеся в группе меньше рискуют получить физические травмы или увечья⁵.

¹ Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior // Cambridge, MA: Harvard University Press. 1999. 203 p.

² Магомедсалихов Х.Г., Мусаева А.Г. Традиции остракизма в Дагестанском обществе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М.: Российская академия наук. 2009. Т. 5. С. 58.

³ Spoor J. R., Williams K. D. The Evolution of an Ostracism Detection System.

⁴ Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. 203 p.

⁵ Avoiding the social death penalty: Ostracism and cooperation in social dilemmas / J.W. Ouwerkerk [et al.] // In K.D. Williams, J.P. Forgas & W. von Hippel (Eds.) The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying. New York: Psychology Press. 2005. P. 321–332.

Экспериментально подтверждено, что члены группы постоянно обмениваются между собой информацией о репутации друг друга и подвергают той или иной степени остракизма тех, кто не соответствует нормативному уровню группового взаимодействия¹. Результаты этих исследований подтверждаются и в антропологических исследованиях: люди в любой точке мира используют меры социального контроля в отношении тех членов своего сообщества, которые нарушают социальные нормы².

1.1.2. Теоретико-эмпирическое обоснование понятия «социальный остракизм»

Если обратиться к теоретическим и эмпирическим работам в области исследования процессов игнорирования, исключения и/или отвержения, то представляется возможным говорить о наличии целого спектра не только различных определений, но и концептуальных подходов к пониманию места данных психологических явлений с точки зрения иерархичности.

Термин *социальный остракизм* можно встретить в книге Ю.П. Платонова в контексте разнообразных форм «негативных санкций, которые можно применить и которые способны актуализировать негативную мотивацию: социальная изоляция (пренебрежение, игнорирование, неприятие группой, социальный остракизм)»³. В данном случае мы видим, что за крупную смысловую единицу здесь взято понятие «социальная изоляция», а другие рассматриваются лишь как производные от него, в том числе остракизм.

Как показано нами в разделе введения, описывающем степень разработанности темы исследования, наибольший массив теоретико-эмпирических работ сконцентрирован в трудах зарубежных ученых последних 30 лет. Однако и

¹ Feinberg M., Willer R., Schultz M. Gossip and ostracism promote cooperation in groups // Psychological Science. 2014. Vol. 25. P. 656–664.

² Black D. The social structure of right and wrong. 124 p.; Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. 203 p.; Söderberg P., Fry D.P. Anthropological Aspects of Ostracism.

³ Платонов Ю.П. Психология конфликтного поведения. СПб.: Речь, 2009. С. 115.

в них до сих пор нет полной ясности в разграничении этих понятий: описывают ли они разные феномены или фактически синонимичны. Так, К.Д. Вильямс понимает *остракизм* в качестве двухфакторного феномена: «быть игнорированным или исключенным». Согласно выдвинутой им модели остракизма это «процесс, характеризуемый в качестве разворачивающейся последовательности реакций, которые испытывают на себе индивиды при игнорировании и исключении»¹. По определению Дж.М. Твендж, *социальное исключение* означает «быть исключенным, в одиночестве или изолированным, иногда с явной декларацией неприязни, а иногда без нее». Пожалуй, самый четкий критерий, определяющий отличие отвержения от других родственных феноменов, дал М.Р. Лири – это демонстративность, иногда публичность. *Отвержение*, по его мнению, происходит «в виде заявления индивида или группы о том, что они (больше) не хотят взаимодействовать или находиться в обществе того или иного субъекта».

Несмотря на перечисленные частные особенности, стойкой привязки к указанным определениям у большинства исследователей не произошло². В своих исследованиях они используют их, по большей части, попеременно и в общем контексте игнорирования, исключения и/или отвержения. Однако наиболее часто все ученые применяют понятие «остракизм», нередко делая ссылки на то, что они понимают под этим весь спектр игнорирования, отвержения и/или исключения³. В 2005 г. под общей редакцией К.Д. Вильямса, Дж.П. Форгаса и В. фон Хиппеля в свет вышел сборник научных статей по обсуждаемой тематике. Отдавая

¹ Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism. P. 2.

² Pelliccio L.J., Walkerb S. What is an interpersonal ostracism message?: bringing the construct of ostracism into communication studies // Atlantic journal of communication. 2020. P. 1–16; Schaafsma J., Williams K.D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism. P. 829–837; Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism. Aggressive behavior. 2012. Vol. 38. P. 108–125.

³ Ostracism in everyday life / J.B. Nezelek [et al.] // Group Dynamics: Theory, Research, Practice. 2012. Vol. 16. P. 91–104; Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. P. 134–148; Rajchert J., Konopka K., Huesmann L.R. It is more than thought that counts... P. 33–50; Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 34–38; The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes / D.J. Hawes [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. 2012. Vol. 9. Iss. 2. P. 599–613; Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism. P. 1–5; Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. P. 217–236.

должное научной дискуссии о понятии остракизма и родственных феноменов, авторы дали книге довольно «демократичное» название: «Изгой общества: Остракизм, социальное исключение, отвержение и буллинг»¹.

В рамках решения одной из задач диссертационного исследования нами были проанализированы более 100 научных источников по теоретико-эмпирическим исследованиям процессов игнорирования, исключения и/или отвержения. Анализ данных работ позволяет сделать ряд важных для закрепления в данной работе определения «социальный остракизм» выводов: остракизм (игнорирование и/или исключение) всегда рассматривается наравне с отвержением, а выделенные психологические и соматические эффекты воздействия игнорирования, исключения и отвержения едины для всех трех названных конструктов². В данном отношении нам хотелось бы добавить, что практика разделения (например, в теоретическом обосновании модели остракизма Вильямса К.Д.) процессов отвержения и остракизма как акта игнорирования и/или исключения представляется нам парадоксом. Если обратиться собственно к истории возникновения слова «остракизм», то, как политическая мера времен Античности, остракизм представлял собой именно процесс отвержения: публичное, демонстративное изгнание.

Резюмируя изложенное в данной исследовательской работе, говоря о феномене социального остракизма, мы подразумеваем, что в его состав входят конструкты игнорирования, исключения и/или отвержения. В данном исследовании мы называем «феномен остракизма, *социальным остракизмом*, выделяя таким образом его как термин в психологии и отличая от изначально исторического понятия «остракизм», вошедшего в обиход в 506–505 гг. до н.э. в Древней Греции с принятием Закона об остракизме»³.

¹ The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying. Ed. by K.D. Williams, J.P. Forgas, von W. Hippel New York: Psychology Press. 2005. 389 p.

² The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying; Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. P. 21–53; Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. P. 217–236.

³ Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 127–140.

1.1.3. Виды социального ostracism

На первый взгляд, создается впечатление, что социальный ostracism как акт игнорирования, отвержения и/или исключения – это некое внешне наблюдаемое действие. В реальности люди часто не замечают, что подвергают кого-либо ostracismу, и потому не отдают себе отчет о последствиях своих действий. Подтверждение данному утверждению можно найти в представленной К.Д. Вильямсом типологии ostracismа¹.

Псевдо-ostracism: поведение субъекта ошибочно интерпретируется объектом как ostracism (например, человек приветствует проходящего мимо, а последний не видит или не слышит приветствующего, при этом человек полагает, что это намеренно).

Ролевой ostracism: ostracism предписывается нормами и ролями самой ситуации (например, игнорирование официанта, который подливает воду в бокал или убирает посуду).

Карающий (пунитивный) ostracism: ostracism применяется с целью наказания или индикации неодобрения (например, для контроля членов группы, которые своим девиантным поведением или стигматизированным статусом представляют угрозу для коллектива или для мотивации отдельных членов группы к изменению ими их нежелательного или неприемлемого поведения). Игнорирование как дисциплинарная мера часто используется также в педагогике. В иностранной педагогической литературе такой метод получил название «тайм-аут», обозначающий «непродолжительный период времени, в течение которого ребенок игнорируется или исключается» с целью корректировки его поведения². В этом контексте «тайм-аут» может рассматриваться как социально приемлемое использование ostracismа;

Защитный ostracism: люди подвергают ostracismу другого человека в целях защиты (например, чтобы самим не стать мишенью ostracismа);

¹ Ostracism in everyday life / J.B. Nezlek. P. 91–104.

² Williams K.D. Ostracism. P. 440.

Ненамеренный остракизм: субъект не замечает объект остракизма, поскольку полагает, что объект не стоит его внимания, или вообще не подозревает о его существовании (такое часто происходит при несоответствии в статусах субъекта и объекта: поп-звезда – фанат, король – подданный)¹.

Необходимо также упомянуть о ряде других понятий, которые описываются в научных работах в рамках изучения социального остракизма. Нередко на страницах зарубежных научных статей можно встретить понятие *silent treatment* (англ.), которое в зависимости от стилистики текста можно перевести на русский язык как «молчанка», «молчаливое бойкотирование», «наказание молчанием»² и подразумевает частный случай социального остракизма со стороны друзей и близких³.

В обзорах, посвященных анализу социальной динамики в жизни преступников накануне нападений на школы и колледжи, очень часто можно встретить упоминание о «романтическом отвержении», «отказе» (*romantic rejection*, англ.)⁴.

Тотальная дигитализация, рост доли «экранного времени» в жизни детей и подростков⁵ сделали возможным проявление социального остракизма в новых реалиях современной жизни, а именно в виртуальном пространстве, в виде *киберостракизма*⁶.

¹ См.: Бойкина Е.Э. Указ. соч. С. 127–140.

² When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism / K.L. Sommer [et al.] // *Basic and Applied Social Psychology*. 2001. Vol. 23. P. 225–243; Williams K.D., Shore W.J., Grahe J.E. The silent treatment: Perceptions of its behaviors and associated feelings // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1998. Vol. 1. P. 117–141.

³ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

⁴ Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with... P. 3–24.

⁵ Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.

⁶ См.: Бойкина Е.Э. Социальный остракизм в виртуальном пространстве // *Международный опыт профилактики социальных рисков в сфере детства: политика, наука, практика: сборник тезисов*. М.: МГППУ, 2019. С. 15–17; Investigations into differences between social and cyberostracism / K.D. Williams [et al.] // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2002. Vol. 6. P. 65–77; Ostracism Online: A social media ostracism paradigm / W. Wolf [et al.] // *Behavior Research Methods*. 2015. Vol. 47. P. 361–373; Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments / M.P. Kassner [et al.] // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2012. Vol. 12. Iss. 8. P. 399–403.

Век смартфонов и гаджетов породил еще один подвид социального остракизма – *фаббинг* (от англ. «phone» (телефон) + «snubbing» (пренебрежительное обхождение, унижение). А. Хейлс с коллегами доказали, что в случае фаббинга (собеседник в общении лицом к лицу начинает отвлекаться на свой телефон, планшет) остракированные таким образом люди испытывают то же психологическое воздействие, что и от других форм остракизма: эмоциональную боль и угрозу четырем основным психологическим потребностям¹. На сегодняшний день фаббинг также рассматривается не только с позиции социального остракизма, но и как «результат совокупности видов зависимого поведения и измененная норма «социального поведения и общения»². В рамках последнего подхода исследования Т.Л. Крюкова и О.А. Екимчук выявили, что использование фаббинга женщинами и мужчинами, состоящими в близких отношениях, имеет разные причины. Для мужчин фаббинг – возможность уйти от прямого контакта, «спрятаться за гаджетом». Для женщин, наоборот, фаббинг – это демонстрация открытости и отсутствия от него секретов.

За последнее десятилетие в нашу жизнь прочно вошло понятие «cancel culture» (англ., «культура отмены»). Смысл культуры отмены – в бойкоте известных персон или брендов, которые были замечены в сексистских, гомофобных или расистских высказываниях или поступках. Они, по мнению общества, должны быть «отменены», буквально стерты из медиапространства.

Отдельная ветвь исследований актуальных тенденций социальной коммуникации посвящена взаимоотношению людей в сети Интернет. В данном отношении проявления остракизма можно обнаружить в таких феноменах, как «гостинг» (от англ. «ghost» – призрак) и «орбитинг» (от англ. «orbiting» – быть на орбите)³. В случае «гостинга» речь идет о неожиданном обрыве коммуникации с одной стороны, а в случае «орбитинга» источник остракизма хоть и обрывает

¹ См.: Бойкина Е.Э. Социальный остракизм в виртуальном пространстве. С. 15–17.

² Крюкова Т.Л., Екимчук О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 64.

³ Ghosting and orbiting: An analysis of victims' experiences / L. Pancani, [et al.] // Journal of Social and Personal relations. 2021. P. 1–34.

коммуникацию, но продолжает держаться «на орбите» своей цели, просматривая его активность в соцсетях, но игнорируя общение.

В описании модели остракизма К.Д. Вильямс выявил также один из основополагающих критериев, который может служить «водоразделом» с рядом понятий, несущих в себе элементы игнорирования, исключения и/или отвержения, таких как, например, буллинг, моббинг, стигматизация и др. Одна из особенностей остракизма, как подчеркивает К.Д. Вильямс, состоит в том, что он *не предполагает обратного диспута со стороны объекта*. Если выразиться метафорично, то в остракизме взаимоотношения между субъектом (источником) и объектом (целью) остракизма напоминают людей, разделенных зеркалом Гезелла: в момент остракизма у объекта нет возможности как-то воздействовать на субъект, поскольку для субъекта объект в данный момент не существует. В исследованиях такая ситуация часто описывается как «социальная смерть»¹. В этом и состоит основное отличие остракизма от разного рода вербальных или физических противоречий в коммуникации, а именно: в невозможности как-то ответить, повлиять на источник остракизма. Как метко описывает такое состояние сам К.Д. Вильямс, «с таким же успехом индивид может спорить с кирпичной стеной»².

1.1.4. Родственные феномены социального остракизма

Проблематика определения границ понятия «социальный остракизм» присуща, как уже было рассмотрено выше, не только внутреннему содержанию понятия (например, входят ли в него только конструкты «игнорирование» и «исключение», а «отвержение» обособлено?), но и внешнему: насколько близко подходят к границам или частично пересекаются с рассматриваемым нами

¹ См.: Белик А.А. Указ. соч. 613 с.; Avoiding the social death penalty: Ostracism and cooperation in social dilemmas. P. 321–332.

² Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

понятием те или иные родственные по смыслу или силе психологического воздействия понятия. Данный вопрос привлек наше внимание ввиду уже имеющейся научной дискуссии о том, является ли остракизм ядром родственных для него понятий, включающих в себя один или несколько из его составляющих элементов (игнорирование, исключение, отвержение) или же остракизм, как некая составная единица, сам входит в ядро такого понятия, как, например, буллинг, бойкотирование¹.

При попытках описания феномена социального остракизма мы также сталкиваемся с тем, что такие понятия, как «(социальный) остракизм», «одинокчество», «(межличностная) изоляция», часто употребляются в качестве синонимов. В результате «понятийное многообразие» превращается в понятийную неопределенность и сильно затрудняет понимание самого феномена социального остракизма².

Одинокчество и остракизм

В случае, когда остракизм принимает хронический характер (третья стадия модели остракизма К.Д. Вильямса), «люди страдают от чувства *одинокчества*, впадают в депрессию, испытывают беспомощность и никчемность»³. Иными словами, исследователи социального остракизма воспринимают «одинокчество» в качестве реакции: либо в виде болезненного переживания одинокчества, либо в качестве копинговой стратегии – добровольный поиск одинокчества с целью преодоления негативного эффекта социального остракизма. Подобная позиция поддерживается и исследователями феномена «одинокчество».

¹ Bulling and Ostracism Screening scales (BOSS): Development and Applications / C.F. Saylor, [et al.] // *Children`s Health Care*. 2012. Vol. 41. Iss. 4; Gerber J., Wheeler L. On Being Rejected: A Meta-Analysis of Experimental Research on Rejection. P. 468–488; *Interpersonal Rejection*, edited by M. R. Leary, Oxford University Press USA – OSO. 2001. 352 p.; *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. 389 p.

² См.: Клейберг Ю.А. Указ. соч.

³ См.: Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. С. 127–140. *Personality moderators of reactions to interpersonal rejection: depression and trait self-esteem* / J.B. Nezlek [et al.] // *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 1997. Vol. 23. P. 1235–1244 Ren D., Wesselman E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression. P. 35.

В классификации В.Н. Куницыной и ее коллег одиночество часто результирует тот или иной аспект игнорирования, исключения и/или отвержения: так, например, под *социальным одиночеством* понимается отторжение человека значимой группой, при *культурном* – потеря связи (исключение) с культурным наследием¹.

О связи одиночества и социального ostracism писал в рамках феноменологического подхода К. Роджерс, полагая, что одиночество наиболее болезненно перед лицом страха быть отвергнутыми социумом².

Об одиночестве как о психическом феномене можно говорить в разных категориях. Одиночество как *чувство* сопряжено с осознанием невозможности, по крайней мере, на данном этапе, иметь близкие отношения с кем-либо. Одиночество как *состояние* – это переживание человеком потери внутренней целостности, внешней гармонии с миром. Понимание данного феномена в качестве *процесса* подразумевает постепенное утрачивание способности личности воспринимать и реализовывать имеющиеся в обществе нормы, принципы, ценности в конкретных жизненных ситуациях). Осознанное нежелание поддерживать близкие отношения с кем-либо – одиночество *как жизненная позиция*³.

Применительно к изучению социального ostracism с позиции психологической науки наиболее частотно можно встретить упоминания о возникновении у ostracism-ируемого чувства, ощущения, состояния одиночества⁴.

С.Г. Корчагина выделила не только несколько видов состояния одиночества, но и описала их глубину проявления (от нормы до патологии).

Отчуждающее одиночество связано с преимущественным действием механизмов обособления в психологической структуре личности, крайней формой

¹ См.: Куницына В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

² См.: Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М.М. Исениной. М.: Прогресс: Универс. 1994. 479 с.

³ См.: Корчагина С.Г. Психология одиночества: учеб. пособие. М.: Моск. психолого-соц. ин-т, 2008. 228 с.; Швалб Ю.М. Одиночество: социально-психологические проблемы. Киев: Україна, 1991. 270 с.

⁴ См.: Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. С. 127–140; Williams, K. D. Ostracism. P. 425–452.

которых выступает отчуждение: от других людей, норм, ценностей, определенной группы, мира в целом. На сегодняшний день одной из новых форм отчуждающего одиночества, на наш взгляд, может считаться феномен *хикикомори*¹, описываемый А.Е. Войскунским и Г.У. Солдатовой как относительно новая для общества проблема десоциализации нового поколения, растущего в условиях смешанных реальностей.

Диффузное одиночество (diffusio – распространение, растекание; лат.) обусловлено преимущественным действием механизмов идентификации. Отождествляя себя с другими людьми, человек постепенно теряет свое «Я» и отчуждается от себя самого.

Диссоциированное одиночество (dissociatio – разъединение; лат.), относящееся к разряду пограничных состояний, определяется ярко выраженными процессами идентификации и отчуждения и резкой их сменой по отношению даже к одним и тем же людям. Чувство одиночества при этом острое, четкое, осознаваемое, болезненное.

Управляемое одиночество, в некоторых работах его называют уединенностью, субъективно обладает положительной коннотацией. Оно представляет собой вариант переживания психологической отдельности, осознания собственной индивидуальности, автономности².

Изоляция и остракизм

Анализ теоретических источников по теме социального остракизма дает основание утверждать, что понятие «изоляция» пересекается с понятием социального остракизма, как это ни парадоксально, но лишь отчасти, в первоначальном понимании слова «остракизм» как отвержение, изгнание. И связано это с тем, что, являясь, по сути, исторически сложившейся формой

¹ См.: Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 22–43.

² См.: Корчагина С.Г. Указ. соч.

одиночества¹, понятие изоляции имеет широкий внутренний контекст. Помимо этого, стоит заметить, что «изоляция в большей степени связана с *физической, пространственной и временной локализацией* человека по отношению к социальному окружению и является внешне обусловленной ситуацией, а не внутренним психическим переживанием»².

В своем диссертационном исследовании Е.В. Неумоева предложила типологизацию изоляции с позиции отношения к ней самого объекта: является ли изоляция результатом свободного выбора или нет. Согласно предложенной типологии в поле зрения социального ostracизма попадает *принудительная изоляция* – изоляция отверженного в группе. Примеры подобного вида ostracизма, принимающего форму принудительной изоляции, можно обнаружить в этологии (изгнание больных, ослабленных животных из стаи, прайда), в антропологии племен (изгнание из общины, племени, клана его девиантных членов), в пенитенциарных системах (заключение под стражу членов общества, угрожающих своими действиями обществу) и т.д. Однако изоляция не всегда является следствием социального ostracизма. Согласно Е.В. Неумоевой различают еще *вынужденную* (например, карантинные мероприятия) и *добровольную* виды изоляции (отшельничество, монашество)³.

Интересен тот факт, что наличие связи между изоляцией и ostracизмом в одной и той же ситуации вариативно, и медиатором в данном случае выступает рассмотренный нами выше феномен одиночества. По данным исследований, политические заключенные (читай – ostracированные обществом путем принудительной изоляции), даже находясь в одиночной камере, в случае если они твердо уверены в своей правоте и ощущают моральную поддержку своих единомышленников, субъективно не ощущали одиночества и соответствующего связанного с ним негативного психологического воздействия.

¹ См.: Швалб Ю.М. Одиночество: социально-психологические проблемы. Киев: Украина, 1991. 270 с.

² Корчагина С.Г. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Неумоева Е.В. Указ. соч.

Как и социальный остракизм, изоляция (добровольная) обладает адаптивным эффектом и служит для сохранения жизни, здоровья людей, культуры, устоев общества. При этом изоляция может затронуть не только одного человека или небольшую группу людей, но и население всего государства: так, с 1641 г. на протяжении двух веков Япония вела политику внешней самоизоляции – сакоку – с целью сохранения религии и феодального строя.

Стигма и остракизм

Анализ теоретических и эмпирических исследований причин остракирования человека (или группы), а также реакций на социальный остракизм позволяет сделать вывод о тесной связи и взаимозависимости таких психологических феноменов, как «социальный остракизм» и «стигма»¹.

Как и слово «остракизм», происхождение слова «стигма» восходит к временам Древней Греции (от др.-греч. *στίγμα* – «знак, клеймо, татуировка, пятно, отметина»). «Стигма – это древнегреческий термин, указывающий на знак или отметину, вырезанную или выжженную на теле человека, характеризующую его как «дефектного» в моральном плане»². Как видно, остракизм – это *процесс* игнорирования, отвержения и/или исключения человека, а стигма – некий его *внешний признак* (или приписываемый таковой себе) человеком. В этом, на наш взгляд, и состоит основное различие между двумя этими понятиями, которые, как будет показано далее, порой очень тесно переплетаются и имеют взаимообуславливающие причинно-следственные связи.

И. Гофман, выпустивший в 1963 году свою (как ее называет швейцарский психиатр А. Финзен, теперь уже ставшую классической) книгу «Стигма: заметки

¹ Crocker J., Major B., Steele C. Social stigma. Handbook of social psychology / eds. by D. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey Boston: McGraw-Hill, 1998. P. 504–553; Goodwin S.A., Williams K.D., Carter-Sowell A.R. The psychological sting of stigma: The costs of attributing ostracism to racism // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46. P. 612–618; Ostracism in everyday life / J.B. Nezlek [et al.]. P. 91–104; Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. P. 21–53.

² Бовина И.Б. Стигматизация: социально-психологические аспекты. Ч. 1 // Психология и право. 2013. Т. 3, № 3. С. 1–20.

об управлении испорченной идентичностью», выделял несколько видов стигмы: связанную с физическим дефектом, деформацией (телесные уродства); с дефектом индивидуального характера (психические заболевания, судимость, нетрадиционная сексуальная ориентация, употребление психоактивных веществ, радикальные установки и др.) и с родовой стигмой (филогенетическая стигма расы и религии, передаваемая от одного поколения другому и заклеивающая всех членов семьи)¹. Говоря о родовой стигме, И. Гофман отмечает важное качество стигмы: тенденцию перехода от стигматизированного индивида на близких ему людей. Данный подвид стигмы И. Гофман называет «почетной стигмой» (англ. *courtesy stigma*). По мнению К.Д. Вильямса, выделившего виды остракизма, «почетная стигма» является одной из причин «защитного остракизма»: «люди могут подвергаться остракизму другого человека, потому что они просто боятся быть связанными с этим человеком, в результате чего могут быть подвергнуты остракизму по цепной реакции»².

И.Б. Бовина и Б.Г. Бовин, описывая виды реакций на восприятие социумом стигмы человека (группы людей), говорят о континууме, процессе эскалации реакции: от более нейтральных реакций (например, молчание) до более негативных, таких как остракизм и акты насилия³. Хотя, на наш взгляд, молчание тоже можно расценивать как вид остракизма (см. «молчаливое бойкотирование» – *silent treatment*)⁴.

Говоря о связи социального остракизма и стигматизации, нельзя не отметить ряд общих для этих феноменов аспектов. В обоих случаях, вне зависимости от наличия негативного эффекта, научные исследования обнаруживают адаптационный характер данных феноменов. А. Финзен предполагает, что стигматизация является общественной необходимостью,

¹ См.: Асмус Ф. Психоз и стигма: Преодоление стигмы – отношение к предубеждениям и обвинениям / пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетея, 2001. 213 с.; Goffman I. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. New York: Simon and Shuster, 1963.

² *Ostracism in everyday life* / J. B. Nezlek [et al.]. P. 433.

³ См.: Бовина И.Б. Указ. соч. С. 1–20.

⁴ Williams K.D., Shore W.J., Grahe J.E. *The silent treatment: Perceptions of its behaviors and associated feelings*. P. 117–141.

этнометодолог Г. Гарфинкел считает стигму необходимой для обеспечения безопасности общественного устройства¹.

Буллинг и остракизм

На сегодняшний день в науке довольно подробно исследован механизм такого феномена, как буллинг (травля), который в своей структуре имеет элементы игнорирования, исключения, а также отвержения. Некоторые ученые даже определяют остракизм как один из видов буллинга: как «относительный буллинг» (или «косвенный буллинг»)². На наш взгляд, буллинг (травля) хоть и имеет сходные структурные элементы, концептуально отличается от рассматриваемых нами феноменов. По определению Д. Ольвеуса, «буллинг (травля) – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы»³. Более того, эмпирически установлено, что и реакции на буллинг и остракизм разнятся. В лонгитюдном исследовании, изучавшем детей по мере их взросления с 5 до 11 лет, Э.С. Бус, Дж.В. Лэдд и С.Л. Херальд обнаружили, что причины хронического избегания школьных занятий и мероприятий разные в случае хронического исключения сверстниками и хроническими злоупотреблениями с их стороны (например, физическая или вербальная агрессия). В последнем случае пострадавшие дети предпочитали избегать появления в школе, как таковой, а при хроническом исключении – только классных мероприятий⁴.

В данном исследовании мы стоим на позиции разделения понятий социального остракизма и буллинга и согласны с обоснованием данной позиции, приведенной группой ученых, разработавших скрининговые шкалы буллинга и

¹ Phelan J.C., Link B.G., Dovidio J.F. Stigma and prejudice: One animal or two? // *Social Science and Medicine*. 2008. Vol. 68. P. 358–367.

² Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // *Educational process*. 2015. Vol. 4. Iss. 1–2. P. 19.

³ Цит. по: Змановская Е.В. Указ. соч.

⁴ Carter-Sowell A.R., Chen Z., Williams K. D. Ostracism increases social susceptibility // *Social Influence*. 2008. Vol. 3. P. 143–153.

остракизма (Bulling and Ostracism screening scales – BOSS). Буллинг может иметь разные формы: прямую физическую агрессию (пинки, затрешины, удары), прямую вербальную агрессию (унижение, навешивание кличек и ярлыков, обзывательства), агрессию во взаимоотношениях (слухи, отказ в дружбе, подстрекательство других не общаться с жертвой), кибербуллинг. По мнению разработчиков BOSS, остракизм и буллинг схожи в части, касающейся оказания негативного эффекта, – данные феномены приводят к нарушениям эмоциональной сферы, вызывают дистресс, снижают самооценку, могут стать причиной самоубийства или привести к антисоциальному поведению вплоть до убийства¹. В отношении концептуальной разницы между остракизмом и буллингом К.Ф. Сейлор, С.А. Нида, К.Д. Вильямс, Л.А. Тейлор и другие пишут, что в случае выбора в качестве мишени для травли какого-нибудь ученика, по крайней мере, речь идет о существовании самой жертвы, в то время как полное игнорирование и исключение дают человеку понять, что он как бы невидим или вообще не существует².

1.2. Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия (К.Д. Вильямс)

В качестве теоретико-методологической основы исследования нами взята разработанная в 1997 году К.Д. Вильямсом и модифицированная им в 2009 году «Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия»³. Данная модель широко применяется в последние 30 лет активных исследований феномена (социального) остракизма как обобщенного феномена, так и отдельных его подконструктов: игнорирования, социального исключения,

¹ См.: Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследования и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 149–159; Williams K.D. Ostracism. P. 425–452; Williams K.D. Social ostracism / In R.M. Kowalski (Ed.), *Aversive interpersonal behaviors*. New York: Plenum. 1997. P. 133–170.

² Bulling and Ostracism Screening scales (BOSS): Development and Applications.

³ Williams K.D. Social ostracism. P. 133–170; Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

отвержения, а также близких к ним понятий (например, «социальная боль» (social pain) или частным случаям остракизма («молчаливое бойкотирование», «фаббинг»)¹. Модель остракизма К.Д. Вильямса являет собой структурный подход к изучению феномена социального остракизма: описывает стадии развития данного феномена в динамике, степень воздействия на человека и его возможные реакции в зависимости от ряда факторов (нарушенные потребности, длительность воздействия). Данная модель аккумулировала в себе значительный массив накопленного к моменту ее публикации теоретического и эмпирического знания в области изучения процессов игнорирования, исключения и отвержения.

В связи с тем, что на момент проведения данного диссертационного исследования нами не обнаружен источник на русском языке, содержащий полное описание модели остракизма К.Д. Вильямса, мы считаем необходимым привести текст ее положений *подробно* и в соответствии с *логикой изложения*, задуманной автором модели². Экскурс в историю исследования феномена социального остракизма также поможет приблизиться к пониманию теоретической базы, заложенной К.Д. Вильямсом в модель остракизма.

Краткий исторический экскурс в теорию исследования социального остракизма

Некой бифуркационной точке в истории исследования социального остракизма (середина 1990-х годов), которую К.Д. Вильямс в своих работах ознаменовал как философское понятие «Zeitgeist остракизма» (нем., «дух времени»), предшествовал этап накопления теоретико-эмпирического опыта по данной тематике³.

¹ Gonsalkorale K., Williams K.D. The KKK won't let me play: Ostracism even by a despised outgroup hurts // European Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 37. P. 1176–1185; Van Beest I., Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. Iss. 5. P. 918–928.

² Williams K. D. Ostracism. P. 425–452; Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

³ Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 278.

Еще в 1951 г. С. Шехтер, проводя эксперимент по исследованию процесса формирования групповых норм и их влияния на поведение членов группы (эффект групповой поляризации), отмечал, что те члены групповой дискуссии, чье мнение отклонялось от общего и не поддавалось коррекции, в той или иной форме подвергались отвержению¹. Такую особенность остракизма, как «эффект невидимки» – когда человек в социальной коммуникации становится эллисоновским Человеком-невидимкой, которого окружающие просто не видят, не замечают, отмечал и М. Шериф в его эксперименте «Пещера разбойников». Экспериментатор выбрал себе роль «охранника-слуги» («ненамеренный остракизм»), рассчитывая на то, что дети, учитывая его статус, не станут обращать на него внимание и, главное, не будут сдерживать себя в его присутствии. Такая позиция позволила ему проводить непосредственные наблюдения за участниками эксперимента².

Во второй половине XX века предпринимались отдельные попытки исследования различных аспектов игнорирования, исключения и отвержения, хотя широкого анализа феномена социального остракизма в них не проводилось (W.E. Craighead, 1979; J.E. Dittes, 1959; A. Fenigstein, 1979; D.M. Geller, 1974; M. Rehbinder, 1986 и др.). К середине 1990-х годов, по оценке К.Д. Вильямса, психологическая наука, изучающая в той или иной форме процессы социального остракизма, подошла к той стадии развития, когда накопленный массив теоретико-эмпирического знания в данной области имел все качественные и количественные предпосылки для перехода на новый уровень развития: на уровень формирования теоретической базы исследования. Об этом периоде метко пишет сам К.Д. Вильямс: «Теперь социальная психология больше не игнорирует игнорирование и не исключает исключение».

В основу модели остракизма К.Д. Вильямс положил данные исследований, в том числе и ряда его современников: положения Р. Баумайстера и М.Р. Лири, доказывающие, что «принадлежность» – это фундаментальная потребность, что

¹ Schachter, S. Deviation, rejection, and communication // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1951. Vol. 46. P. 190–207.

² Williams, K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

без связи с хотя бы несколькими важными другими человек страдает как физически, так и психологически¹; социометрическую теорию М.Р. Лири и его коллег, которые выделили уровень самооценки в качестве механизма, позволяющего человеку оценивать свой статус включения/исключения из социума²; работы Дж. Гринберга и его коллег³, описывающие потребность чувствовать, что тебя признают существующим и стоящим внимания⁴; теорию о существовании потребности контролировать свой социум, то есть влиять на то, что происходит рядом⁵.

Впервые К.Д. Вильямс выдвинул свою модель остракизма в 1997 году⁶, но по мере прироста теоретико-эмпирического знания доработал ее и, внося ряд значительных уточнений, в 2009 году представил научному миру более подробное описание модели остракизма. За эти почти 12 лет между первой и второй редакцией модели остракизма К.Д. Вильямса в психологии накопился значительный массив знания: вышел в свет ряд книг⁷, мета-анализ исследований по теме отвержения Дж.П. Гербера и Л. Вилера⁸, в качестве производных от исследований социального исключения активно начали исследоваться другие направления, такие как стигматизация, дискриминация: Л. Ричман и М.Р. Лири

¹ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117. P. 497–529.

² Leary M.R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem // *European Review of Social Psychology*. 2005. Vol. 16. P. 75–111.

³ Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory. In R. F. Baumeister (ed.) // *Public self and private self*. New York: Springer, 1986. P. 189–212; Why do people need self-esteem? Converging evidence that self-esteem serves an anxiety-buffering function / J. Greenberg [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 913–922.

⁴ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

⁵ Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. New York: Oxford University Press, 1993. 378 p.; Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death. New York: W. H. Freeman, XXXV, 1992. 250 p.; Warburton W.A., Williams K.D., Cairns D.R. When ostracism leads to aggression: The moderating effects of control deprivation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2006. Vol. 42. P. 213–220.

⁶ Williams K.D. Ostracism. P. 425–452.

⁷ *Social Psychology of Inclusion and Exclusion* / ed. by D. Abrams, M.A. Hogg, J.M. Marques. Taylor & Francis Group. 2004. 376 p.; Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. P. 21–53.

⁸ Gerber J., Wheeler L. On Being Rejected: A Meta-Analysis of Experimental Research on Rejection. P. 468–488.

представили свою «Мультимотивную модель реакций на дискриминацию, стигматизацию, остракизм и иные формы межличностного отвержения»¹, расширяются уже заявленные ранее теории («Теория социометра», М.Р. Лири, 2005 г.)², появляется новое направление, вышедшее непосредственно из исследований социального остракизма и родственных феноменов, а именно: теория «социальной боли» («social pain»)^{3 4}.

Структура модели остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия (К.Д. Вильямс, 2009)

К.Д. Вильямс предлагает модель остракизма⁵, которая включает: обнаружение остракизма; рефлексивный болевой сигнал; нарушенные фундаментальные потребности; рефлексивные копинговые реакции, призванные укрепить нарушенные потребности: когнитивные, аффективные и поведенческие реакции.

Если рассматривать модель остракизма К.Д. Вильямса с точки зрения динамики развития процессов во времени, то в этом случае модель состоит из предварительной части (обнаружение сигнала остракизма) и трех последовательных стадий развития реакций человека на ситуацию остракизма: 1 стадия – рефлекторная, 2 стадия – рефлексивная, 3 стадия – резигнация. Более подробно данные стадии мы рассмотрим ниже. Схематично данная модель представлена в приложении А.

¹ Richman L., Leary M. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model // *Psychological Review*. 2009. Vol. 11. Iss. 2. P. 365–383.

² Leary M. R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem. P. 75–111.

³ Eisenberger N.I., Lieberman M.D. Why it hurts to be left out: The neurocognitive overlap between physical and social pain // In K.D. Williams, J.P. Forgas, & W. von Hippel (eds.) *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York: Psychological Press, 2005. P. 109–130.

⁴ MacDonald G., Leary M. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain. P. 202–233.

⁵ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

Минимальный сигнал (обнаружение сигнала об остракизме)

Как и в своей первой версии модели остракизма, К.Д. Вильямс утверждает, что «первый шаг в процессе остракизма – это обнаружение индивидом остракизма»¹. При этом слово «обнаружение» используется намеренно в значении наличия у человека своего рода «системы раннего обнаружения» («early detection system», англ.) признаков остракирования² и для того, чтобы отличить процесс «обнаружения» сигнала остракизма от каких-либо сложных когнитивных процессов. К.Д. Вильямс утверждает, что сигнал об остракировании его другим (другими) человек получает еще до осознания им самого факта наличия остракизма.

С антропологической точки зрения считается, что остракизм является адаптивным механизмом, то есть необходим для выживания человека³. Остракизм позволяет группе осуществлять контроль и поддерживать сотрудничество внутри нее, защитить членов своего сообщества от тех ее членов, которые могут угрожать выживанию группы, например, больных, от воспринимаемых как «обременяющих» группу, девиантных и других. Одновременно с этим, как считает К.Д. Вильямс, обнаружение признаков остракизма сигнализирует о наличии угрозы инклюзивного статуса члена группы и о немедленной необходимости принятия мер для восстановления уровня этого статуса.

Остракизм – явление не редкое, а скорее, наоборот, встречающееся в практике социальной коммуникации ежедневно. Основываясь на данных, полученных из дневников респондентов, Дж.Б. Нецлек с коллегами определили частоту подвержения человека остракизму на протяжении всей жизни, которая, по их подсчетам, составила примерно 25 000 раз. В среднем, это составляет

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² De Wall C.N., Maner J.K., Rouby D.A. Social exclusion and early-stage interpersonal perception: selective attention to signs of acceptance // J. Pers. Soc. Psychol. 2009. Vol. 96. P. 729–741; Williams K.D. Ostracism. P. 425–452; Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the O`Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources // Group Processes and Intergroup Relations. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 125–143.

³ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

примерно один случай остракизма в день¹. Учитывая высокую частотность (примерно ежедневно) и значимость (выживание человека), человеку крайне необходимо быстро и эффективно обнаруживать такую угрозу в свой адрес, как социальный остракизм. И действительно, многочисленные исследования как в строго контролируемых лабораторных условиях, так и при изучении в условиях реальной жизни показали, что объекты (цели) остракизма реагируют на остракизм незамедлительно и автоматически, на уровне рефлекса².

Согласно модели остракизма К.Д. Вильямса, минимальным сигналом, который лежит в основе раннего обнаружения остракизма, является боль. В этом отношении К.Д. Вильямс пишет: «Боль, обнаруживаемая как минимум в дорсальной передней поясной коре головного мозга (dorsal anterior singulate cortex – dACC, англ.), служит для того, чтобы сконцентрировать и направить внимание человека на источник и значение остракизма³. Таким образом, человек может определить, представляет ли остракизм потенциальную угрозу, важен ли он. Боль становится триггером внимания и последующей оценки»⁴.

Далее мы приводим подробное описание модели остракизма К.Д. Вильямса, сохраняя структуру представления научных тезисов автора модели.

1-я стадия – рефлексорная

Описывая данную стадию модели, К.Д. Вильямс приводит результаты экспериментальных исследований, доказывающих, что остракизм благодаря считыванию его как *сигнала боли* определяется человеком безошибочно и быстро. Утверждение автора модели о том, что сигнал об остракировании человека первичен, а его оценка вторична (т. е. рациональные и логические характеристики

¹ Ostracism in everyday life / J.B. Nezlek [et al.]. P. 91–104.

² Van Beest I., Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. Iss. 5. P. 918–928; Williams K.D. Ostracism. P. 425–452.

³ Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. P. 290–292.

⁴ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 280.

эпизода остракизма никак не связаны с его обнаружением сигнала боли), строится на выводах из ряда экспериментальных исследований. В экспериментах было наглядно продемонстрировано, что факторы, которые должны стать индикатором «неважности» эпизода остракизма, на этапе получения сигнала никак не учитываются и ведут к ошибкам ложной тревоги. Так, испытуемые обнаруживали и негативно реагировали на остракизм со стороны социально неодобряемых аут-групп, таких как «Ку-клус-клан»¹, не получая мяч в игре «Кибербол» («Cyberball»), даже если это приносило финансовую выгоду², когда участнику эксперимента НЕ кидали виртуальную бомбу, которая могла взорваться в любой момент³.

Рефлекторное считывание человеком сигналов остракизма, которые в дальнейшем будут квалифицироваться как ложные, по мнению К.Д. Вильямса, для человека не столь критичны, как пропуск этих сигналов. Руководствуясь положениями «Теории управления страхом смерти» («Error management theory», англ.), М. Хейзелтон и Д. Басс утверждают, что эволюционно адаптивные реакции часто включают в себя ошибки, называемые «ошибочным смещением»⁴. Для многих социальных видов животных (волки, львы, буйволы) пропустить сигнал остракизма значит оказаться в условиях неминуемой гибели, а для людей – быть исключенным одним человеком или группой, которые для него важны, – привести к возникновению психологических и физических проблем⁵.

Боль, являясь первичным звеном, триггером реакции, в процессе развертывания реакции на остракизм не является, по убеждению К.Д. Вильямса, единственной характеристикой механизма феномена социального остракизма: «Я утверждаю, что остракизм имеет более глубокое психологическое воздействие на

¹ Gonsalkorale K., Williams K. D. The KKK won't let me play: Ostracism even by a despised outgroup hurts. P. 1176–1185.

² Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1–2.

³ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

⁴ Haselton M.G., Buss D.M. Error management theory: A new perspective on biases cross-sex mind reading // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. P. 81–91.

⁵ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529.

индивида. Шок от боли, который в дальнейшем не наносит какой-либо ущерб, вряд ли опосредует что-то большее, чем стремление индивида избегать объект, который привел к этому шоку. Но гораздо больше происходит после остракизма с психологическим равновесием индивида»¹.

Данное утверждение коррелирует с общей теорией о потребностях человека. Например, Е.П. Ильин в своем мета-обзоре потребностных теорий, говоря о ментализации потребностей, пишет: «Из изложенного выше становится очевидной одна из функций потребности личности – *сигнализация* о появлении дефицита, нужности чего-то, отражения этого в сознании человека»². Данное утверждение дает нам понимание неразрывности связи на участке «боль (сигнал)» – «нарушение потребности» и понимание необходимости получения сигнала в процессе активизации (в той или иной степени) некой потребности.

Противопоставляя остракизм физическим и вербальным столкновениям в ходе социальной коммуникации, К.Д. Вильямс утверждает, что остракизм угрожает (нарушает) четырем фундаментальным потребностям человека:

- потребности в принадлежности³;
- потребности поддерживать достаточно высокую самооценку / избегать обесценивания со стороны социума⁴;
- потребности чувствовать контроль над своим социальным окружением⁵;
- потребности чувствовать, что тебя признают существующим и стоящим внимания⁶.

¹ Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 288.

² Ильин Е.П. Указ. соч. С. 38.

³ Baumeister R. F., Leary M. R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529.

⁴ Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory. In R. F. Baumeister (Ed.). P. 189–212; Steele C.M. The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self // In L. Berkowitz (ed.), *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press. 1988. Vol. 21. P. 261–302.

⁵ Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. New York: Oxford University Press. 1993. 378 p.; Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death. New York. 250 p.; Warburton W.A., Williams K.D., Cairns D.R. When ostracism leads to aggression: The moderating effects of control deprivation. P. 213–220.

⁶ Baumeister R.F., Vohs K.D. The Pursuit of Meaningfulness in Life // In C.R. Snyder, & S.J. Lopez (eds.). *Handbook of positive psychology*. Oxford University Press. 2002. P. 608–618.

Вполне резонно может возникнуть вопрос, а являются ли обозначенные выше параметры действительно потребностями человека, а тем более можно ли их причислить к фундаментальным (т. е. необходимым для выживания человека) потребностям?

К вопросу о понятии «потребность» (теоретический отступ)

Как это ни парадоксально, «потребность», понимаемая в обыденной жизни вполне однозначно, как «необходимость, надобность, нужда в чем-либо»¹, с точки зрения психологической науки представляет весьма неоднозначный концепт. Как пишет в своей книге «Мотивы и Мотивация» Е.П. Ильин, анализируя понимание потребности видными отечественными и зарубежными психологами XX века, «с появлением каждой новой «теории» вопрос запутывался все больше, поскольку их авторы начисто отвергают представления своих предшественников. Сходство у большинства психологов наблюдается только в том, что почти все признают за потребностью функцию побуждения активности (поведения, деятельности) человека»².

В психологии взгляд на понятие «потребности» далеко не однозначен: Д.Н. Узнадзе, А. Маслоу понимали потребность как нужду и дефицит чего-либо («понятие «потребность» касается всего, что является нужным для организма, но чем в данный момент он не обладает»). В контексте видения потребности не как нужды, а ее отражения в сознании человека М.М. Филиппов видел потребность как психический образ нужды, а С.Л. Рубинштейн – в качестве конкретной формы существования потребности – в виде эмоции. Б.Ф. Ломов видел потребность как объективную необходимость.

В качестве изначально заложенной внутренней программой жизнедеятельности человека потребность оценивали Б.И. Додонов, В.А. Василенко. П.А. Рудик, В.Н. Мясищев, И.А. Джидарьян, говоря о потребности, выделяли такое понятие, как «состояние напряженности», и ввели

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/potrebnost.html#.XdYw9asufbg> (дата обращения: 21.11.2019)

² Ильин Е.П. Указ. соч. 512 с.

понятие «потребностного состояния»: «Потребностное состояние заставляет искать причину «страдания», выяснять, чего человеку не хватает»¹.

По А.Г. Здравомыслову, «потребность – в самом общем значении этого слова – существенное звено в системе отношений любого действующего субъекта, это определенная нужда субъекта в некоторой совокупности внешних условий его бытия, притязание к внешним обстоятельствам, вытекающее из его сущностных свойств, природы»².

Учитывая перечисленные подходы к осмыслению понятия «потребность», выделяя главные, «магистральные» направления в теориях означенных ученых, Е.П. Ильин дает нам наиболее емкую, на наш взгляд, трактовку: «Потребность – это отражение в сознании нужды (нужности, желанности чего-либо в данный момент), часто переживаемое как внутреннее напряжение (потребностное состояние) и побуждающее психическую активность, связанную с целеполаганием»³.

Ввиду того, что К.Д. Вильямс, Р. Баумайстер и М.Р. Лири называют нарушаемые в процессе остракизма потребности фундаментальными, мы считаем необходимым рассмотреть еще один важный аспект: это вопрос понимания границ между фундаментальными и НЕ фундаментальными потребностями человека.

Психологическая типология потребностей весьма многообразна: предметные и функциональные (А.Н. Леонтьев), витальные, социальные, идеальные (П.В. Симонов), общественные и личные (П.А. Рудик), потребности и квазипотребности (К. Левин), естественные, духовные, социальные (В.А. Крутецкий), инстинктоподобные мотивационные диспозиции (У. Макдауголл), первичные (висцерогенные) и вторичные (психогенные) (Г. Мюррей), естественные и культурные (по происхождению), материальные и духовные (по предмету) (А.В. Петровский), иерархичные физиологические, в безопасности, в социальных

¹ Ильин Е.П. Указ. соч. С. 33.

² Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 224 с.

³ Ильин Е.П. Указ. соч. С. 38.

связях, самоуважении, самоактуализации (А. Маслоу), потребности существовать, общаться с другими своего роста и развития с переменчивой иерархией (К.П. Альдерфер), биогенные, психофизиологические и социогенные (С.Б. Каверин) и другие.

На сегодняшний день, вне зависимости от типологии, как отмечается в психологической литературе¹, все человеческие потребности можно условно разделить на первичные (базовые, фундаментальные) и вторичные (социальные, квазипотребности; потребности в знаниях, определенных средствах, умениях и др.). При этом первичные и вторичные потребности не являются разными конструктами: вторичные являются производными от первичных, могут даже возникать на базе двух – трех базовых потребностей. Вот как их характеризует Е.В. Сидоренко: «Вторичные, или психогенные, потребности, которые в основном зависят от первичных потребностей, являются производными от них... Эти потребности означают общие системы реакций и желаний. Их нельзя считать фундаментальными, биологическими побуждениями, хотя некоторые из них могут быть врожденными». Немного иной точки зрения придерживается в этом отношении в своем мета-обзоре Е.П. Ильин, согласно которому вторичные потребности есть не что иное, как первичные (фундаментальные), только с далеко оторвавшейся надстройкой N-го порядка: «Так, часто базовые, но осоциализированные потребности принимаются за чисто вторичные, социальные потребности (якобы сформированные в процессе онтогенеза человека под влиянием социального окружения), в результате чего они отрываются от первичных биологических потребностей. На самом же деле они являются лишь надстройкой над базовыми биологическими потребностями N-го порядка, и чем дальше отстоит та или иная надстройка от своего фундамента, тем более социализированной она является»². Данные утверждения дают нам основание полагать, что вопрос классификации потребностей по их первичности или

¹ См.: Сидоренко Е.В. Мотивационный тренинг. М.: Речь, 2005. 240 с.; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб. ; М.: Питер ; Смысл, 2003. 860 с.

² Ильин Е.П. Указ. соч. С. 40.

вторичности весьма не прост и для того, чтобы отнести ту или иную потребность к первичной или вторичной, необходимы определенные критерии.

Критерии фундаментальных потребностей

В своей работе «Потребность в принадлежности: стремление к межличностным привязанностям как фундаментальная мотивация человека» Р. Баумайстер и М.Р. Лири последовательно доказывают, что потребность в принадлежности – фундаментальная. С целью теоретического обоснования своей изначальной гипотезы ученые выделили ряд критериев, согласно которым, по их мнению, ту или иную потребность можно отнести к разряду первичных, то есть фундаментальных, базовых. Данное обоснование приводим в версии авторов, дословно (приложение Б)¹.

Опираясь на данные критерии, К.Д. Вильямс в своей модели остракизма понимает потребности в контроле, самоуважении (в значении необходимости поддержания разумно высокой самооценки/избегании негативного оценивания другими), принадлежности и осмысленном существовании (смысле существования), во-первых, не в качестве мотивов (в значении специфического переживания), а именно потребностей (в значении состояния), а во-вторых, как потребности фундаментальные: их нарушение напрямую коррелирует с ухудшением физического и психологического состояния человека, а иногда приводит к смерти².

Как признает К.Д. Вильямс, вопрос, являются ли эти четыре вышеназванные потребности независимыми конструктами, до сих пор открыт и имеет как своих сторонников, так и противников. Признавая наличие дискуссии в данном вопросе, ученый придерживается мнения, что «все четыре потребности существуют как логически, так и психологически... в какой-то мере они

¹ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529.

² Langer E.J., Rodin J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 34. P. 191–198; Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. New York: Oxford University Press, 1993. 378 p.; Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death. 250 p.

пересекаются друг с другом, но концептуально различны»¹, среди них нет какой-либо ведущей потребности, которая бы единолично влияла бы на три остальные. В качестве дополнения полагаем целесообразным все-таки добавить, что существует и иной взгляд. Так, в своей теории поиска смысла А. Круглански (The quest significance theory, англ.), не разделяет доминирующие в процессе радикализации (включая и элементы социального ostracизма) потребности, а объединяет их в единый «комплекс» – поиск значимости/смысла².

Описывая первую стадию модели ostracизма, К.Д. Вильямс обосновывает свое убеждение в том, что в ситуации ostracизма у человека, как взрослого, так и ребенка, нарушаются именно эти потребности. Далее рассмотрим обоснования автора модели.

Потребность в принадлежности

Для человека быть ostracированным другими – это сигнал о разрыве связи между «Я» и «другими», о потере связи между группой или другим человеком. Ostracированный больше не входит в число тех, кто принадлежит к кругу общения: к нему не обращаются (например, «молчаливое бойкотирование»), на него не смотрят (отсутствует визуальный контакт), о нем не говорят, его не обсуждают, не составляют о нем мнение («социальная смерть»).

К.Д. Вильямс не раз писал, что в отношении потребности в принадлежности он главным образом опирался на упомянутую нами выше работу его современников Р. Баумаистера и М.Р. Лири³. В данной работе авторы выдвинули свою «гипотезу о принадлежности»: человек *постоянно* стремится к формированию и поддержке хотя бы минимального количества длительных, позитивных и значимых межличностных отношений. Удовлетворение этого побуждения (драйва) включает в себя два критерия. Согласно первому у человека существует потребность в частых эмоционально приятных взаимодействиях с

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. P. 69–93; To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance / A. W. Kruglanski. P. 217–230.

³ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529; Williams K.D. Social ostracism. P. 133–170.

другими людьми, а во-вторых, эти взаимодействия должны происходить в контексте некоего стабильного континуума времени и иметь характер эмоциональной заботы о благополучии друг друга. В своей работе Р. Баумайстер и М.Р. Лири утверждают и на основе экспериментальных исследований последовательно доказывают, что дефицит принадлежности вызывает у человека серьезные депривационные проблемы и ведет к болезненным последствиям.

Р. Баумайстер и М.Р. Лири признают, что выдвинутая ими гипотеза в общих чертах не нова. Отправные теоретические предпосылки, которые были использованы для синтеза «гипотезы принадлежности», могут быть найдены в работах ряда выдающихся ученых (З. Фрейд, А. Маслоу, Дж. Боулби, К. Хорни, Г.С. Салливан, Э. Фромм, Ж. де Ривера, Р. Хоган и др.). Однако, как считают Р. Баумайстер и М.Р. Лири, не во всех научных обоснованиях перечисленных выше теоретиков потребность в принадлежности соответствует выдвинутым авторами «гипотезы принадлежности» критериям фундаментальной потребности (см. выше). Так, З. Фрейд видел потребность в межличностных связях как производное от полового влечения. В своей ранней версии теории привязанности Дж. Боулби утверждал, что потребность в привязанности опосредуется наличием в жизни младенца важного взрослого (матери, например), а потребность взрослого в привязанности – это некий внутренний фактор, попытка восстановить интимный контакт, который был у него в детстве; А. Маслоу поместил «потребности в любви и принадлежности» в центр своей иерархии потребностей: таким образом, эти потребности не актуализируются до актуализации физиологических потребностей¹. Р. Баумайстер и М.Р. Лири в отличие от позиции теоретиков, утверждающих, что для актуализации потребности в принадлежности необходимо какое-то условие, видят человека как *естественно* движимого к установлению и поддержанию своей принадлежности: «Потребность в принадлежности – это врожденная потребность человека формировать и

¹ См.: Боулби Дж. Привязанность: пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 477 с.; Маслоу А. Мотивация и личность : пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

сохранять, по крайней мере, минимальное количество межличностных отношений»¹.

Потребность в самоуважении (уровень самооценки)

Остракизм предполагает молчание со стороны его источника: если не брать демонстративное отвержение, остракизм по большей части происходит в форме неожиданного разрыва и не предполагает объяснений. Таким образом, создается ситуация неопределенности и запускается процесс каузальной атрибуции причин создавшейся ситуации. По мнению К.Д. Вильямса, вне зависимости от того, какая из стратегий приписывания причин в дальнейшем будет избрана объектом остракизма, когда объект остракизма подходит к анализу причин своего игнорирования, отвержения или исключения, он, перебирая варианты выхода из сложившейся ситуации, запускает процесс внутренней самооценки и, как показывают исследования, это «мысли о самобичевании, неадекватном поведении, подлости, эгоизме»². В результате этого уровень самооценки остракированного падает.

В значительной степени на формирование данного сегмента модели остракизма К.Д. Вильямса оказали влияние положения и выводы социометрической теории (теории социометра) М.Р. Лири³. Упрощенно, согласно социометрической теории, самооценка является психологическим «измерителем», или «датчиком», который отслеживает качество взаимоотношений между людьми.

В соответствии с социометрической теорией в процессе эволюции у человека развилась система самооценки (self-esteem system, англ.), которая функционирует в качестве оценочного механизма степени социального принятия. При этом его основной функцией является не сохранение уровня самооценки *per se*, а скорее избегание социального обесценивания и отвержения. Данное

¹ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 499.

² Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 289;

³ Calibrating the sociometer: The relationship between interpersonal appraisals and state self-esteem / M.R. Leary [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. P. 1290–1299; Leary M.R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem. P. 75–111.

утверждение М.Р. Лири обосновывает тем, что когда люди предпринимают какие-либо действия в защиту или для повышения самооценки, то обычно они поступают так, как считают, что это повысит их ценность в глазах других и их шансы на социальное принятие. Теория основана на допущении, что люди постоянно и непреодолимо стремятся поддерживать значимые межличностные отношения. Это побуждение (драйв) развилось потому, что в процессе эволюции люди, принадлежавшие к социальной группе, имели больше шансов выжить и продолжить свой род, чем те, кто этого не сделал¹.

Данные утверждения также поддерживаются социоаналитической теорией Р. Хогана, В. Джонса и Дж.М. Чика, которая утверждает, что ядро личности формируется на базе эволюционной адаптации. Учитывая то, к каким катастрофическим последствиям могло привести древнего человека его остракирование, видимо, в процессе эволюции человек развил в себе механизм контроля за тем, насколько сильно или слабо другие его ценят и принимают. Данный психологический механизм – *социометр* – постоянно «мониторит» социальное окружение в поиске сигналов, свидетельствующих, что кого-то принимают или, наоборот, отвергают. В случае обнаружения признаков низкой оценки социометр привлекает сознание человека к потенциальной угрозе социального принятия и мотивирует человека к принятию мер².

М.Р. Лири считает также, что одним из самых противоречивых объяснений его теории является теория управления страхом смерти Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона (Terror management theory, англ.), согласно которой основная функция самооценки (самоуважения) – это функция защиты (или смягчения удара) человека от существующего страха, который он испытывает от осознания перспективы собственной смерти и уничтожения³.

¹ Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529.

² Hogan R., Jones W.H., Cheek J.M. Socioanalytic theory: An alternative to armadillo psychology / In B. R. Schlenker (ed.). The self and social life. New York: McGraw-Hill. 1985. P. 175–198.

³Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory / In R.F. Baumeister (ed.). P. 189–212.

Потребность в контроле

К.Д. Вильямс описывает остракизм как «*односторонний*»: человек не может спорить, что-то обсуждать или увещевать тех, кто его игнорирует, исключает или отвергает, поскольку они не отвечают¹. Именно отсутствие возможности для обратного диспута со стороны объекта полностью лишает остракированного шанса контролировать свое социальное пространство.

К.Д. Вильямс, основываясь на выделенных Р. Баумайстером и М.Р. Лири критериях фундаментальной потребности² и данных многочисленных экспериментальных исследований, причисляет потребность в контроле к фундаментальным потребностям человека, которая, наряду с другими потребностями, нарушается в случае остракирования.

Десятилетия исследований в области психологии и социологии демонстрируют наличие прямых корреляций между субъективным чувством контроля и физическим и ментальным благополучием человека³. В основном данные исследования проводятся под углом зрения теории выученной беспомощности⁴. Знаменитый эксперимент в доме престарелых Арден-Хаус (США, Коннектикут), проведенный Э.Дж. Лангер и Дж. Роден, также представил неоспоримые эмпирические доказательства влияния контроля не только на самочувствие, но и на продолжительность жизни человека⁵. В описании своей теории развития жизненного цикла, основанной на концепции первичного и вторичного контроля (A life-span theory of control), Ю. Хекхаузен и Р. Шульц приводят весьма образные примеры потери человеком возможности контролировать свое окружение (первичный контроль) и себя (вторичный контроль), что приводит к глубочайшей депрессии и стойким аффективным

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. P. 497–529.

³ Lefcourt H.M. The function of illusions of control and freedom American Psychologist. 1973. Vol. 28. P. 417–425. Skinner E.A. A guide to constructs of control // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. P. 549–570.

⁴ Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. 378 p.

⁵ Langer E.J., Rodin J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 34. P. 191–198.

расстройствам: потеря мобильности и способности к самообслуживанию, например, после инсульта или в результате травмы¹.

Понятие «контроль» гетерогенно, что используется К.Д. Вильямсом в его модели остракизма: он видит «контроль» не только в значении возможности человека влиять на свое окружение, контролировать ситуацию (т. е. в прямом значении термина «контроль»), но и в близких, пусть и не идентичных, конструктах. Лучше всего данное утверждение объясняет цитата из мета-анализа «Путеводитель по конструктам контроля» Э. Скиннер, в котором исследователь проанализировала более 100 терминов данного конструкта: «Одна часть этих конструктов основана на термине «контроль» и включает в себя, например, следующие понятия: личный контроль, чувство контроля, локус контроля, когнитивный контроль... Другая часть конструктов не включает в себя термин «контроль», но тем не менее кажется тесно связанной, а возможно, и является идентичной первой части, а именно: беспомощность, ощущение собственного влияния, агентивность, способности, мотивация достижения, эффективность, автономность, самоопределение, каузальная атрибуция, стыд...»².

Гетерогенность конструкта «контроль» отражается К.Д. Вильямсом и в методологическом аппарате описанной им модели остракизма. В разработанной им и его коллегами самоотчетной методике определения нарушенных в ситуации остракизма потребностей (Need Threat Scale, англ.) в шкале «нарушенная потребность в контроле» мы видим следующие утверждения, которые апеллируют к данной нарушенной потребности как напрямую, так и опосредованно, через релевантные контролю понятия: «Я чувствовал, что все в моей власти», «Я чувствовал, что был в состоянии значительно изменить события», «Я чувствовал, что не мог влиять на действия других», «Я чувствовал, что все решали другие игроки»³.

¹ Heckhausen J., Schulz R. A life-span theory of Control // Psychological review. 1995. Vol. 102. № 2. P. 284–304.

² Skinner E. A. A guide to constructs of control // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. P. 549.

³ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 291.

Потребность в осмысленном существовании

Нередко остракизм метафорично называют «социальной смертью», поскольку он ставит под вопрос само существование человека: «Я вообще жив? Я существую? Я стою внимания окружающих?» В своей книге Дж.М. Твенге, анализируя поколение айдженеров, приводит цитату из интервью со старшеклассницей Падмой, чьи слова наглядно демонстрируют нам нарушение потребности в осмысленном существовании: «Когда они долго не отвечают на твое сообщение, ты, типа, думаешь: «Почему? Я еще не умерла!»¹ Согласно ряду исследований респонденты в ситуации остракизма часто говорят о том, что ощущают себя невидимыми, прозрачными, человеком-невидимкой.

В понимании К.Д. Вильямса, как видно из его модели остракизма, нарушаемая потребность в осмысленном существовании в случае *кратковременного* остракизма – это не потеря смысла жизни вообще, а угроза потери собственной значимости для социума в данный конкретный момент, краткосрочная «социальная смерть». И только при переходе на третью стадию, в форму *долгосрочного (хронического)* остракизма, можно говорить о более серьезных психологических последствиях для человека.

Негативное воздействие/Спад настроения/Эмоциональный ступор

Быть подвергнутым остракизму – это, безусловно, негативный опыт, поэтому неудивительно, что, помимо угрозы фундаментальным потребностям, во многих исследованиях были обнаружены такие реакции человека на остракизм, как рост негативного воздействия². Подтверждение этому мы сами неоднократно получали в ходе наших пилотных исследований по апробации разных приемов симуляции ситуации остракизма в лабораторных условиях («Кибербол», «O`Cam», «O`Train»). Например, в «O`Train» по результатам самоотчетных методик на вопрос: «Какие чувства (ощущения) вы испытывали к концу беседы с вашими попутчиками?» – из 19 предложенных вариантов включенные участники эксперимента выбрали позиции «желание продолжить беседу, интерес к

¹ Твенге Дж.М. Указ. соч. С. 136.

² Williams K.D. Ostracism. P. 425–452; Williams K.D., Cheung C.K., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. P. 748–762.

собеседникам, оживление, радость». Исключенные участники назвали «беспомощность, огорчение, подавленность, унижение».

Более частой реакцией на ситуацию исключения, игнорирования или отвержения, по мнению Дж.М. Твендж, К.Р. Кетениз и Р.Ф. Баумаистера, все же является эмоциональное онемение, ступор (*affective numbness*, англ.)¹. Описание данного состояния схоже с понятием из психиатрии: «*anaesthesia dolorosa psychica*» (лат.) – болезненной психической анестезией, при которой человек ощущает душевную опустошенность и утрачивает способность к эмоциональным переживаниям.

Дж.М. Твендж с коллегами выдвинули теорию, согласно которой состояние человека в ситуации остракизма сопоставимо с состоянием *когнитивной деконструкции* (*cognitive deconstruction*, англ.), схожей по своим проявлениям с фазой дезорганизации психической деятельности суицидента в стадии кризисного состояния. Серия экспериментов Дж.М. Твендж и ее коллег выявили следующее: остракизм заставляет человека видеть меньше смысла в жизни, приносит с собой обеднение эмоций, остракированный больше сосредоточен не на будущем, а настоящем, у него изменяется ощущение времени (время протекает медленнее). По мнению ученых, состояние деконструкции (и эмоциональный ступор в частности) – это защитный механизм организма человека, призванный нивелировать негативные последствия остракизма, поскольку подобное состояние несет в себе больший здоровьесберегающий потенциал, чем альтернатива в форме интенсивного эмоционального дистресса.

Не отрицая на данной стадии остракизма проявления у человека признаков эмоционального ступора, К.Д. Вильямс в своей модели все же делает акцент именно на изменении настроения объекта остракизма, т. е. на росте негативного воздействия остракизма.

¹ Twenge J.M., Catanese K.R., Baumeister R.F. Social exclusion and the deconstructed state: Time perception, meaninglessness, lethargy, lack of emotion, and self-awareness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85. P. 409–423.

2-я стадия – рефлексивная

По окончании первой стадии остракизма (получение сигнала, негативное воздействие, нарушение потребностей) человек переходит на стадию оценки и атрибуции важности и значимости эпизода остракизма. Согласно К.Д. Вильямсу, на этой стадии остракированный прилагает усилия для укрепления (восстановления) своих нарушенных потребностей. «Предполагается, что именно на этой стадии атрибуции, базирующиеся на ситуационном контексте и индивидуальных различиях, влияют на скорость психологического восстановления и выбор стратегий поведения, используемые индивидом в качестве восстановления нарушенных потребностей»¹.

С целью описания процесса разворачивания остракизма на данной стадии К.Д. Вильямс проанализировал некоторые его аспекты, и прежде всего такой аспект, как *скорость восстановления* человека после краткосрочного эпизода остракизма (о хронических (долгосрочных) эпизодах остракизма К.Д. Вильямс говорит в третьей стадии модели) с учетом ряда переменных: восстановление без отвлечения внимания; восстановление с отвлечением внимания; восстановление, модулируемое индивидуальными особенностями; восстановление, модулируемое ситуационным контекстом; восстановление, модулируемое размышлениями.

На основе результатов экспериментов Л. Задро, Б. Боланд и Р. Ричардсона К.Д. Вильямс делает вывод о влиянии индивидуальных особенностей на процесс восстановления после воздействия остракизма. В частности, выделен фактор социальной тревожности².

Влияние ситуационного контекста на степень восприятия остракизации изучались в ряде экспериментов К. Гонсалькорале с коллегами³. По легенде первого эксперимента группе австралийских студентов предлагалось принять участие в общенациональном исследовании наряду с представителями различных

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 293.

² Ibid.

³ Gonsalkorale K., Williams K.D. The KKK won't let me play: Ostracism even by a despised outgroup hurts. P. 1176–1185.

групп. Участники полагали, что играют в «Кибербол» (симулирование условий включения или исключения) с теми, кто придерживается таких же политических взглядов, что и участник (первая группа), с теми, кто придерживается оппозиционных взглядов (вторая группа), и с теми, кто является представителем австралийской ячейки Ку-клукс-клан (третья группа). По предварительным опросам наибольший фаворитизм у участников эксперимента занимала первая группа, вторая группа вызывала небольшое недовольство, но абсолютный протест и неприятие вызывали представители организации Ку-клукс-клан. Результаты эксперимента, однако, выявили, что на рефлекторной стадии остракизма (непосредственно в момент или сразу после эпизода остракизма), вне зависимости от того, исходил остракизм от представителя своей партии, оппозиционной партии или даже от Ку-клукс-клана, участники реагировали негативно, сигнализировали о нарушении у них ряда потребностей. Как заключили К. Гонсалькорале и ее коллеги, это является подтверждением неспособности человека включать контекстуальную информацию в непосредственную (немедленную) реакцию на остракизм.

Анализ этого и ряда аналогичных экспериментов позволил К.Д. Вильямсу сделать следующие выводы:

немедленная реакция на остракизм рефлекторна и не модерируется (не подлежит влиянию) факторами ситуативного контекста (рефлекторная стадия остракизма);

ситуативный контекст учитывается объектом остракизма на этапе восстановления и копинговых процессов, т. е. после когнитивной оценки ситуации и ее участников (рефлексивная стадия остракизма).

Восстановление нарушенных потребностей

В ходе второй стадии (рефлексивной) К.Д. Вильямс утверждает, что после того, как у остракированного в ходе первой (рефлекторной) стадии нарушаются одна или несколько фундаментальных потребностей в контроле, осмысленном существовании, принадлежности и самоуважении, человек «должен чувствовать, думать и действовать таким образом, чтобы укрепить те потребности, которые

нарушены сильнее всего»¹. Например, если у объекта остракизма сильнее всего затронута потребность в принятии, то все его мысли и действия будут направлены на то, чтобы повысить свои шансы на реинклюзию и принятие социальным окружением.

К.Д. Вильямс считает, что четыре нарушаемые в остракизме потребности составляют парные кластеры:

потребности в принадлежности и самоуважении (в разумно высоком уровне самооценки) составляют *инклюзивный кластер потребностей* (inclusionary need cluster, англ.);

потребности в контроле и осмысленном существовании – *кластер потребностей во власти и провокации* (power and provocation need cluster, англ.).

Инклюзивный кластер потребностей

Опираясь на теорию социометра М.Р. Лири, К.Д. Вильямс отмечает, что если рассматривать самооценку в качестве социометра статуса социальной инклюзии остракированного, то конструкты «принадлежность» и «самоуважение» (уровень самооценки) очень часто пересекаются друг с другом. По мнению К.Д. Вильямса, все, что приводит к укреплению потребности в принадлежности, одновременно повышает и уровень самооценки. Восстановление потребностей в принадлежности и самоуважении, образующих единый инклюзивный кластер, приводит к увеличению шансов объекта остракизма на то, что он чувствует себя социально принимаемым или реально принимается окружающими.

По результатам собственных исследований, а также экспериментов ряда других исследователей ученый неоднократно отмечал, что после эпизода остракизма люди ведут себя таким образом, чтобы восстановить свой инклюзивный статус. Более того, остракированные предпринимают не просто попытки понравиться, реинтегрироваться в социум, они могут стать социально услужливыми, более сензитивными к социальному влиянию, стать более конформными, сговорчивыми². В контексте понимания нами социального

¹ Williams, K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 296.

² Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience / P. Riva [et al.]. 208–216.

остракизма как фактора, опосредующего антисоциальное поведение несовершеннолетних, учет данной тенденции представляется немаловажным¹.

Как упоминалось выше, люди обладают системой социального мониторинга, которая подает сигналы о том, что их инклюзивный статус находится в зоне риска. После подачи сигнала система социального мониторинга мотивирует человека к отслеживанию и обнаружению знаков, подсказок, которые исходят от другого человека (группы людей) и которые потенциально могут помочь восстановить инклюзивный статус остракированного (или избежать нового эпизода остракизма). Первый шаг в этом процессе, как указывает в своей модели остракизма К.Д. Вильямс, это гиперсензитивность и повышенное внимание к социальной информации².

Социальная услужливость (чрезмерная склонность человека быть подобострастным и покладистым), проявляемая остракированными как способ восстановления самооценки или потребности в принадлежности, может выражаться в разных формах: как неосознаваемая мимикрия³, как желание и попытки работать более эффективно на благо своей группы (правда, такой эффект был зафиксирован главным образом для женщин) в виде уступчивости и податливости⁴, а также в большей общительности и открытости для возможных отношений⁵.

Кластер потребностей власти и провокации

В ряде исследований приводятся данные о том, что выбор человеком стратегии анти- или просоциального реагирования на социальный остракизм зависит от кластера нарушенных у него потребностей. Угроза экзистенции человека («Я существую», «Я имею значение») и вера человека, что у него есть возможность в случае угрозы как-то воздействовать на социальное окружение, может вытеснить у него желание быть принятым социумом. При нарушении

¹ Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² Ibid.

³ Knapton H.M. The Recruitment and Radicalisation of Western Citizens: Does Ostracism Have a Role in Homegrown Terrorism? P. 38–48.

⁴ Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience / P. Riva [et al.]. P. 208–216.

⁵ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

кластера потребностей власти и провокации объект остракизма испытывает болезненные ощущения от потенциальной ситуации своего НЕ существования (т. е. как будто он уже мертв). Как полагает К.Д. Вильямс, желание быть замеченным перевешивает желание быть принятым, нравиться кому-либо (инклюзивный кластер потребностей). В этом случае нарушенные потребности в контроле и осмысленном существовании приводят человека к выбору стратегии поведения, которое требует привлечения внимания других и их контроль. В связи с этим антисоциальное поведение является наиболее эффективной и быстрой стратегией реакции на социальный остракизм¹.

Ряд исследований предоставили эмпирические данные, подтверждающие наличие прямой связи между восстановлением потребности в контроле и агрессии. Например, в эксперименте Дж.Д. Либермана и его коллег (прием «Острый соус») только у тех остракированных, у которых экспериментально было нарушено чувство контроля, был зафиксирован значительно более высокий уровень агрессии – в пять раз более высокий, чем у «включенных» участников эксперимента².

Подтверждение наличия связи между антисоциальным поведением и нарушением потребностей кластера власти и провокации мы также обнаруживаем в ряде работ А. Круглански, К. Джаско, Д. Веббера и других. В своей теории 3N (Need-Narrative-Network, англ.), описывающей процесс радикализации, ученые утверждают, что когда «потребности в смысле/значимости (*meaning*, англ.) и уверенности/определенности (*certainty*, англ.) находятся под угрозой, люди с большей вероятностью одобряют экстремальные взгляды и поведение, включая отношение к насилию»³.

Стоит отметить, что о связи ряда потребностей человека, о роли социального остракизма, его родственных феноменов и деструктивности

¹ Williams, K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² A new way to measure aggression: Hot sauce allocation / J.D. Lieberman [et al.] // *Aggressive Behavior*. 1999. Vol. 25. P. 331–348.

³ To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance / A.W. Kruglanski [et al.]. P. 217–230.

говорили еще в XIX–XX вв. философы-экзистенциалисты С.О. Кьеркегор, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю.

Подводя итог приведенному выше описанию 2-й стадии модели остракизма, мы отмечаем, что ее автор не приводит данных в отношении длительности воздействия остракизма на человека на этой стадии.

3-я стадия – резигнация

На третьей стадии, которая предполагает длительный, затяжной характер остракизма, по мнению К.Д. Вильямса, ресурсы человека, необходимые для восстановления нарушенных потребностей, со временем истощаются: неудачные попытки «укрепить потребность в принадлежности превращаются в отстраненность и одиночество, невозможность повысить свою самооценку приводит к депрессии, а попытки доказать, что ты стоишь внимания окружающих, – к пассивности и чувству никчемности»¹. Эта стадия отчасти может быть сопоставима с положениями теории выученной беспомощности², согласно которой в условиях повторяющихся неудач человек с высокой степенью вероятности перестанет предпринимать попытки преодолеть негативную тенденцию в жизни. В конечном итоге это может привести к депрессии и, как показал эксперимент Э.Дж. Лангер и Дж. Родин в доме престарелых «Арден–Хаус», к преждевременной смерти³.

Изучение остракизма на этой стадии потребовало от ученых использования других приемов и методов исследования, которые применялись ими на стадии изучения краткосрочных эпизодов остракизма («Кибербол», «O`Train», «O`Cam», перекидывание мяча, отвержение группой и др.). Наиболее валидный метод изучения хронического остракизма, по мнению ряда ученых (К.Д. Вильямс, Дж.М. Твендж, Р. Баумайстер, К.Н. де Волл и др.), это парадигма «Жизнь в

¹ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 303.

² Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death. 250 p.

³ Langer E.J., Rodin J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 34. P. 191–198.

одиночестве» («Life alone paradigm»), согласно которой в ходе непродолжительной лабораторной сессии участников просят войти в следующую роль: им 25 лет, они несчастны в личном плане, даже если им удалось выйти замуж (жениться), их брак распадется...¹ По мере того как участники все больше вживаются в предлагаемый сценарий развития их жизни, по мнению ученых, они все больше приближаются к ощущениям, переживаемым человеком в процессе долгосрочного социального ostracism.

Основным отличием результатов данных исследований от исследований краткосрочных эпизодов ostracism с применением таких парадигм, как «Кибербол» и другие, является отсутствие негативного воздействия. Именно на этой стадии, как показали проведенные эксперименты, длительно ostracism-ированные впадают в эмоциональный ступор или, как мы упоминали ранее, входят в состояние когнитивной деконструкции. По сути, К.Д. Вильямс трактует эмоциональный ступор хронически ostracism-ированного как знак пассивности человека, его отказ от дальнейшей борьбы (или иных активных действий), как некий «психологический паралич», что в итоге ведет к «беспомощности и смирению с ситуацией»².

Другой закономерностью, которую удалось обнаружить в ходе обсуждаемых исследований, стало отсутствие саморегуляции после получения обратной связи об участии в эксперименте с приемом «Жизнь в одиночестве». Иными словами, участники экспериментов не стремились к восстановлению своих нарушенных потребностей.

Другие методы исследования ostracism на стадии резигнации включают в себя качественные исследования, интервью, письма, дневники. В своем диссертационном исследовании Л. Задро проинтервьюировала 50 респондентов, две трети которых были объектами длительного (месяцы и годы) ostracism, а

¹ Social exclusion impairs self-regulation / R.F. Baumeister [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 88. P. 589–604; Twenge J.M., Catanese K.R., Baumeister R.F. Social exclusion and the deconstructed state: Time perception, meaninglessness, lethargy, lack of emotion, and self-awareness // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 85. P. 409–423.

² Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 303.

одна треть сама выступала в качестве субъекта (источника)¹. Большая часть остракированных участников признала, что со временем свыклась с их ролью отверженного, но предпочла бы со стороны близких лучше физическое насилие, чем игнорирование, «молчаливое бойкотирование» или полное отвержение. Свои утверждения они обосновывали тем, что в случае физического нападения они бы точно знали, что существуют для своего супруга, родителя, ребенка. А второй причиной стало то, что, как выразилась одна женщина, «полиции я могу предъявить синяки от побоев, а раны от молчания – нет»².

1.3. Антисоциальное поведение несовершеннолетних

На данный момент приходится констатировать наличие в научной отечественной и зарубежной науке проблематики классификации поведенческих отклонений, что, в свою очередь, опосредует наличие дискуссии и в терминологии описываемых данной областью понятий. В связи с этим в данной работе контекст понимания нами термина «антисоциальное поведение», несмотря на его широкую распространенность в научных работах и практиках, также требует отдельного обсуждения.

1.3.1. Понятие «антисоциальное поведение»

По определению Д.В. Менделевича, поведенческие отклонения (девиантное поведение) – это «*междисциплинарная* область научного знания, изучающая механизмы возникновения, формирования, динамики и исходов отклоняющегося от разнообразных норм поведения, а также способы и методы их коррекции и

¹ Zadro L., Williams K.D., Richardson R. How low can you go? Ostracism by a computer is sufficient to lower self-reported levels of belonging, control, self-esteem, and meaningful existence// Journal of Experimental Psychology. 2004. Vol. 40. P. 450–567.

² Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 304.

терапии»¹. Междисциплинарный характер изучения поведенческих отклонений опосредует наличие разных подходов к изучению данной области научного знания (социально-правовой, клинический и психологический), что, в свою очередь, ведет к многообразию предлагаемых структур, понятийному разнообразию основных терминов. Данная тема достаточно широко освещена в работах современных авторов (Г.В. Апинян, Е.В. Змановская, О.В. Лишин, Л.Б. Шнейдер, Д.В. Менделевич, Р.В. Чиркина, В.К. Зарецкий, Ю.В. Зарецкий, А.Б. Холмогорова, А.А. Александров, В.В. Королев, А.Е. Личко, Ю.А. Клейберг и др.). Е.В. Змановская в этом отношении отмечает, что «многочисленные концепции поведения не противоречат, а гармонично дополняют друг друга, освещая данное явление с различных сторон». Отметим лишь, что в отношении понимания смыслового наполнения термина «антисоциальное поведение» и его места в структуре понятий, описывающих поведенческие отклонения человека, превалирует узконаправленное трактование. В частности, антисоциальное поведение синонимизируется с делинквентным поведением, понимается исключительно как противоречащее правовым нормам².

Отказываясь в данной работе от использования наиболее частотно употребляемых в поле юридической психологии терминов «девиантное, отклоняющееся поведение», мы соглашаемся с размышлениями Ц.П. Короленко и Т.А. Донских касательно выделения ими термина «деструктивное поведение». Ученые отмечают, что, подразумевая под девиантным (отклоняющимся) типом поведения выход человека за пределы общепринятых норм, стоит учитывать тот факт, что «не все отклонения от «нормы» могут быть деструктивными». В связи с этим наше понимание термина «антисоциальное поведение» тендирует к термину «деструктивное поведение», описанное данными авторами: «В одном случае это внешне деструктивные цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных), и, соответственно, внешнедеструктивное поведение. Во втором случае – внутридеструктивные цели,

¹ Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: Городец, 2016. С. 9.

² См.: Змановская Е.В. Указ. соч. С. 72.

направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс и соответственно внутридеструктивное поведение¹. Схожую по степени обобщенности понятий классификацию мы также находим в работах Л.Б. Шнейдер, которая, понимая под социальной нормой социальные явления, не представляющие реальной угрозы физическому и социальному выживанию человека, в качестве укрупненного понятия описывает концепцию социально негативного поведения².

Выбор термина «антисоциальное поведение» опосредован также связью с теоретической основой данного исследования, а именно с моделью остракизма К.Д. Вильямса и опыта выстроенных на ее основе экспериментальных и эмпирических исследований. В данных исследованиях «антисоциальность» рассматривается не только как характеристика поведения человека, но, по большей части, в качестве *направления реакции* на нарушающую фундаментальные потребности человека ситуацию социального остракизма. В этом отношении антисоциальное реагирование³ противопоставляется двум другим видам реакций: *просоциальному* и *уходу от ситуации*. Просоциальный вид реагирования понимается «в широком смысле этого слова, включающим не только готовность индивида помочь, но и поведение, призванное укрепить межличностные связи»⁴. Третий вид реакций на социальный остракизм (уход от ситуации, избегание) ученые включили в данную классификацию лишь несколько лет назад⁵, что, видимо, объясняет отсутствие на данный момент эмпирических исследований такого вида реагирования.

Подводя итог, мы подчеркиваем, что в данном исследовании антисоциальное поведение понимается нами как генерализованное (укрупненное) понятие – *как деструктивное поведение, которое противоречит правовым,*

¹ См.: Змановская Е.В. Указ. соч. С.87.

² См.: Шнейдер Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков : учеб. пособие для СПО. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 9.

³ Chow R.M., Tiedens L.Z., Govan C.L. Excluded emotions: The role of anger in antisocial responses to ostracism // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Vol. 44. P. 896–903.

⁴ Williams K. D. Ostracism. P. 439.

⁵ Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 34–38; Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. P. 217–236.

морально-этическим и культурным нормам во всем разнообразии его форм проявления.

Антисоциальное поведение также рассматривается нами как *направление реакции* человека в случае переживания им (в том числе только субъективно) ситуации игнорирования, исключения и/или отвержения.

1.3.2. Антисоциальное поведение несовершеннолетних в контексте психологических теорий

Говоря о формах (видах) антисоциального поведения несовершеннолетних от 12 до 17 лет (как внешне-, так и внутридеструктивного), можно выделить два основных направления: общие для всех возрастных категорий и специфические только для подросткового возраста. За основу анализа мы берем теории девиантного поведения, исключая из них виды «положительно окрашенных девиаций» (например, новаторство, трудоголизм, одаренность).

Основными формами девиантного поведения, не связанными с зависимостью от психоактивных веществ, по мнению В.А. Пятунина, являются: агрессивное поведение, преступность, суицид, проституция и сексуальные девиации¹. По А.Е. Личко, формами проявления нарушений поведения подростков могут быть побеги из дома, ранняя алкоголизация как форма токсикоманического поведения, девиации сексуального поведения, бродяжничество, суицидальное поведение². Л.Б. Шнейдер выделяет следующие основные виды девиантного поведения: подростковая преступность, алкоголизм, наркомания, суицидальное поведение³. Схожей классификации придерживается и Е.В. Змановская (агрессивное, делинквентное, зависимое, суицидальное поведение)⁴.

¹ См.: Пятунин В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010. 282 с.

² См.: Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2009. 256 с.

³ См.: Шнейдер Л.Б. Указ. соч.

⁴ См.: Змановская Е.В. Указ. соч.

Иной подход типологизации использован Ю.А. Клейбергом. Его типология девиантного поведения современной молодежи выстроена в соответствии с уровнем мотивации и предусматривает следующие типы девиантного поведения: личностный, средовый и ситуативный¹.

Рассматриваемая нами тема широко представлена в работах отечественной психологии (Ц.П. Короленко, Т.А. Донских, О.В. Лишин, С.Л. Сибирякова, А.А. Александрова, М.Э. Паатова, Е.С. Набойченко и др.), поэтому сузим направление анализа и выделим в ряде работ лишь возрастные отклонения в поведении несовершеннолетних.

Характерные для определенных возрастов девиации выделяет, в частности, В.Д. Менделевич. При этом их количество заметно уменьшается в процессе онтогенеза. Так, описывая детские девиации, автор приводит список из 87 позиций, а говоря о типично подростковых, называет лишь 6: «дисморфоманическое и гебоидное поведение, пироманию, дромоманию, анорексию, поведение на базе застенчивости»².

В контексте антисоциального поведения (как внешнедеструктивного), бесспорно, таковым является *гебоидный вид поведения*, характеризующийся «дезорганизацией деятельности подростка, выраженным инфантильным эгоцентризмом, гротескным стремлением к самоутверждению с грубой оппозицией к окружающим, полным игнорированием нравственных правил и ценностей, жестокостью, выраженностью садистических наклонностей, отсутствием жалости, сострадания...»³. Однако данный тип поведения встречается только у подростков, имеющих психопатологию.

Дромомания, как непреодолимая тяга к уходу из дома, учебной организации и бродяжничеству, на первый взгляд, не несет в себе внешней деструктивности, однако, несомненно, должна быть отнесена к антисоциальному виду поведения, поскольку опосредует цепь негативных воздействий на социум и нередко приводит к криминализации и употреблению психоактивных веществ.

¹ См.: Клейберг Ю.А. Указ. соч.

² Менделевич В.Д. Указ. соч.

³ Там же.

Антисоциальный характер также носит увлечение подростков *пироманией*. На сегодняшний день дисморфоманическое поведение, в том числе и анорексия, на наш взгляд, преодолели границы подросткового возраста и «шагнули» в старшие возрастные категории.

В контексте данного исследования в высшей степени интересными представляются рассуждения В.А. Пятунина о связи поведения человека как показателя «единства человека и социальной среды» и уровня «реализации жизненно важных потребностей личности»¹. Развивая данную мысль, ученый говорит о том, что именно «возможность/невозможность реализации жизненно важных потребностей» является основным критерием в процессе реагирования на ту или иную ситуацию и соответственно формирования того или иного вида поведения (от нормативного до антисоциального). Модератором в данном случае выступает индивидуальная стратегия адаптивного поведения, основанная на типе адаптации личности – *«структурно-организованной совокупности относительно устойчивых социально-психологических характеристик личности, обеспечивающих реализацию жизненно важных потребностей»*².

В рамках анализа причин при определенных условиях, приводящих к социальной дезадаптации подростков и способствующих антисоциальному поведению, в юридической психологии активно используется анализ личностных особенностей, в частности *акцентуаций характера*. Исследования А.Е. Личко позволили установить связь между максимальной готовностью к деструктивному реагированию и наличием акцентуаций характера, «заостренных черт», у подростка.

Выявленные российским ученым «крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим», позволяют обнаружить у подростка *locus resistantiae minoris* (лат.), «место

¹ Пятунин В.А. Указ. соч. С. 5.

² Там же. С. 6.

наименьшего сопротивления» в характере, целевое воздействие, которое может привести к его неадекватной личностной реакции¹.

В контексте нашего исследования, изучающего связь социального ostrакизма и антисоциального поведения несовершеннолетних, нельзя не упомянуть о модели совокупности рисков в процессе развития устойчивого антисоциального поведения, представленную учеными Ф. Лезелем и Д. Бендер². В данной модели авторы описывают механизм комплекса рисков в онтогенезе от детства через посредничество и до периода ранней зрелости к устойчивому антисоциальному стилю жизни. Если в периоде детства ученые видят проблематику отверженности лишь в форме дисгармоничных семей, то в подростковом возрасте такой риск, как «отвержение сверстниками», стоит на первом месте. И только после этого Ф. Лезель и Д. Бендер называют такие риски, как предубеждения в обработке социальной информации, проблемы в школе, девиантные сверстники, проблема в осознании «Я», девиантные установки и дефицит навыков.

Рассматривая детерминантность антисоциального поведения с точки зрения подхода социальной адаптации личности, в частности, Е.В. Змановская выделяет особый вид адаптации человека в социуме (девиантная адаптация). В данном случае человек, не считая просоциальные стратегии эффективным способом удовлетворения своих социальных потребностей, самореализуется в обществе посредством выхода за рамки существующих социальных требований (норм)³.

Теория социального отчуждения, выдвинутая Б.Н. Алмазовым, строится на утверждении о прямой связи процессов отчуждения в онтогенезе личности и ее (личности) маргинализации⁴.

Подростковый возраст, характеризующийся пубертатным периодом, противоречивым содержанием ценностных образований, желанием перемен и стремлением к обретению взрослости, формирует благодатную почву для

¹ См.: Шиханцов Г.Г. Указ. соч. С. 4.

² Lösel F., Bender D. Antisoziales Verhalten von Kindern und Jugendlichen // *Psycho: Zeitschrift für Praxis und Klinik der Psychiatrie, Neurologie, Psychotherapie*. 1998. Vol. 23. P. 321–329.

³ См.: Змановская Е.В. Указ. соч.; Сидоренко Е.В. Указ. соч.

⁴ См.: Алмазов Б.Н. Указ. соч.

протестной активности личности, реализующейся нередко в его деструктивной форме, иными словами, в антисоциальных поступках и поведении. А.Ш. Гусейнов утверждает, что в корне деструктивной протестной активности лежат «несформированность личностных структур, размывание традиционных ценностей и гражданской позиции, эгоцентризм, отсутствие устойчивых убеждений, инфантилизм на фоне отсутствия опыта легитимного протеста»¹. Такой протест часто приводит несовершеннолетних не только к реакции оппозиции по отношению к родителям и учителям, но и к «принятию порочных идеалов и идолов», склонности «к ненормативным, нелегитимным способам протеста»².

Сценарий поиска идентичности как фактора риска становления антисоциального поведения несовершеннолетнего имеет много вариантов. Так, интересный объяснительный конструкт, основанный на идее о феминизации школьного педагогического корпуса, описывает В.Л. Васильев. По мнению ученого, сегодня мальчики находятся в роли «пассивной оппозиции» в «проженском» школьном мире. Не желая принимать данную роль, современные мальчики-подростки стремятся компенсировать свои потребности во внешнем, более «маскулинном» социуме, нередко в группах «трудных» ребят с отклонениями в поведении»³.

1.4. Социально-психологическая характеристика несовершеннолетних с позиции психологии развития, юридической психологии, теорий поколенческих когорт

В параграфах 1.1, 1.2 нами подробно рассмотрен феномен социального остракизма и модель остракизма К.Д. Вильямса, которая легла в теоретическую основу диссертационного исследования. Однако ввиду того, что объектом

¹ Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности : дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2016. С. 113.

² Там же.

³ Васильев В.Л. Указ. соч. С. 389.

исследования является не сам феномен социального остракизма, а социальный остракизм в среде несовершеннолетних, мы полагаем необходимым предпринять теоретический анализ возрастных особенностей выборки исследования: несовершеннолетних в возрасте от 12 до 17 лет включительно.

Развивающиеся с середины XX века и особенно бурно в последние 30 лет (прежде всего в поле социологии) теории поколенческих когорт заставляют нас задуматься о соответствии возрастных критериев, описанных в классической психологии развития (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон, Ст. Холл, Э. Шпрангер, Ж. Пиаже и др.), и актуальных психологических характеристик несовершеннолетних сегодня (рожденные после 2003 года). Данный угол зрения используется нами не с целью опровержения классических теорий психологии развития, а исключительно в рамках формирования дополнительного массива теоретических знаний, который по совокупности позволит более точно интерпретировать экспериментальные результаты анализа нарушаемых у несовершеннолетних в ситуации социального остракизма потребностей.

Подростничество сквозь призму теорий развития

Изучаемая нами возрастная выборка (12–17 лет включительно), согласно положениям теорий развития, не является возрастным периодом, которому присущи единые характеризующие его аспекты, такие как, например, ведущая деятельность и центральные новообразования, а подразделяется на несколько таковых¹. Данный возрастной период описывается у авторов по-разному: «подростковый возраст», «подростничество», «отрочество», «юность», иногда как единый период, а иногда как последовательность стадий развития, при этом описание возрастных границ тоже варьируется. Так, согласно периодизации

¹ См.: Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. 464 с.; Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 19 с.; Кон И.С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980. 192 с.; Обухова Л.Ф. Возрастная психология : учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 460 с.; Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

психологического развития в онтогенезе по Л.С. Выготскому и Д.Б. Эльконину, этап от 12 до 17 лет рассматривается как подростничество, подразделяемое на два подэтапа: подростковый возраст (10–14 лет) и юношеский возраст (15–18 лет). По М.И. Еникееву, ребенок в возрасте 14–15 лет, а подросток – с 16 до 18 лет. В криминологии, согласно Г.А. Аванесову, существует две группы подросткового возраста: подростково-малолетняя группа (14–15 лет) и несовершеннолетние (16–17 лет). В юридической психологии В.Л. Васильев синонимизирует понятия «подростковый возраст» и «отроческий возраст» (от 10–11 до 14–15 лет), а дети с 14 до 18 лет входят в другую возрастную группу – юношеского возраста. В своей психосоциальной теории развития личности Э. Эриксон выделил 8 этапов развития человека, при этом интересующий нас возрастным отрезком выделен им как единая подростковая стадия (12–19 лет).

Несмотря на разницу в подходах, описывающих подростничество, в той или иной форме все теоретики признают за этим возрастным этапом характер переходной стадии от детства к взрослому состоянию. Такое понимание психологических процессов, которые происходят с ребенком на данном этапе его развития, определяет основные его характеристики, реализуемые в разных формах.

Наиболее ярко о переходности и промежуточном характере подросткового возраста писал еще в начале XX века Ст. Холл, подчеркивая амбивалентность и парадоксальность подростков, описывая этот период в жизни человека как период «бури и натиска». Автор культурно-психологической концепции подросткового возраста Э. Шпрангер идет дальше и выделяет главное новообразование этого возраста – открытие «Я», возникновение рефлексии, осознание своей индивидуальности. Ш. Бюлер, рассматривая подростничество сквозь призму понятия пубертатности, говорит об особой биологической потребности подростка – потребности в дополнении. Именно эта потребность, по мнению Ш. Бюлер, толкает подростка к выходу из своей замкнутости, сосредоточенности в себе, к поиску сближения с существом другого пола. Весь переходный период подростничества призван служить переходу от его начальной негативной фазы

(10–12 лет), с присущими ей негативизмом и отрицанием, к заключительной стадии, стадии жизнеутверждения (около 17 лет). При этом, как следует из исследований Г. Гецер, одной из черт, характеризующих переход от первой (негативной) ко второй (позитивной) стадии развития подростка, является потребность в друге.

В концепции Ж. Пиаже в подростковом возрасте (с 11 лет до примерно 15 лет) ребенок преодолевает свою привязанность к объектам, находящимся в поле его зрения, и выходит на мета-уровень: осуществляется его последняя фундаментальная децентрация¹.

Со временем биологизаторский подход к трактовке данного периода жизни человека дополняется новыми тенденциями, которые, в частности, представляет собой культурно-историческая концепция Л.С. Выготского и его школы. Как и его предшественники, Л.С. Выготский рассматривает подростковый возраст как процесс прохождения ряда стадий, но делает это, в том числе, сквозь призму интересов в переходном возрасте: поначалу у подростка довлеют романтические представления, а к концу подросткового периода интересы ребенка приобретают реалистичность и практичность. Данные группы наиболее ярких интересов составляют ряд доминант: «дали», «усилия», «романтики», «эгоцентрическую доминанту». Описывая мышление подростка, Л.С. Выготский отмечает изменения в воображении ребенка: благодаря формированию абстрактного мышления оно (воображение) входит в сферу глубоко личных фантазий. К другим новообразованиям возраста ученый причисляет развитие рефлексии и на ее основе – самосознания. Именно на этот период, а именно на возраст 13 лет, приходится последний кризис новорождения (предыдущие – 1 год, 3 года, 7 лет), который, по убеждению Л.С. Выготского, переживается несовершеннолетним как наиболее трудный².

Основываясь на теории ведущей деятельности, для начала подросткового периода Д.Б. Эльконин определяет учебную деятельность как ведущую и

¹ См.: Обухова Л.Ф. Указ. соч.

² См.: Выготский Л.С. Указ. соч.

определяющую возникновение ряда новообразований: способности к рефлексии (обращении в себя и на себя), возникновение представления о себе как не о ребенке (потребность во «взрослости»). Позднее, со сменой типа ведущей деятельности на «общение со сверстниками», приходит следующее новообразование – социальное сознание, перенесенное внутрь (по Л.С. Выготскому – самосознание).

В концепции Л.И. Божович одно из самых кардинальных изменений в подростковом возрасте происходит у ребенка в его мотивационной сфере, где и находится главное новообразование этого периода. Еще одно новообразование, возникающее к концу подростничества, – это самоопределение, которое не просто предполагает мечты и планы, а основывается на устойчиво сложившихся интересах ребенка.

Социально-психологические особенности несовершеннолетних в контексте юридической психологии

В контексте *юридической психологии* психологические особенности несовершеннолетних с 12 до 18 лет рассматриваются на базе основных положений теорий развития, но в приложении к юридически значимым ситуациям («ситуация с участием несовершеннолетнего, субъекты которой находятся в отношениях, обусловленных конфликтным взаимодействием в правовом контексте, что приводит не только к юридически значимым, но и к психологическим последствиям для ее участников»¹).

Юридическая психология, изучающая причины, порождающие преступность в среде несовершеннолетних, рассматривает данную проблему как результат взаимного влияния «отрицательных факторов внешней среды и личности самого несовершеннолетнего». Становление личности трудного, педагогически или социально запущенного подростка – процесс, имеющий неисчислимо количество вариантов сценариев развития. В данном контексте

¹ Богданович Н.В. К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации // Психология и право. 2015. Т. 5, № 3. С. 33.

влияние социальной ситуации развития во всем ее разнообразии (дисгармоничные семьи, антисоциальное окружение, педагогическая запущенность, наличие стигматизирующих факторов у подростка, доминирующие отрицательные личностные качества и многое другое) накладывается на возрастные кризисы и переходы от детства к этапу «бури и натиска». По мнению В.Л. Васильева, личность трудного подростка характеризует прежде всего низкий уровень социализации в трех основных сферах его коммуникации: в семье, образовательном учреждении и на производстве¹. При этом, с учетом преобладающей для данного возраста реакции группирования, более значительное влияние на трудного подростка начинает оказывать «улица», антисоциальные референтные группы как в реальной, так и в виртуальной жизни.

Нежелание (или неготовность) социума несовершеннолетнего перейти от «морали подчинения» к «морали равенства», наслаиваясь на его стремление к взрослости, чаще всего приводит к выбору ребенком стратегии поиска замещающей среды, нередко уже криминогенной.

По мнению Г.Г. Шиханцова, наиболее точно специфику поведения несовершеннолетних правонарушителей помогает объяснить *теория реакций*, описанная А.Е. Личко². Реакция эмансипации несовершеннолетнего проявляется в виде бунта, стремления освободиться от опеки. Хобби-реакция, согласно А.Е. Личко, – это своего рода разновидность мотивов, нечто среднее между влечениями и наклонностями/интересами. Наиболее значимая в данном возрасте реакция – реакция группирования со сверстниками. В стрессовой ситуации очень часто подростки реагируют в форме отказа (реакция отказа) от участия в какой-либо деятельности, коммуникации. Активный протест против оцениваемых подростком как чрезмерные требования вызывает реакцию оппозиции. Среди прочих ученый также выделил (отрицательную) реакцию имитации, реакцию компенсации/гиперкомпенсации³.

¹ См.: Васильев В.Л. Указ. соч. С. 378.

² Цит. по: Шнейдер Л.Б. Указ. соч.

³ См.: Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2009. 256 с.

В поле юридической психологии описываемые особенности подростков рассматриваются также с позиции формирования их правосознания как фундамента построения правового поведения. «Подростничество – этап переосмысления, повторной интериоризации, отказа от фрагментарных и часто условных правовых представлений, установок и ценностей, полученных в детстве, систематизации первичной правовой социализации, выработки и становления собственной системы ценностей и социальных установок, накопления теоретических знаний о праве и получение первого правового опыта»¹. По мнению юридических психологов А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой, завершение формирования устойчивой ценностно-нормативной модели поведения человека происходит именно в подростковом возрасте. Разные исследователи в области юридической психологии (М.С. Андрианов, А.А. Глисков, О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик, Н.В. Дворянчиков, Ю.А. Зубок, М.Г. Садовский, Е.Р. Чернобродов) пишут, что систематическим процесс правовой социализации становится именно в подростковом возрасте, когда начинается становление правовой культуры человека. Эта позиция обосновывается тем, что правосознание, являющееся основой для формирования правовой культуры, опирается на такие психические образования, как развитые воля и самоконтроль, способность к рефлексии своей деятельности, ответственность, коммуникативная активность и т. п. А именно эти характеристики являются новообразованиями в подростковом возрасте. Кроме того, у подростка возрастает потребность исследовать социум. К началу подросткового возраста, как сходятся во мнении представители возрастной и юридической психологии, данный процесс познания социума, различных отношений в нем и правовых норм носит уже осмысленный характер, в отличие от предыдущих возрастных периодов, когда нормы усваивались через внушение и подражание².

¹ Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Правосознание подростков поколения центиналов: прогностическая оценка // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 137.

² См.: Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Указ. соч. С. 135–149; Дворянчиков Н.В., Савкина И.А. Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 3, № 1. С. 30–40;

**Социально-психологические характеристики несовершеннолетних
в контексте теорий поколений: «поколение Z», «центиниалы», «iGen»,
«цифровые аборигены»**

В данном разделе мы также предпримем анализ теорий поколений, описывающих изучаемую нами актуальную выборку данного исследования, т. е. детей, рожденных после 2003 года. Здесь стоит заметить, что эти теории в подавляющем большинстве разрабатываются в поле социологической науки. Однако это не означает, что мы не можем учитывать уже имеющийся накопленный теориями поколений опыт в рамках психологического исследования. Во-первых, современная наука и (юридическая) психология не исключение, ибо активно используют междисциплинарный подход. Более того, психология уже давно не может существовать в рамках унитарности: для подтверждения валидности результатов используют методы математической статистики; экспериментальные исследования нередко переплетаются с анатомией, философией, генетикой, зоологией и другими науками, а их методы исследования включают использование методов, например, из области медицины: функциональную диагностику (замер уровня гормона кортизола, артериального давления), магнитно-резонансную томографию и др. Во-вторых, сами теоретики психологической науки предупреждают об опасности однобокого взгляда на науку. Во введении к своей социоаналитической теории Р. Хоган метафорично описывает психологию своего времени, сравнивая ее с броненосцем, который «шаркая лапами, уткнувшись носом в землю в поисках пищи, полностью поглощен мельчайшими деталями жизни, в которой живет, и потому он никогда не видит грузовик, несущийся на него»¹. В-третьих, само определение данных теорий как чисто социологических иногда тоже условно. Так, автор теории поколения айдженов («iGen») доктор психологических наук Дж.М. Твендж строит свое исследование как на данных социологических опросов (выборка – 11 млн

¹ Hogan R., Jones W.H., Cheek J.M. Socioanalytic theory: An alternative to armadillo psychology. P. 175.

респондентов, данные с начала XX века), так и применяет используемые в психологии методы исследования (интервью, опросы, фокус-группы)¹.

Из истории развития теорий поколений

Идеи философа и социолога К. Мангейма о «важности значимых совместных переживаемых событий» для формирования того или иного поколения по праву считаются предтечей развития многих современных рассуждений о поколениях. Со временем, однако, эти идеи трансформировались в интерпретацию значимых событий как травм (В.В. Семенова, Дж. Эдмундс, Б.С. Тернер), что в дальнейшем опосредовало понимание поколения как реальной группы, формирующейся «исключительно в противостоянии власти и существующему политическому строю»². Именно такой политический подход к пониманию поколений долгое время превалировал в отечественной социологии, например, в работах Ю.А. Левады, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубинина, А.Г. Левинсона (антропологический тип «советский простой человек»). Из наиболее знаковых теорий поколенческих когорт стоит упомянуть теорию социальных поколений В. Штраусса и Н. Хоува, в которой обозначены четыре архетипа поколений и впервые выделены, в частности, «поколение Y» (миллениумы) и «поколение Z»³.

В последние два десятилетия данные теории разворачиваются в сторону культурно-исторического, не тождественного политическому или политизированному, подхода.

Важно понимать, что в концепции данных теорий поколение может включать несколько возрастных когорт, поколения разграничиваются не по годам рождения и равными когортами (например, с 5–10-летним шагом), а по периодам «формативных лет» (поскольку именно «условия, в которых происходил процесс взросления, и определяют характер того или иного поколения»)⁴. Определение границ поколений в каждой отдельной стране может отличаться, поскольку эти

¹ См.: Гвенге Дж.М. Указ. соч.

² Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 17, 18.

³ См.: Ожиганова Е.М. Теория поколений Н.Хоува и В.Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. Т. 1. С. 94–97.

⁴ Радаев В.В. Указ. соч. С. 37.

границы формируются применительно к центровым культурным, социальным и политическим условиям конкретной страны¹. Большинство авторов признают «потенциальную применимость теории поколений к России, варьируются лишь некоторые временные рамки и представление о специфике поколений советского периода по отношению к поколениям западных стран»². Все это позволяет считать теории поколенческих когорт зарубежных авторов в высокой степени прогностическими и для российского общества.

Несмотря на то, что начало разработки данной теории заложено в зарубежных исследованиях (прежде всего социологической направленности), мы смело можем констатировать, что в последнее время данный вопрос становится фокусом внимания изучения отечественной психологии: в своей статье А.В. Сапа дает подробную характеристику психологических и личностных особенностей учеников «Поколения Z»³, исследование И.В. Пищик положило начало анализу социально-психологической ментальности поколений⁴, А.Б. Кулаковой выделены наиболее яркие психологические черты современных детей и подростков, рассмотрена связь поколений в контексте их влияния друг на друга⁵.

Дети, рожденные после 2003 г., в описании ряда теорий поколенческих когорт

На момент 2021 г., как видно из систематизированной таблицы «Теории поколений (современное молодое поколение)» (приложение В), молодое поколение еще находится в процессе взросления и внутренне неоднородно. В данном случае мы полностью согласны с выводами Н.В. Богачевой и Е.В. Сивак, указывающими, что «границы поколения включают несколько возрастных стадий, характеризующихся разной ведущей деятельностью⁶, психологическими новообразованиями, кризисами и идентичностью»⁷. В связи с этим давать однозначную оценку

¹ Радаев В.В. Указ. соч. С. 84.

² Богачева Н.В. Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 7.

³ См.: Сапа А.В. Поколение Z – поколение ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. Т. 2. С. 24–30.

⁴ См.: Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.

⁵ См.: Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. Т. 42, № 2. С. 1–10.

⁶ См.: Эльконин Д. Б. Указ. соч. С. 6–20.

⁷ Богачева Н.В. Указ. соч. С. 8.

психологическим особенностям данной поколенческой когорты пока преждевременно, а любые актуальные выводы о том, «какими будут их предпочтения, привычки, когнитивные возможности и нравственные ориентиры в зрелом возрасте»¹, имеют право на существование только в поле прогнозов и предварительных оценок. В нашем понимании анализ особенностей выборки исследования с точки зрения социопсихологических теорий поколенческих когорт даст нам возможность для более точной и актуальной интерпретации данных исследования.

В качестве единиц анализа нами взяты результаты исследований: компании Validata по заказу Сбербанка (РФ) «30 фактов о современной молодежи», 2016 г.², Дж.М. Твендж (США) «Поколение I («IGen»)), 2016–2017 годы³, К. Симиллер и М. Грейс (США) «Поколение Z», 2015 г.⁴, Д. Волкова (РФ), «Левада-Центр», «Поколение Z» («Поколение Путина»), 2017 г.⁵, А.В. Гавриловой (РФ) социально-психологических особенностей ментальности представителей «нового поколения» (годы рождения после 2000 г.), 2018 г.⁶. Исследование М. Пренски (США) «Цифровые аборигены» («Digital Natives»), 2001 г., используется с ограничениями⁷.

В своей работе Н.В. Богачева и Е.В. Сивак представили структурированный анализ психологических особенностей молодого поколения по данным ряда теорий поколений. Резюмируя свои выводы, исследователи указывают на то, что в подавляющем большинстве случаев представления о «поколении Z», транслируемые в теориях поколений, не подтверждаются либо подтверждаются с рядом оговорок. Эти «исследования также не позволяют говорить о выраженной

¹ Богачева Н.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 08.05.2020).

³ См.: Твенге Дж.М. Указ. соч.

⁴ См.: Богачева Н.В. Указ. соч.

⁵ Волков Д. Поколение терпимых и независимых // Сайт «Левада Центр». URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/pokolenie-terpimyh-i-nezavisimyh/> (дата обращения: 08.05.2020).

⁶ См.: Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, № 2. С. 58–63.

⁷ Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9. Iss. 5. P. 1–6.

специфике «поколения Z» – по крайней мере, в том, что касается общепсихологических свойств и качеств современных подростков»¹.

Не опровергая мнения Н.В. Богачевой и Е.В. Сивак, предпримем свой дополнительный сравнительный анализ. В качестве критериев для сравнения мы возьмем описания доминант Л.С. Выготского².

Выделяя «эгоцентрическую доминанту», Л.С. Выготский подразумевал яркий интерес подростка к своей личности. В данном отношении большинство теорий поколенческих когорт и исследований в этой области подтверждают наличие стойкого интереса к себе, иногда на уровне гедонизма. На наш взгляд, это проявляется и в стремлении к индивидуальности (но без демонстративности), быть кураторами собственной идентичности, к широкому спектру самообразования (т. е. развитию «Я»).

В отношении «доминанты дали» как установки подростка на обширные масштабы, которые для него гораздо более субъективно приемлемы, чем текущие, пожалуй, приходится констатировать, что, согласно ряду исследований, у современного поколения «узкий горизонт планирования», а страх «обычной жизни» («жизнь без спонтанности и интенсивных переживаний не может быть интересной») смещает акцент с неизвестного будущего на яркие переживания в настоящем³.

«Доминанта усилия», характеризующая тягу подростков к сопротивлению, волевым напряжениям, проявляющимся нередко в нарушении социальных норм, упрямстве, в борьбе против воспитательного авторитета, разного рода протестных действиях, у современных центиниалов, согласно выводам теорий поколенческих когорт, имеет не столь ярко выраженный характер. Так, говоря о политической активности представителей «поколения Z», Левада-Центр оценивает их как не столь протестное, а скорее, конформное поколение. Наиболее чувствительную к конфликтам сферу социального взаимодействия в данном возрасте – отношения «отцы – дети» – описывают как стабильную, направленную на построение

¹ Богачева Н.В. Указ. соч.

² См.: Выготский Л.С. Указ. соч.

³ См.: Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи.

партнерских отношений. Возможно, такое характерное для подросткового возраста качество, как тяга к сопротивлению, на сегодняшний день «сместило» акцент своей реализации с формы открытого протеста на форму планомерного построения именно своей траектории развития. Кстати, данное предположение согласуется с описанием типов развития отрочества Э. Шпрангера, который наряду с отрочеством в форме «бури и натиска», описывал другие сценарии процесса развития, когда подросток встает на путь самовоспитания и справляется с кризисными моментами взросления самостоятельно.

«Доминанта романтики» как стремление подростка к риску, неизвестности, приключениям и героическим поступкам, по выводам исследователей современного поколения, реализуется его представителями также в немного иных формах, но по факту, как и раньше, является одним из основных интересов подросткового возраста. Например, на смену политизированным подвигам вчера приходит волонтерская и благотворительная деятельность как в реальной, так и в виртуальной жизни сегодня.

И все же мы, опираясь на анализ в соавторстве с В.А. Черновым¹, постараемся выделить ряд черт, которые в силу частоты их упоминания наиболее вероятно формируют «портрет» современного ребенка/подростка/молодого человека.

Во-первых, стоит признать, что все без исключения авторы рассматривают специфику нового поколения как следствие рождения в эру цифровизации, гаджетов и виртуального пространства². Это первое поколение, которое рождено в эпоху, в которой «цифровая» жизнь уже существовала до их рождения. Именно этот фактор можно считать той переменной, которая опосредовала появление ряда отличий в развитии молодого поколения (по сравнению с предыдущими). В своей работе Л.А. Белозерова с соавторами приводят ряд подобных примеров, на которых акцентируют внимание современные детские и социальные психологи. Под влиянием компьютерной реальности меняется восприятие

¹ См.: Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Указ. соч. С. 135–149.

² См.: Твенге Дж.М. Указ. соч.; Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи; Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. P. 1–6.

ребенка (например, цветовосприятие, восприятие пространства). В связи с массовым опытом клавиатурной деятельности дошкольников и младших школьников меняется тип развития моторики (переход на 10-пальцевую моторику, как при игре на пианино)¹. Данная особенность может быть использована нами при выборе методов исследования и способов их реализации, поскольку выборка нашего исследования уже не приемлет использование ручки и бумаги, а отдает предпочтение работе на клавиатуре. В данном случае нам, как писал М. Пренски, надо постараться «нивелировать наш акцент «цифровых иммигрантов», чтобы новое поколение «цифровых аборигенов» вообще захотело с нами общаться»².

Во-вторых, во всех анализируемых исследованиях указывается на отличительный способ восприятия информации представителями молодого поколения – визуальный и структурированный. Данная особенность относится как к восприятию печатной продукции (книги, журналы, вывески и т. д.), так и к восприятию информации в виртуальной сети: в отличие от своих предшественников (миллениалов), центиниалы предпочитают общаться посредством обмена видеозвуковыми и графическими сообщениями. Эту особенность выборки исследования мы использовали на этапе пилотажного исследования дизайна эксперимента, включив в него видеоролик правозащитной организации радикального толка, также методы визуализации были использованы нами в процессе дебрифинга (презентация, видеоролик).

В-третьих, полученные данные позволяют с большой долей уверенности сделать вывод об инфантилизации современного поколения, что не противоречит положениям психологии развития, а наоборот, подтверждает их. Э. Эриксон считал, что со временем, в условиях экстенсивного развития человечества, подростковый возраст будет все больше пролонгироваться, характеризуясь поиском пути для реализации своих возможностей, а также своей идентичности

¹ См.: Белозерова Л.А. Социокультурные особенности поколения Z: опыт эмпирического исследования // Поволжский педагогический поиск. 2018. Т. 25, № 3. С. 16–23.

² Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. P. 4.

во всех ее формах – профессиональной, сексуальной и т. д.¹ Еще в начале 20–30-х годов XX века Л.С. Выготский писал о тенденции к сокращению периода подросткового возраста в неблагоприятных условиях и о его пролонгировании при более благоприятных социально-экономических условиях.

В-четвертых, анализируя психологические аспекты коммуникации нового поколения, нельзя не согласиться с мнением доктора психологических наук, кандидата медицинских наук М.Е. Сандомирского, который говорит о потенциальном преобладании (или, по крайней мере, значительном увеличении) виртуального общения над реальным, что вызывает своего рода противоречие. Современная молодежь старается сократить общение, но при этом общается все больше (о страхах «выпасть из коммуникационного контекста», FOMO, мы писали ранее). По мнению ученого, такая тенденция приводит к «аутизации» молодого поколения (не в смысле расстройства личности, а его доклинической формы): на фоне постоянной погруженности в виртуальный и свой внутренний мир современное поколение постепенно утрачивает навыки непосредственного общения «лицом-к-лицу». По мнению М.Е. Сандомирского, «аутизация» – это защитный фактор от проблем современного образа жизни и способ возведения барьера от него². Здесь как нельзя кстати на ум приходит сравнение с описанным А.Е. Войскунским и Г.У. Солдатовой феноменом «хикикомори»³.

В настоящем исследовании учет данного фактора чрезвычайно важен, поскольку позволяет избежать ошибок каузальной атрибуции в процессе вхождения в контакт и выстраивания необходимого раппорта с респондентами.

В-пятых, стоит подчеркнуть такую особенность современного молодого поколения, как индивидуальность на грани отказа от взаимодействия в группе. В соответствии с положениями теорий развития Д.Б. Эльконина, Э. Эриксона и других поиск индивидуальности – характерная черта подросткового возраста в

¹ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / под общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 340 с.

² См.: Сандомирский М. Психосоматика и телесная психотерапия : практ. руководство. М.: Класс, 2005. 592 с.

³ См.: Войскунский А.Е., Солдатова, Г.У. Указ. соч. С. 22–43.

частности¹. В работах теорий поколений мы видим, как эта черта модифицируется в современном поколении и какие новые формы принимает. Дж.М. Твендж пишет о тенденции айдженеров строго контролировать свой социум и об отказе социального взаимодействия в не соответствующей их представлениям группе (как пример, массовая тенденция отмены визитов в колледжи и университеты приглашенных лекторов, докладчиков)².

Если прежние поколения боролись за свободную любовь («беби-бумеры» и движение хиппи, например) или сексуальную идентичность («миллениалы» и сексуальные меньшинства), то представители «поколения Z» проявляют потребность в самоидентификации посредством гендерного самоопределения. Именно среди центиниалов появился тренд «человека небинарного гендера», к которому социум обязан обращаться «они» вместо «он» или «она».

Резюме по главе 1

Междисциплинарный анализ понятия «остракизм», предпринятый нами в главе 1, выявил ряд характеристик, присущих ему как психологическому феномену. Несмотря на отрицательную коннотацию, в историческом контексте античный остракизм являлся профилактической, а не пунитивной мерой. С точки зрения антропологии остракизм принято считать формой социального контроля, несущей в себе адаптивные функции. Согласно типологии К.Д. Вильямса в психологии различают: псевдо-остракизм, ролевой, карающий (пунитивный), защитный и ненамеренный остракизм. В качестве частных случаев проявления игнорирования, отвержения и/или исключения исследователи выделяют: «молчаливое бойкотирование», «романтическое отвержение», «гостинг», «обритинг», «киберостракизм», «фаббинг», «культуру отмены» и др.

Анализ научных источников по теме позволяет прийти к заключению о том, что остракизм (игнорирование и/или исключение) всегда рассматривается наравне

¹ См.: Эриксон Э. Указ. соч.; Эльконин Д. Б. Указ. соч. С. 6–20.

² См.: Твенге Дж.М. Указ. соч.

с отвержением, а выделенные психологические и соматические эффекты их воздействия на человека едины для всех трех названных конструктов. В связи с этим в данной работе мы подразумеваем, что в состав социального остракизма входят конструкты игнорирования, исключения и отвержения.

Наиболее часто причисляемыми к социальному остракизму родственными феноменами являются: одиночество, стигматизация, изоляция, буллинг. В последние годы отмечается значительный рост научных исследований, связывающих социальный остракизм и радикализацию.

В качестве теоретической основы данного исследования нами определена и впервые полностью описана на русском языке «Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия» К.Д. Вильямса, которая применяется в психологических исследованиях игнорирования, исключения и/или отвержения более 30 лет.

Согласно модели остракизма К.Д. Вильямса механизм разворачивания процесса восприятия человеком социального остракизма следующий: обнаружение сигнала об остракировании – реакция головного мозга в виде восприятия сигнала о боли – нарушение ряда фундаментальных потребностей и снижение настроения – рефлексивные копинговые реакции, призванные укрепить нарушенные потребности.

На основе данного механизма К.Д. Вильямс выделил следующую структуру модели остракизма: *минимальный сигнал* (обнаружение сигнала об остракизме); *1 стадия (рефлекторная)* – нарушение фундаментальных потребностей человека (в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании), негативное воздействие (вызывает тревогу, грусть, гнев); *2 стадия (рефлексивная)* – усилия для укрепления (восстановления) своих нарушенных потребностей, выбор стратегий реагирования; *3 стадия (резигнации)* – предполагает длительный, затяжной характер остракизма, опосредующий истощение ресурсов человека, необходимых для восстановления нарушенных потребностей, что может вызвать эмоциональный ступор, состояние когнитивной деконструкции, выученной беспомощности.

К.Д. Вильямс считает, что четыре нарушаемые в остракизме потребности составляют парные кластеры: потребности в принадлежности и самоуважении (в разумно высоком уровне самооценки) составляют *инклюзивный кластер потребностей*, а потребности в контроле и осмысленном существовании – *кластер потребностей во власти и провокации*.

Модель остракизма К.Д. Вильямса дает нам четкую структуру для проведения эмпирического исследования социального остракизма как одного из факторов, опосредующих антисоциальное поведение несовершеннолетних.

Понятие «антисоциальное поведение» понимается нами в данном исследовании в качестве генерализованного (укрупненного) понятия – *как деструктивное поведение, которое противоречит правовым, морально-этическим и культурным нормам во всем разнообразии его форм проявления*.

С учетом теоретической базы исследований социального остракизма антисоциальное поведение также рассматривается нами *как направление реакции* человека в случае переживания им (в том числе только субъективно) ситуации игнорирования, исключения и/или отвержения.

Анализ научных подходов к пониманию понятия «антисоциальное поведение» позволил выделить, помимо наиболее частотно используемой теории девиантного поведения, также теории и подходы, содержащие в своих конструктах элементы феномена социального остракизма (теория социального отчуждения (Б.Н. Алмазов), теория протестной активности личности (А.Ш. Гусейнов), модель совокупности рисков в процессе развития устойчивого антисоциального поведения (F. Lösel, D. Bender).

Современные несовершеннолетние взрослеют в исходно иных условиях социума, они не знают иного, нецифрового, мира, что, на наш взгляд, является важной переменной, имеющей мощный потенциал воздействия. При интерпретации данных (с оговоркой на их прогностический характер) мы учитываем предварительные выводы теорий поколенческих когорт, в подавляющем большинстве не противоречащие положениям классических теорий развития, а предоставляющие объемный массив данных о том, *какие* новые

формы тех или иных возрастных особенностей присущи выборке данного исследования.

Так, к основным отличительным чертам центиниалов предварительно относятся: индивидуализм и меньшая заинтересованность в групповом взаимодействии, «аутизация» на фоне роста социальных связей в виртуальном мире, предпочтение визуального восприятия контактов, быстрое переключение между видами активности, открытость опыту, инфантилизация (пролонгирование подросткового периода), страхи перед обыденностью, опасностью и «выпадения из коммуникационного контекста».

Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОСТРАКИЗМА

В соответствии с поставленной целью исследования нами определен ряд задач, в частности, классифицировать методологический аппарат исследования социального ostracism и апробировать инструментарий исследования ostracism несовершеннолетних. В связи с этим в ход исследования нами включен пилотажный этап, что, в свою очередь, потребовало решения ряда задач, таких как *анализ и классификация методологического аппарата исследования социального ostracism, апробация приемов симулирования ситуации социального ostracism и адаптация тематических шкал.*

2.1. Классификация методов исследования социального ostracism

Попытки классификации методологического аппарата феномена социального ostracism предпринимались в зарубежных исследованиях неоднократно, но, как правило, были ориентированы на методы, изучающие те или иные аспекты переживания опыта социального ostracism объектом¹. Отправной точкой для составления собственной классификации методологии исследования ostracism стала работа С.Л. Гули, Л. Задро, Л.А. Вильямса, Е. Светиевой и К. Гонсалькорале. Ученые предложили сменить угол зрения и рассматривать социальный ostracism не только с позиции объекта, но и субъекта: «На сегодняшний день эмпирическое исследование ostracism сфокусировано на целях ostracism, включая изменения в аффективной, когнитивной и поведенческой сферах ostracized индивида. При этом важно признать тот факт, что ostracism по своей сути является межличностными отношениями, требующими наличия не только цели, но и источника»².

¹ Williams K.D. Social ostracism. P. 133–170; Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

² Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный ostracism: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 155.

Продолжая мысль С.Л. Гули и коллег, мы полагаем, что в коммуникации, как правило, участвует не только объект и субъект, но также третья сторона – наблюдатель. Согласно литературному анализу и по заявлению самих исследователей, изучение остракизма с позиции наблюдателя – викарного остракизма – относится к наименее изученным на данный момент методам исследования¹.

Учитывая тенденцию к мультидисциплинарности в научных исследованиях, мы также включили в нашу классификацию методы исследования с использованием аппаратуры функциональной диагностики человека.

Резюмируя изложенное, мы предлагаем классификацию методов исследования социального остракизма по субъектно-объектному признаку, т. е. с позиции объекта, субъекта и наблюдателя остракизма.

Изучение объекта социального остракизма

Качественный анализ примерно 100 научных статей по тематике исследования социального остракизма позволил нам выделить 3 основных направления в методологии, в соответствии с которыми наиболее часто организуются экспериментальные схемы исследования данного феномена: 1) симуляция ситуации социального остракизма; 2) исследование остракизма с использованием функциональной диагностики человека; 3) самоотчетные методики. Кратко данная информация представлена нами в приложении Г.

Симуляция ситуации социального остракизма

Одним из первых методических приемов по симуляции условий игнорирования, исключения и отвержения – как ее называют исследователи «минимальной парадигмой» – была *игра по перекидыванию мяча* («Ball tossing»). В ожидании начала «настоящего» эксперимента трое его участников (один реальный и два конфедерата) находятся в помещении. Спустя какое-то время

¹ Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1–2.

ожидания один из конфедератов «замечает» в углу мяч и предлагает поиграть: просто его перекидывать. Условия включения: два конфедерата передают равное количество пасов как друг другу, так и наивному участнику. Условия остракизма: вначале в игре участвуют трое, но спустя минуту в мяч играют только конфедераты. Позднее эта игра была воплощена К.Д. Вильямсом, К.К. Ченгом и В. Чои в форме компьютерной игры «Кибербол» (Cyberball) и перестала требовать участия помощников экспериментатора¹.

Несмотря на то, что компьютерный аналог «Перекидывания мяча» игра «Кибербол» до сих пор наиболее часто применяется в схемах экспериментов по изучению процессов игнорирования, исключения и отвержения, исследователи считают, что в работе с современным поколением «Кибербол» не вызывает доверия, поскольку нереалистичен. В ответ на данный запрос в 2012 году С.П. Касснер с коллегами² разработали *парадигму (прием) остракизма в условиях виртуальной реальности*: «программное обеспечение парадигмы киберостракизма с использованием шлема виртуальной реальности (специальное периферийное устройство, используемое в системах виртуальной реальности), которое предполагает такой же принцип манипулирования ситуации исключения/включения, как и в «Киберболе», но делает это в условиях, наиболее приближенных к реальности»³.

Еще на заре становления методологического комплекса изучения социального остракизма, в 1997 г., Дж.Б. Нецлек, Р.М. Ковальски, М.Р. Лири, Т. Блевинс и С. Холгейт разработали и использовали в своем исследовании парадигму «Знакомство» (Get Acquainted), которая предполагала некую беседу на заданную тему с целью знакомства людей внутри группы. По окончании беседы с каждым участником говорил экспериментатор и задавал вопросы, с кем из

¹ One-month Stability of Cyberball Post-exclusion Ostracism Distress in Adolescent / Ch.A. Davidson [et al.] // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. In press. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331000393_Onemonth_Stability_of_Cyberball_Postexclusion_Ostracism_Distress_in_Adolescents (accessed 18.06.2020); Williams K.D., Cheung C.K., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. P. 748–762.

² Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments / M.P. Kassner, [et al.] // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 12. Iss. 8. P. 399–403.

³ Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Указ. соч. С. 157.

присутствующих в группе он (она) больше всего хотел бы работать. Через пару минут каждый участник группы получал обратную связь – одну из двух типов: с ним все хотели бы работать (включение) или никто не согласился бы с ним работать (исключение)¹.

Как упоминалось ранее, фундаментальное изучение остракизма сопряжено с трудностями по соблюдению Этического кодекса психологического исследования². Так, прием «Жизнь в одиночестве» (Life Alone), на наш взгляд, является спорным для применения методом симуляции условий остракизма по причине его потенциальной психологической травмоопасности.

В исследованиях также используются иные приемы исследования социального остракизма, но не так часто: условия данного феномена манипулировались в контексте игры в дилемму неиссякаемых благ (Дж.В. Аутверк и коллеги, 2005), с использованием чат-румов (В.Л. Гарднер и коллеги, 2000; К.Д. Вильямс и коллеги, 2002), в разговорах лицом-к-лицу (Д.М. Геллер и коллеги, 1974), при обмене смс (А. Смит, К.Д. Вильямс, 2004), при переживании заново или воображении опыта отвержения (К.Л. Пикет и коллеги, 2004)³.

Однако наиболее часто применяемыми в исследованиях приемами симуляции стали «Кибербол», а также O`Cam, O`Train.

«Остракизм в поезде» (O`Train). По сценарию в помещении имитируются условия вагона поезда: в несколько рядов ставятся по три стула. Участник, который садится в середину, – объект остракизма (или объект включения), участники на 1 и 3 стуле – субъекты, которым экспериментатор накануне дает определенные инструкции. По легенде все участники изображают обычное общение попутчиков в поезде в течение 5–7 минут, но начиная со второй минуты участники на 1 и 3 стульях либо исключают из своей беседы участника № 2 (симулирование ситуации остракизма), либо активно вовлекают в беседу (инклюзия). По окончании игры все участники отвечают на вопросы о своих

¹ См.: Williams K.D. Ostracism. P. 425–452.

² Этический кодекс психолога.

³ Williams K.D. Ostracism. P. 425–452.

чувствах и нарушенных потребностях. После чего обязательно проводится дебрифинг, в ходе которого экспериментатор раскрывает схему эксперимента¹.

Упоминание о другом виде симуляции ситуации исключения и игнорирования, получившей название «Остракизм-камера» (O`cam)², мы находим в работах немецкого исследователя М. Пфундмайер, которая в ходе серии экспериментов изучала пусковые механизмы антисоциального реагирования на остракизм, а именно проявление индивидом радикальных реакций³. Статус остракизма и статус включения во второй части эксперимента конструировались по сценарию: сначала участников просили коротко рассказать о себе перед веб-камерой в присутствии двух других «участников проекта» (конфедератов). Последние создавали ситуации остракизма или включения: в течение секунд внимательно слушали самопрезентацию участника на веб-камеру, затем в течение секунд либо начинали игнорировать его и беседовать между собой, либо продолжали заинтересованно слушать.

Исследование остракизма с использованием функциональной диагностики человека проводится, как правило, при параллельном использовании парадигмы симуляции социального остракизма. Чаще всего это «Кибербол». При этом возможно как одновременное использование обоих исследовательских приемов, так и последовательное (сначала симуляция, затем функциональная диагностика).

В 2004 году Л. Задро провела эксперимент с одновременным погружением в ситуацию включения/исключения посредством «Кибербола» и подключения участников к *импедансному кардиографу* – аппарату, чувствительному к изменению гемодинамики и позволяющему проводить длительные неинвазивные наблюдения⁴.

В 2000 г. Л.Р. Страуд с коллегами провели исследование с использованного разработанного ими метода «Yale InterPersonal Stressor» (YIPS) – «Йельский

¹ Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources. P. 125–143.

² Goodacre R., Zadro L. O`Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. Iss. 3. P. 768– 774.

³ Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. P. 134–148.

⁴ См.: Williams K.D. Ostracism. P. 425–452.

интерперсональный стрессор», который включал в себя как симуляцию остракизма, содержащую несколько форм интерперсонального отвержения (включая активное высмеивание) и исключение в условиях взаимодействия в составе малой группы, так и последующий замер артериального давления крови и уровня гормона кортизола¹.

Изучение реакций головного мозга на ситуацию остракизма проводится при помощи использования *функциональной магнитно-резонансной томографии*. Как правило, такие исследования представляют наиболее валидные результаты. Данный метод исследования часто встречается в работах Н. Айзенбергер и ее коллег². В ее эксперименте 2003 г. предполагалось наличие трех этапов. На первом этапе (условия имплицитного отвержения) участникам говорили, что скоро они примут участие в игре с еще двумя игроками, которые тоже были подключены к сканерам и уже начали играть в «Кибербол». Участникам также сообщалось, что их компьютеры пока не подключены к другим игрокам и потому сначала им придется только наблюдать за игрой двух других. Затем их «подключали» к уже играющим, бросали им мяч, так что теперь участники могли играть вместе с другими. На 2 этапе происходило полное включение в игру. На 3 этапе двое других игроков время от времени намеренно (условия эксплицитного отвержения) исключали присоединившегося участника (не бросали ему мяч). Результаты исследования показали активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли³. Правый префронтальный корковый слой показал рост активации, но лишь в случае намеренного остракизма. Данный участок головного мозга отвечает за передачу *болевого реакции*. Позднее, в 2006 году, Н. Айзенбергер обнаружила, что активность дорсальной передней поясной коры, амигдалы и периакведуктального

¹The Yale Interpersonal Stressor (YIPS): Affective, physiological, and behavioral responses to a novel interpersonal rejection paradigm / L.R. Stroud [et al.] // *Annals of Behavioral Medicine*. 2012. Vol. 22. Iss. 3. P. 204–213.

² Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. P. 290–292; Eisenberger N.I., Lieberman M.D. Why it hurts to be left out: The neurocognitive overlap between physical and social pain. P. 109–130.

³ Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Указ. соч. С. 157; Williams K.D. Ostracism. P. 433.

серого вещества в ситуации остракизма, симулируемого в условиях игры в «Кибербол», коррелировала с данными о социальной разобщенности, полученными из дневников участников.

В другом исследовании Э. де Вотер с коллегами изучали нейронные реакции головного мозга подростков на социальное исключение с учетом их статуса в среде своих сверстников¹. В ходе эксперимента подростки проходили сканирование головного мозга на аппарате функциональной магнитно-резонансной томографии и одновременно с этим играли в «Кибербол». При этом их соперники по игре описывались либо как сверстники, обладающие высокой популярностью (высокий статус среди сверстников), либо как обычные по популярности (среднестатусные сверстники). Исследование подтвердило данные эксперимента Н. Айзенбергер об активации участка дорсальной передней поясной коры головного мозга человека в ситуации его исключения. Помимо этого, были получены данные о более высокой активации ростральной передней поясной коры головного мозга в ситуации включения (при игре со среднестатусными сверстниками) по сравнению с ситуацией, когда участники играли против сверстников высокой популярности. В условиях исключения более высокая активация вентрального стриатума и префронтальной коры головного мозга отмечалась при игре с популярными сверстниками по сравнению со среднестатусными. Из полученных данных ученые сделали вывод о том, что популярность и признание в подростковом возрасте являются разными типами статусности среди сверстников, имеющих не только различные поведенческие, но и различные нейронные корреляты.

Самоотчетные методики

В подавляющем большинстве в исследовательских схемах используются два направления в применении самоотчетных методик: первая – для подтверждения субъективного переживания объектом остракизма и вторая – для замера уровня нарушаемых в ситуации остракизма потребностей и иных показателей (например, эмоциональный фон, а также обязательно проводится

¹ Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status. P. 32–43.

«manipulation check» – фиксация субъективной оценки объектом ситуации: ощущал ли он себя в условиях остракизма или нет).

В качестве примера первой группы можно привести разработанную Р. Гилманом и его коллегами «Шкалу субъективного остракизма – Подростки» («Ostracism Experience Scale for Adolescents» (OES–A)¹. После проведения в 2011 г. валидации данной шкалы из первоначальных 19 утверждений были оставлены только 11. Шкала состоит из двух субшкал («игнорируется», «исключается») и активно используется не только в англоязычных исследованиях².

Вторая группа направления в разработке самоотчетных базируется на положении модели остракизма К.Д. Вильямса о четырех нарушаемых в ситуации остракизма фундаментальных потребностях. Шкалы разрабатываются в зависимости от легенды эксперимента и особенностей (возрастных, гендерных) выборки и, как правило, состоят из пяти-шести шкал (4 – потребности, 1 – проверка субъективного статуса остракизма, 1 – фиксация эмоционального статуса (вариативно)). В этом случае можно говорить о некоем «скелете» для построения шкалы: структура шкалы остается, незначительно меняются лишь формулировки. Схему построения данных шкал представил К.Д. Вильямс при описании выдвинутой им модели остракизма³.

В экспериментах с участием несовершеннолетних используется модификация данной шкалы для детей «Опросник «Базовые потребности» («Primary needs questionnaire»), состоящий из 12 утверждений (по 3 утверждения на каждую из 4 потребностей), к которым по желанию экспериментатора можно добавить утверждения об эмоциональном состоянии, а также проверить статус субъективного остракизма⁴.

¹ Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents / R. Gilman [et al.] // Psychological Assessment. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 319–330.

² Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // Educational process. 2015. Vol. 4. Iss. 1–2. P. 18–30.

³ Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 291, 292.

⁴ Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments / M.P. Kassner, [et al.] // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 12. Iss. 8. P. 399–403.

Вариант для взрослых («Шкала нарушенных потребностей» – «Needs-Threat Scale») представляет расширенный вариант и состоит из 20 утверждений (по 5 утверждений на каждую из 4 потребностей)¹.

В заключение краткого описания самоотчетных методик стоит также упомянуть и такой используемый метод, как «метод направленных воспоминаний» («recall paradigm»), когда экспериментатор просит участника вспомнить опыт переживания социального ostracism и рефлексировать его.

Изучение субъекта социального ostracism

Описанный выше метод «направленных воспоминаний» используется учеными и при изучении субъекта (источника) социального ostracism. При этом экспериментатор просит участника вспомнить не свой опыт переживания ostracism, а опыт подвержения другого человека ostracismу.

Метод наблюдения в форме ведения дневника был использован в исследовании ощущений субъекта ostracism в 2000 г. Участниками эксперимента стали сами экспериментаторы (К.Д. Вильямс, Ф. Бернири, С. Фолкнер, Н. Джада-Джейн и Дж. Граэ), которые в течение пяти дней по очереди подвергали тем или иным видам ostracism своих коллег и фиксировали свои мысли, ощущения².

Для изучения субъекта ostracism также используется большинство из описанных выше методов и методических приемов с той лишь разницей, что фокус внимания экспериментатора смещается с объекта (цели) на субъект (источник) ostracism. Однако в данном случае исследователи ставят под вопрос экологическую валидность данных методов, поскольку во всех случаях субъекты ostracism получают инструкции от экспериментатора, что в итоге может привести к некоторым искаженным результатам в исследовании. Данный способ

¹ The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes / D.J. Hawes [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. 2012. Vol. 9. Iss. 2. P. 599–613.

² Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 497–514.

«направленных воспоминаний», безусловно, соответствует описанным выше критериям, но также имеет свои ограничения. Еще в 1998 г. Н. Шварц, Р.М. Грувс и Х. Шуман обнаружили, что «индивиды в подавляющем большинстве случаев вспоминают высоко эмоциональные события. Таким образом, опыт остракизма или отвержения, о котором вспоминают участники, может не соответствовать типичному опыту, когда индивид выступает в роли источника остракизма или отвержения»¹.

В качестве метода мотивированного остракизма в 2015 г. Дж.Х. Вирт, М.Дж. Бернштейн и А.С. Лерой разработали компьютерную игру «Атимия» (Atimia). Игра соответствует ряду требуемых критериев: реальный участник мотивируется к исключению одного из участников (программный код) без прямых инструкций экспериментатора, для участия в эксперименте, так же как и в «Киберболе», не требуется участие реальных конфедератов, ибо их роль выполняет компьютерная программа².

Изучение наблюдателя социального остракизма (викарный остракизм)

Изучение викарного остракизма (остракизма со стороны наблюдателя/третьей стороной) – наиболее редкий случай среди исследований данного феномена. По признанию авторов обзорной статьи по викарному остракизму, им «известно лишь о девяти экспериментальных исследованиях, демонстрирующих викарный остракизм»³.

Данный вид остракизма пока не обладает своей специфичной и эксклюзивной методологией, при исследовании викарного остракизма в и без того

¹ Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. С. 158.

² Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 497–514.

³ Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism // Frontiers in human neuroscience. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1.

немногочисленных работах, как правило, адаптируются уже имеющиеся приемы исследования. Так, в семи из девяти упомянутых выше исследований использовалась модифицированная версия «Кибербола»: все игроки были запрограммированными, а наблюдателю сообщалось, что он следит за онлайн-игрой реальных игроков¹. Викарный остракизм также активно изучается с применением МРТ².

На сегодняшний день немногочисленные исследования викарного остракизма предоставляют нам данные, свидетельствующие о том, что при наблюдении остракизма у наблюдателя активируются те же области головного мозга, что и у объекта³, и нередко наблюдатель реагирует на наблюдаемый остракизм в просоциальном ключе⁴.

2.2. Апробация, адаптация методик и методических приемов

В процессе разработки валидной цели и задач схемы исследования нами был проведен анализ методологического аппарата исследования феномена социального остракизма, выделены наиболее часто применяемые в исследовательской практике приемы симуляции ситуации социального остракизма: «Кибербол», «Остракизм в поезде», «Остракизм-камера». В ходе серии пилотажных исследований нами были апробированы данные три вида приемов симуляции остракизма и разработаны критерии их применения в схемах исследований. Основным результатом этой пилотажной серии стало решение не использовать прием симулирования ситуации социального остракизма в исследовании, поскольку данные техники могут применяться для изучения механизмов *краткосрочного* социального остракизма. В исследовании акцент делается на социальном остракизме, пролонгированном во времени. С учетом

¹ Ostracism Online: A social media ostracism paradigm / Wolf W., [et al.] // Behavior Research Methods. 2015. Vol. 47. P. 361–373.

² См.: Williams, K. D. Ostracism. P. 425–452.

³ When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism. P. 225–243.

⁴ Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism // Frontiers in Psychology. Cognitive Science. 2015. Vol. 6. P. 1–5.

изложенного в настоящем параграфе мы приводим описание апробации приемов симуляции социального остракизма кратко.

Анализ научных работ по социальному остракизму указывает на то, что одним из основных критериев, подтверждающих факт социального остракизма человека, является не оценка данного факта третьим лицом, а *исключительно субъективная оценка* (мнение самого объекта остракизма), которая при этом *необязательно соответствует действительности*. Иными словами, в нашем исследовании чрезвычайно важно учесть наличие такого вида, как псевдоостракизм (о его проявлении в случаях школьной стрельбы писала Ф. Зоммер с коллегами)¹, и соблюсти баланс между субъективной и объективной оценкой остракирования испытуемого несовершеннолетнего.

В качестве примера можно привести исследование Д. Вальдека, который обращает внимание исследователей на процесс формирования выборки. Исследователь акцентирует внимание на том, что существует ряд психических состояний (шизофрения, социальная тревожность, депрессия, пограничное расстройство личности), которые пролонгируют негативные эффекты остракизма. Например, при шизофрении у человека очень долго сохраняется низкий уровень самооценки, нарушенной в ходе интервенции «Кибербола» (Перри и др., 2011). Как показала серия интервью ученого с участниками, у которых диагностирована шизофрения, данные интервьюируемые, по факту подвергаясь социальному исключению, не ощущали себя игнорируемыми или отвергаемыми обществом, поскольку были сосредоточены на внутренних голосах и подвержены галлюцинациям. Из своего эмпирического опыта Д. Вальдек выводит один из основных критериев при формировании выборки исследования: опираться на возможность индивида *субъективно* оценивать себя как остракированного, а не идти по пути поиска наиболее подходящей, по мнению исследователя, группы остракированных. Сам Д. Вальдек изначально полагал, что ввиду стигматизации больные шизофренией представляют собой идеальную кандидатуру для его выборки².

¹ Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with... P. 3–24.

² Waldeck D., Tyndall I., Riva P. How do we cope with ostracism? Psychological flexibility moderates the relationship between everyday ostracism experiences and psychological distress // Journal of Contextual Behavioral Science. 2017. Vol. 6. P. 425–432.

Из приведенных выше примеров мы сделали вывод о том, что в схему нашего исследования обязательно должна быть включена самоотчетная методика, подтверждающая субъективную оценку несовершеннолетним факта игнорирования, исключения и/или отвержения себя со стороны социума. В качестве исходных данных нами была взята единственная известная нам на момент проведения исследования подобная шкала для работы с несовершеннолетними: «Ostracism experience scale – Adolescents» (R. Gilman et al., 2012)¹.

2.2.1. Приемы симулирования условий социального ostracизма

Апробация приема симуляции ситуации ostracизма «Ostracism-камера» (O`Cam)

Данный прием был апробирован нами по версии М. Пфундмайер², которая в своем исследовании по изучению влияния ostracизма на формирование у индивида террористических интенций модифицировала первоначальную схему и заменила некоторые параметры: режим веб-конференции был заменен на самопрезентацию участника перед видеокамерой (на штативе), а условия включения/исключения модерировались присутствием «в дверях» комнаты двух организаторов, которые либо внимательно слушали самопрезентацию участника, либо игнорировали его, общаясь друг с другом.

Апробация приема «Ostracism-камера» проводилась нами летом 2018 года в подмосковном детском оздоровительном лагере в рамках реализации развивающей программы социально-педагогической направленности «[Йа]» (N=37, средний возраст – 13,6, девочки – 19 (условия исключения – 11 чел.), мальчики – 18 лет (условия исключения – 10 чел.)). После проведения интервенции с двумя отрядами-участниками проводились фокус-группы, на которых раскрывалась легенда эксперимента и была получена обратная связь об ощущениях всех

¹ Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // Educational process. 2015. Vol. 4. Iss. 1–2. P. 18–30; Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents / R. Gilman [et al.] // Psychological Assessment. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 319–330.

² Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. P. 134–148.

участников, их нарушенных потребностях, обсуждались негативные аспекты остракизма.

Эксперимент подтвердил надежность метода «Остракизм-камера» (O`Cam) как метода симуляции условий остракизма, но выявил ряд организационных сложностей. В нескольких случаях остракируемые участники прерывали эксперимент: 2 участника обратились с просьбой к организаторам возобновить запись их самопрезентации и выйти из помещения, 1 участник прекратил свою самопрезентацию в самом начале и ушел. В 6 случаях из 21 участники заявили, что вообще не обратили внимания на игнорирующих их организаторов, поскольку были сосредоточены на задаче эффективной самопрезентации.

Положительные характеристики метода: минимальное количество конфедератов; несложная схема организации; незначительный психологический ущерб (по данным дебрифинга).

Негативные характеристики метода: нестабильность результата симуляции социального остракизма; возможность вступления объекта в конфликтное взаимодействие с субъектом остракизма.

Выделенный критерий: избегание конфронтации участников.

Апробация приема симуляции ситуации остракизма «Остракизм в поезде» (O`Train)

Апробация парадигмы «Остракизм в поезде» проводилась нами с участием студентов первого курса ФГБОУ ВО МГППУ в ходе практического занятия на тему «Организация экспериментального исследования» (N=66, девушки – 61, юноши – 5, средний возраст – 18,3 года). Мы расширили круг участников, добавив четырех наблюдателей (с протоколом наблюдения), супервизию, также велась видеозапись эксперимента. По данным заполненного непосредственно после интервенции опросника ШНП-О, у «остракированных пассажиров» в сравнении с «включенными в общение пассажирами» были зафиксированы низкие показатели удовлетворенности потребностей в контроле, самоуважении, осмысленном существовании и принадлежности. Эти показатели коррелировали с данными наблюдения: к концу беседы «попутчиков» (5 минут) включенные

пассажиры улыбались, активно жестикулировали, были позитивно настроены, а остракированные – более не предпринимали попытки присоединиться к беседе, некоторые уходили в себя (скрещивали руки на груди, опускали глаза вниз, откидывались назад на стуле, как бы превращаясь в невидимку: «Меня тут нет!»). На вопрос экспериментатора «Какие чувства (ощущения) вы испытывали к концу беседы с вашими попутчиками?» включенные «пассажиры» называли оживление, удовлетворенность, желание продолжить беседу, радость, интерес к собеседникам, а остракированные «пассажиры» – безнадежность, беспомощность, грусть, жалость к себе, злость, обиду, огорчение, подавленность, унижение. Интересно, что подавляющее число участников, которые стали в этом эксперименте субъектом (источником) остракизма, в отличие от других участников, которые создавали условия «включения», на фоне общей удовлетворенности от беседы с другим пассажиром испытывали чувство вины. Последующей конфронтации между объектами и субъектами остракизма не зафиксировано.

Положительные характеристики метода: ярко выраженный эффект остракизма (100 % остракированных участников подтвердили свой статус, сообщили о нарушении потребностей и снижении эмоционального фона);

Негативные характеристики метода: явная психологическая травматизация остракированных участников, потребность в конфедератах (соотношение объектов к субъектам остракизма – 1:2) и материальных ресурсах;

Выделенный критерий: количество участников эксперимента.

Апробация приема симуляции ситуации остракизма «Кибербол» (Cyberball)

Пилотажное исследование данного способа симуляции условий остракизма проходило летом 2019 г. на базах двух подмосковных детских оздоровительных лагерей. В данном эксперименте приняли участие 96 детей из разных регионов России (г. Москва, г. Калуга, г. Махачкала, г. Ростов-на-Дону, г. Петрозаводск, г. Воронеж, г. Тула, г. Екатеринбург); 57 девочек, 39 мальчиков. Распределение по возрастам: 7–9 лет – 21 чел., 10–12 лет – 18 чел., 13–15 лет – 30 чел., 16–17 лет – 27 чел. (средний возраст – 12,6 года).

Уже первые попытки использовать «Кибербол» в соответствии с действующей инструкцией авторов-разработчиков показали, что в таком виде использовать ее в эксперименте невозможно: дети не верили, что игра сетевая и за аватарами игроков скрываются реальные люди, она вызывала скуку и раздражение, задача по визуализации других игроков тоже не находила отклика¹. В конечном счете декларируемая легенда не воспринималась детьми (особенно старшего возраста: с 13–14 лет) и условия исключения (только 2–3 броска участнику из 30) не воспринимались как таковые («Нет, меня не игнорировали: мне же все-таки три раза кинули мяч»), что ставило весь эксперимент под угрозу.

С учетом анализа критических замечаний детей, участвовавших в пилотных сериях, мы поменяли легенду к «Киберболу». При реализации данного метода симуляции условий остракизма очень важно, чтобы участник доверял экспериментатору, условия игры не ставили под сомнение его умственные способности, а сама игра несла в себе хотя бы минимальную интригу. В итоге на вторую пилотную серию мы представили другим участникам легенду, в соответствии с которой участник играет против искусственного интеллекта и игра сразу позиционируется как очень простая. Данное отхождение от схемы применения парадигмы «Кибербол» вполне допустимо и уже применялось: в исследовании Л. Задро, К.Д. Вильямса и Р. Ричарда в 2004 г. участники эксперимента играли в «Кибербол» против компьютера. Несмотря на это, ученые зафиксировали «негативное воздействие, сравнимое с тем, когда участники думают, что в игре подвергаются остракизму со стороны реальных людей»².

После окончания игры в «Кибербол» участнику предлагается описать свои ощущения, которые он испытывал во время второй (экспериментальной) игры,

¹ См.: Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования. Ч. 1. Методология // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : материалы Междунар. научно-практ. конф. Ялта: Крым. федер. ун-т имени Вернадского, 2019. С. 29–36.

² Zadro L., Williams K.D., Richardson R. How low can you go? Ostracism by a computer is sufficient to lower self-reported levels of belonging, control, self-esteem, and meaningful existence // *Journal of Experimental Psychology*. 2004. Vol. 40. P. 450–567.

заполнив «Шкалу нарушенных в ситуации остракизма потребностей» (версия для использования игры «Кибербол»).

В процессе ряда пилотажных исследований нами были определены оптимальные для российской выборки из числа несовершеннолетних параметры применения программы «Кибербол» для симуляции условий включения/остракизма. Оптимальное количество получаемых реальным игроком пассов для манипуляции условий следующее:

нейтральные условия (этап ознакомления с игрой) – 35 передач мяча, 7–9 передач реальному игроку (равномерно);

условия включения – 30 передач, из них 9 реальному игроку (равномерно; и обязательно заключительный);

Условия исключения (остракизма) – 30 передач, из них реальному игроку 1 передача (на 2–4-м броске).

Положительные характеристики метода: минимальное количество организаторов эксперимента; отсутствие конфедератов; короткое время симуляции; отсутствие личного контакта объекта и субъекта остракизма во время и после симуляции; понятный интерфейс программы, как следствие – отсутствие необходимости привлекать специалистов технического профиля; предоставление авторами-разработчиками ссылки открытого доступа для скачивания программы «Кибербол» (<http://www.empirisoft.com/cyberball.aspx>), самый высокий процент использования метода в исследованиях; минимальная психологическая травматизация участника.

Негативные характеристики метода: не все респонденты определяли манипулируемые условия остракизма (например, при 2–3 бросках из 30) как игнорирование, исключение или отвержение; требуется переработка авторской легенды «Кибербола» с учетом характеристик выборки; интерфейс на английском языке; внешне незаметный эффект остракизма; спорный характер ввиду взаимодействия не в реальной социальной коммуникации, а виртуальной.

Выделенные критерии: достоверность легенды, количество участников эксперимента.

2.2.2. Шкала социального ostrакизма-Подростки (ШСО-П)

Шкала субъективного ostrакизма-Подростки (ШСО-П) (Ostracism Experience Scale for Adolescents (OES-A), Gilman R. et al., 2012) в РФ не стандартизирована, переведена и адаптирована автором, представляет собой самоотчетную методику для подростков, состоит из 11 утверждений, включает в себя 2 субшкалы (игнорирование, исключение). ШСО-П представляет информацию о восприятии подростком собственного уровня ostrакирования ближайшим социумом. В первоначальном варианте OES-A состояла из 19 пунктов, но после валидации Р. Гилманом и коллегами используется в сокращенном варианте из 11 пунктов¹ (приложение Д).

Адаптация ШСО-П в РФ проводилась в три этапа.

1 этап: OES-A была переведена 6 разными переводчиками с английского языка на русский язык, а затем с русского языка снова на английский. Данный двухступенчатый перевод позволил выделить наиболее близкие к оригиналу варианты на русском языке.

2 этап: апробация на предмет корректировки варианта на русском языке (респонденты – студенты ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», N=124 (средний возраст – 18,7 года, женщины – 112, мужчины – 12).

3 этап: внедрение для практической апробации и адаптации проводилось в период 2017–2018 гг. на базе подмосковного детского оздоровительного лагеря «Купавна» при ФГКУ «Клинический санаторий «Кратово» в рамках реализации совместных с ФГБОУ ВО МГППУ развивающих программ «Формула успеха», «[Йа]» (N=154 (средний возраст – 13,9 года, девочки – 83, мальчики – 71)². В 73 % случаев уровень высокой степени субъективного ostrакизма коррелировал с субъективной экспертной оценкой педагога-психолога, работающего в отряде. Все дети, которые в выходные дни в присутствии родителей обращались за

¹ Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents / R. Gilman [et al.] // Psychological Assessment. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 319–330

² Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей... С. 29–36.

консультацией к специалистам Центра экстренной психологической помощи ФГБОУ ВО МГППУ, были только из этой группы.

Адаптированный вариант ШСО-П представлен в приложении Е.

2.2.3. Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О)

На 2015 г. в исследованиях остракизма применяются, как минимум, шесть вариантов шкал нарушенных в ситуации остракизма потребностей¹. Основопологающим для их разработки стал вариант шкалы, представленный К.Д. Вильямсом в описании модели остракизма². Все последующие варианты подобных шкал (Л. Задро и коллеги, 2006 г.; И. ван Бист, К.Д. Вильямс, 2006 г.; К. Гонсалькорале, К.Д. Вильямс, 2007; Д.Дж. Хоус и коллеги, 2007 и др.) строятся в соответствии с внутренней конструкцией шкалы нарушенных потребностей К.Д. Вильямса и включают четыре субшкалы (нарушенные потребности в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании). В вариантах может меняться количество утверждений на каждую из потребностей (как правило, от двух до пяти), наличие или отсутствие утверждения, констатирующего субъективный уровень остракизма (так называемая «проверка статуса субъективного остракизма» – «manipulation check», англ.) и ряд утверждений об испытанных участником игры чувствах. При этом, как отмечают Дж.П. Гербер и его коллеги, на протяжении двух десятилетий исследований шкалы применяются без проведения процесса их валидации, только на основе пилотажных исследований и «базовых психометрических тестов»³. На сегодняшний день нам известно о валидации только одного варианта шкалы, а именно шкалы нарушенных потребностей, разработанной Л. Задро, К.Д. Вильямсом и Р. Ричардсоном в 2004 г. Помимо уже имеющейся «в активе»

¹ The Ordinal Effects of Ostracism: A Meta-Analysis of 120 Cyberball Studies / С.Н.Н. Hartgerink [et al.] // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. Iss. 5:e0127002. P. 1–25.

² Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. P. 275–314.

³ Gerber J.P., Chang S.-H., Reimel H. Construct validity of Williams' ostracism needs threat scale // Personality and Individual Differences. 2017. P. 1.

данной шкалы подтвержденной надежности субшкал, ранжирующей от $\alpha \geq 0.66$ до $\alpha \geq 0.93$, в данной работе при сравнении со шкалой потребностей Шелдона, Эллиота, Кима и Кассера шкала нарушенных потребностей К.Д. Вильямса и коллег «продемонстрировала разумную конструктивную валидность на выборке исследования»¹.

Ввиду того, что аналогов подобной шкале, измеряющей уровень степени угрозы четырех базовых потребностей (в принятии, контроле, самоуважении и осмысленном существовании) применительно к ситуации социального остракизма, в отечественной психологии нет, у исследователей, имеющих желание представить валидный инструмент для измерения нарушенных в ситуации социального остракизма потребностей, есть, как минимум, два пути: разработать такую шкалу самостоятельно или адаптировать уже имеющиеся англоязычные варианты.

С учетом накопленного теоретико-эмпирического объема данных в этой области мы сочли целесообразным выбрать второй вариант: адаптировать уже имеющиеся варианты с учетом особенностей (при наличии таковых) российской выборки (несовершеннолетние в возрасте от 12 до 17 лет включительно).

В ходе пилотажных исследований по апробации русскоязычного варианта Шкалы нарушенных в ситуации остракизма потребностей (подростки) (далее – ШНП-О) с учетом возраста выборки мы взяли за основу разработанный для работы с детьми Д.Дж. Хоусом и коллегами опросник «Needs-Threat Scale»², который, в свою очередь, базируется на основе модели остракизма К.Д. Вильямса (приложение Ж).

Данная шкала заполняется детьми сразу непосредственно после игры в «Кибербол» (симуляция условий остракизма или включения). Каждое из утверждений оценивается участником от 1 балла (совсем нет) до 5 баллов (очень сильно). Реверсивные утверждения (№ 2, 5, 6, 7, 8) оцениваются в обратном

¹ Zadro L., Williams K. D., Richardson R. Riding the O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources. P. 125–143.

² The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes / D.J. Hawes [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. 2012. Vol. 9. Iss. 2. P. 604.

порядке. В исследовании Д.Дж. Хоуса и его коллег общий балл показал высокую внутреннюю согласованность (коэфф. альфа Кронбаха 0.77), что коррелирует с ранее полученными данными обработки версии шкалы для взрослых (коэфф. альфа Кронбаха 0.71).

Опросник «Needs-Threat Scale» (D.J. Hawes et al., 2013) был дважды переведен с английского языка на русский, а русские варианты дважды переведены обратно на английский. В итоге нами были выбраны наиболее близкие по смысловому значению русскоязычные варианты и сохранена структура опросника, в котором каждое утверждение начиналось со слов «Я чувствовал...» (приложение Ж).

Однако, как и в случае с применением первичных условий игры «Кибербол», данный опросник ввиду своей лаконичности вызывал у детей всех возрастных групп массу уточняющих вопросов, что не могло в итоге не сказаться на всем ходе пилотажного эксперимента.

Проанализировав полученную в первой пилотажной серии информацию, мы начали работу по адаптации другого варианта подобного опросника «Need Threat Scale» (I. van Beest, K.D. Williams, 2014), предназначенного для взрослых¹. В исходном варианте данная шкала состоит из 20 утверждений (по 5 на каждую из четырех потребностей), содержит реверсивные утверждения, ответы ранжируются по семибалльной шкале от 1 балла (не согласен) до 7 баллов (согласен) и по сравнению детским вариантом шкалы является более информативной (приложение И).

Как и в ряде других подобных исследований, И. ван Бист и К.Д. Вильямс после заполнения указанной шкалы предоставили участникам эксперимента возможность оценить свой статус настроения (mood index, англ.): негативные эмоции (печаль, злость, обида) и позитивные эмоции (счастье, ликование, жизнерадостность).

К началу второго этапа пилотажа мы точно таким же способом, как было описано ранее, перевели и адаптировали весь опросник «Need Threat Scale» (И. ван Бист, К.Д. Вильямс, 2014). В дальнейшем мы сохранили количественные

¹ Van Beest I., Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. Iss. 5. P. 918–928.

параметры детской шкалы («Needs-Threat Scale», D.J. Hawes et al., 2013): выбрали по два утверждения из каждой субшкалы потребностей. При этом одно утверждение «прямое», а второе – «реверсивное».

Ранжирование ответов, так же как и в детском варианте, осуществляется по пятибалльной шкале: 1 балл (вообще нет), 2 балла (нет), 3 балла (иногда), 4 балла (да), 5 баллов (да, совершенно точно). В итоговом варианте, который вошел в конечный дизайн пилотажного эксперимента, остались лишь те пункты шкалы, которые не вызывали в детях желание переспросить, уточнить, выразить свое недовольство формулировкой.

С учетом задач исследования по аналогичной схеме нами был разработан опросник для оценки уровня нарушенных потребностей для ситуации, приближенной к нейтральной (без применения приема симуляции ситуации остракизма). Цель данной шкалы – измерить уровень потребностей в самоуважении, осмысленном существовании, контроле и принадлежности в повседневной жизни (приложение К).

Внедрение ШНП-О (совместно с ШСО-П) для практической апробации проводилось в период 2017–2018 гг. на базе подмосковного детского оздоровительного лагеря «Купавна» при ФГКУ «Клинический санаторий «Кратово» в рамках реализации совместных с ФГБОУ ВО МГППУ развивающих программ «Формула успеха», «[Йа]» (N=154 (средний возраст – 13,9 года, девочки-83, мальчики-71)¹).

С учетом гипотезы исследования при обработке ШНП-О также проводится анализ уровня удовлетворения потребностей по кластерам: кластер власти и провокации (суммарное значение показателей по: потребности в осмысленном существовании, потребность в контроле) и инклюзивному кластеру (суммарное значение показателей по: потребности в принадлежности, потребности в самоуважении) (приложение Л).

¹ См.: Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей... С. 29–36.

2.3. Разработка авторского инструментария исследования

Далее мы приводим краткое описание процесса и результата разработки авторского инструментария, используемого в данном исследовании: опросник «Как вы это понимаете?», стимульный материал к цветовому тесту отношений А.М. Эткинда, биографическая анкета.

2.3.1. Опросник «Как вы это понимаете?»

Одной из задач ювенальной юридической психологии при определении степени вины обвиняемого в преступлении несовершеннолетнего, в частности, является установление уровня осознания им аспектов произошедшего. Проводя аналогию с настоящим диссертационным исследованием, в ходе разработки экспериментальной схемы мы посчитали целесообразным оценить степень осознания среднестатистическим несовершеннолетним в возрасте от 12 до 17 лет понятия социального ostracism. В нашем понимании подобная информация является отправной точкой всего исследования, поскольку делает его возможным только в том случае, если несовершеннолетние в состоянии понимать смысловую нагрузку данного понятия, отличать ostracism или его составные конструкты (отвержение, игнорирование, исключение) от ряда родственных феноменов.

Для выполнения данной задачи нами был выбран метод опроса, выполненный в форме виньеток – «короткого описания социальной ситуации или объекта, которое оценивается респондентом»¹. Ввиду того, что в задачи опроса не входит установление причинно-следственных связей, а скорее предполагается выбор одной альтернативы из ряда предложенных, в качестве экспериментальной техники в опросной методологии мы остановились на технике «эксперименты с выбором». В структуру виньетки встраивалась только одна независимая

¹ Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 143.

переменная (описание конструкта), и респонденту предлагался «набор выборов» (перечень названий психологических феноменов).

По факту, сфера применения данной техники чаще относится к экономическим, а не к психологическим наукам. Однако в нашем случае это не является недостатком техники, поскольку полностью отвечает задачам опроса: установить степень понимания несовершеннолетними основного понятийного ядра феномена социального ostracism, иначе говоря, сделать выбор в отношении одного (преимущественно) из предложенных вариантов в приложении к описываемой ситуации.

Всего нами были подготовлены шесть виньеток (коротких историй), описывающих три подконструкта социального ostracism (игнорирование, исключение, отвержение) и три родственных ostracism феномена (стигматизация, одиночество, буллинг). Каждая виньетка описывала ситуацию в соответствии с приведенными ниже определениями:

игнорирование – умышленное оставление без внимания, пренебрежение кем-либо (К.Д. Вильямс) (от отвержения отличается степенью демонстративности проявления);

исключение – «быть исключенным, в одиночестве или изолированным, иногда с явной декларацией неприязни, а иногда без нее. Само исключение следует либо за взаимодействием и отделением от других, либо в качестве гипотетического следствия в будущем» (Дж.М. Твендж);

отвержение – происходит «в виде заявления индивида или группы о том, что они (больше) не хотят взаимодействовать или находиться в обществе того или иного субъекта» (М.Р. Лири), основной фактор – демонстративность, публичность;

стигматизация (навешивание ярлыка) – перенос качества с общепринятой негативной коннотацией на человека или людей (И. Гофман);

одиночество – (здесь) представляет собой вариант переживания психологической отдельности, осознания собственной индивидуальности, автономности, самости (С.Г. Корчагина);

буллинг (травля) – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы (Д. Ольвеус).

Текст каждой виньетки построен так, чтобы быть как можно ближе к нейтральному варианту. Все виньетки содержат одно и то же действующее лицо: девочку по имени «А» (по факту, в пилотажных исследованиях большая часть участников женского пола, а имя «А» выбрано исходя из того, чтобы максимально снизить риск появления новой независимой переменной «этническая принадлежность», поскольку, например, при выборе таких букв, как «Х», «Ш», «Ч», «Э», велика вероятность соотнесения их с этническими именами. В то же время вариант имени на букву «А», на наш взгляд, более космополитичен (нейтрален).

Для более глубокого понимания восприятия несовершеннолетними конструкторов, заложенных в виньетках, мы ввели в опрос функцию множественного ответа и опцию «другое». Опрос, в соответствии с ведущей тенденцией возрастной выборки (подробнее описано в п. 1.3.3), проводился нами с применением опроса в Google-форме (приложение П).

Этап апробации текстов виньеток позволил нам не только определиться с наиболее близкой к определению заложенного в них конструкта, но и внести изменение в наш «список выбора». Так, на этапе пилотажа, который проводился среди студентов 1-го курса вуза (средний возраст: 18,8 года, т. е. максимально приближен к верхней границе выборки исследования), нами был зафиксирован тот факт, что два из шести вариантов, предложенных к описанию виньетки, вызывали у студентов вопросы. Они задавали уточняющие вопросы, просили более подробно раскрыть само понятие. В связи с этим понятие «стигматизация» в итоговом варианте было заменено на «навешивание ярлыка», а понятие «буллинг» – на «травлю». В опрос также включен биографический блок: возраст и пол.

Опрос «Как вы это понимаете?» в схему эмпирического исследования не включен, а служит отправной точкой, устанавливающей/или опровергающей факт понимания несовершеннолетними смыслового ядра феномена социального остракизма.

2.3.2. Стимульный материал к цветовому тесту отношений А.М. Эткинда (социальный остракизм)

На этапе пилотажных исследований, в частности, в ходе реализации программы экспериментальной программы «[Йа]» в подмосковных детских оздоровительных лагерях, нами была проведена работа по подбору стимульного материала к цветовому тесту отношений А.М. Эткинда. Целью данной работы стало формирование массива слов-ассоциаций к условным группам «положительное, радостное событие в жизни» и «негативное, травмирующее событие в жизни» и выделения из него 8 слов-стимулов, которые будут использованы в тесте в дополнение к 12 определенным нами словам, составляющим смысловой каркас блока по теме «социальный остракизм в жизни несовершеннолетнего». Всего в конечный вариант списка слов-стимулов к методике «Цветовой тест отношений» (тема – социальный остракизм) вошли 20 слов-стимулов. Условно данный список подразделяется на 5 частей:

1 часть – местоимение «Я» (в качестве индикатора соотнесения себя (несовершеннолетнего) с тем или иным опытом; элемент включен экспериментатором);

2 часть – словосочетания «в прошлом», «в будущем», «в настоящем» (в качестве индикатора соотнесения определенного опыта и переживания чувств и эмоций несовершеннолетним во времени (когда?); элемент включен экспериментатором);

3 часть – существительные «мама», «папа», «школа» (в качестве индикатора соотнесения себя (несовершеннолетнего) с тем или иным опытом в наиболее распространенной для данного возрасте среде (где?) или в качестве источника чувств, эмоций, переживаний (кто?); элемент включен экспериментатором);

4 часть – существительные «игнорирование», «невидимка», «боль», «отвержение» (в качестве индикаторов наличия опыта социального остракизма у несовершеннолетнего; элемент включен экспериментатором);

5 часть – словосочетания и существительные «никому не нужный», «любимое занятие», «счастье», «безразличие», «улыбка», «удар», «свет», «надежда» (в качестве индикаторов к положительно или негативно окрашенному опыту несовершеннолетнего) выделены из общего списка предложенных детьми вариантов двумя способами: 1) по принципу простого большинства (наиболее частотно предлагаемые) – «счастье», «улыбка», «удар»; 2) – методом факторизации представленных вариантов – «никому не нужный», «любимое занятие», «безразличие», «свет», «надежда».

Выборка: N= 96 (57 девочек, 39 мальчиков). Распределение по возрастам: 7–9 лет – 21 чел., 10–12 лет – 18 чел., 13–15 лет – 30 чел., 16–17 лет – 27 чел. (средний возраст: 12,6 года).

Метод: подбор ассоциаций, синтез, факторный отбор.

Ход исследования: детям было предложено сформировать на доске в холле дневного пребывания две колонки (с учетом возрастных особенностей для детей младшего школьного возраста (7–8 лет) – это были «темная» и «светлая точки», для детей старшего возраста (15–17 лет) – черный и белый круги из бумаги. На протяжении всей смены (21 день) после проведения вечерней рефлексии дети клали записки, на которых были написаны слова или словосочетания, описывающие их либо положительные эмоции, чувства, воспоминания, переживания (соответственно к «светлой точке» или «белому кругу»), либо негативные (соответственно к «темной точке» или «черному кругу»). Таким образом, нам удалось собрать 1056 слов, словосочетаний и рисунков (768 положительной коннотации, 288 – негативной). Из данного массива были выделены 8 слов: 5 с ярко выраженной положительной коннотацией («счастье», «улыбка», «любимое занятие», «свет», «надежда») и 3 – с негативной окраской («никому не нужный», «безразличие», «удар»).

Слова-стимулы к методике «Цветовой тест отношений», А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин (тема – социальный остракизм) представлены в приложении Н.

2.3.3. Биографическая анкета (метод экспертной оценки)

В то время как подавляющее большинство исследовательских схем используют те или иные приемы симуляции ситуации остракизма и изучают преимущественно механизмы краткосрочного остракизма¹, основа данного исследования – правильно определенная выборка. И в этом случае в качестве одного из условий при формировании групп сравнения (Профилей) нами разработан бланк биографической анкеты участника (приложение М). Таким образом, используемые нами 4 условия отбора по Профилям имеют не только разное смысловое наполнение, но и форму: две самоотчетные методики, одна проективная, одна в форме экспертной оценки. Иными словами, мы используем три методики субъективной оценки и одну методику объективную (оценка с позиции эксперта).

Новизну данной биографической анкеты участника психологического исследования составляет включение в ее состав запроса об опыте хронического остракизма испытуемого наравне с уже традиционными вопросами о социально-экономическом статусе респондента и его окружения.

Резюме по главе 2

В рамках построения схемы исследования нами, в частности, предпринят анализ теоретико-эмпирических исследований, что позволило классифицировать имеющийся методологический аппарат исследования социального остракизма по субъектно-объектному признаку, т. е. с позиции объекта, субъекта и наблюдателя остракизма (викарный остракизм). В рамках предложенной классификации нами

¹ Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents / A. Godwin [et al.] // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 46. Iss. 3. P. 1–8; Ayduk O., Gyurak A., Luerssen A. Individual differences in the rejection–aggression link in the hot sauce paradigm: the case of rejection sensitivity // Journal of Experimental Social Psychology. 2008. Vol. 44, № 3. P. 775–782; Carter-Sowell A.R., Chen Z., Williams K.D. Ostracism increases social susceptibility. P. 143–153; Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. P. 290–292; Goodacre R., Zadro L. O`Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. Iss. 3. P. 768–774.

выделены основные методы и методические приемы: приемы симуляции ситуации остракизма, исследования остракизма с использованием функциональной диагностики человека, самоотчетные методики.

Пилотажный этап исследования, направленный на апробацию наиболее часто используемых приемов симулирования ситуации социального остракизма («Остракизм-камера», «Остракизм в поезде», «Кибербол»), позволил сделать вывод о необходимости пересмотра первичной схемы исследования, содержащей подобные приемы. В связи с этим в качестве основополагающего нами определен вид эксперимента «ex-post-facto» (или квазиэкспериментальный план) (об этом подробно в главе 3).

Анализ методологического аппарата исследования социального исключения позволил выявить ряд самоотчетных методик, которые включены нами в экспериментальную схему исследования. В параграфе 2.2 нами описаны все этапы процесса адаптации (отбор, двусторонний перевод, обработка русскоязычного варианта, пилотажное внедрение) «Шкалы субъективного остракизма-Подростки (Ostracism experience scale for Adolescents, Gilman R., et al., 2012 (ШСО-П))» и «Шкалы нарушенных потребностей-Остракизм, модификация (Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006 (ШНП-О))». Данные шкалы используются в исследовании для распределения выборки на группы сравнения по критерию «остракизм», а также с диагностической целью.

Помимо стандартизированных и адаптированных методик, в исследовании используется авторский инструментарий: опрос «Как вы это понимаете?», выполненный в форме виньеток, слова-стимулы по тематике «Остракизм» к методике ЦТО (А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин, 1985), биографическая анкета участника (метод экспертной оценки).

Глава 3. ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОСТРАКИЗМА КАК ФАКТОРА АНТИСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

3.1. Схема, выборка, ход исследования

Схема эмпирического исследования

Пилотажный этап исследования (2.2), направленный на апробацию наиболее часто используемых приемов симулирования ситуации социального ostrакизма («Oстракизм-камера», «Oстракизм в поезде», «Кибербол») позволил сделать вывод о необходимости пересмотра первичной схемы исследования, содержащей подобные приемы. Апробация приемов симулирования ситуации социального ostrакизма выявила тот факт, что в случае применения в экспериментальной схеме данных приемов предметом изучения становятся непосредственные реакции человека на ситуацию краткосрочного ostrакизма. В нашем исследовании предполагается изучение длительного воздействия социального ostrакизма на несовершеннолетнего, опосредующего формирование не сиюминутной антисоциальной реакции, а устойчивого антисоциального поведения.

И в данном случае апробация приемов симуляции ситуации социального ostrакизма позволила нам воспринять опыт ostrакизма как длительный и как травмирующее событие в прошлом и, возможно, продолжающееся в настоящем.

В связи с этим нами принято решение отказаться от экспериментального исследования и реализовать эмпирическое, в частности использовать квазиэкспериментальный план «ex-post-facto»¹. В этом случае мы отказываемся от прямого воздействия на испытуемых (что, в свою очередь, решает одну из главных проблем исследовательской схемы – морально-этическую). В качестве

¹ См.: Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 320 с.; Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980. 385 с.

воздействия (позитивного значения независимой переменной) в нашей исследовательской схеме выступает уже состоявшееся событие из жизни испытуемых (а именно: опыт социального остракизма или отсутствие такового). Уравнивание групп по критерию «поведение» производится на основе биографической анкеты. Уравнивание групп по критерию «остракизм» производится как на основе биографической анкеты, так и по данным обработки методик ШСО-П, ШНП-О.

В этом исследовании, по нашей оценке, основным фактором, угрожающим целостности внутренней валидности, является наличие ряда потенциальных независимых переменных (например, влияние социальных условий, антисоциального окружения несовершеннолетнего), которые, вне сомнения, оказывают влияние на становление правосознания испытуемого. Осознавая тот факт, что полностью устранить побочные явления в данном исследовании не представляется возможным, нами предприняты усилия, чтобы максимально приблизиться к безупречному эксперименту. В частности, мы выделили такую группу, в которой присутствует *независимая переменная* проводимого исследования (влияние долгосрочного социального остракизма на несовершеннолетнего), опосредующая возникновение *зависимой переменной* исследования (*антисоциальное поведение несовершеннолетнего*). «Отделение» иных возможных факторов влияния на формирование антисоциального поведения достигается нами посредством формирования четырех групп сравнения. Иными словами, независимая переменная со связанной с ней зависимой переменной присутствует только в одной (Профиль 1.2), а возможные иные факторы влияния на формирование у подростка антисоциального поведения присутствуют во всех четырех группах выборки.

Для сохранения внутренней валидности также предприняты следующие меры: диагностический блок исследования проведен во всех группах сравнения в течение ограниченного периода (1 организация – июль 2020 г., 5 организаций – февраль-апрель 2021 г.) – фактор времени; все диагностические методики реализовывались в строгом соответствии со схемой (фактор эффекта

последовательности); благодаря использованию количественной обработки результатов исследования и отходу от экспериментальной схемы, подразумевающей непосредственное воздействие экспериментатора на испытуемого (как было бы при использовании приема симулирования ситуации социального ostracism), нами исключен фактор «предубеждение экспериментатора».

Различия по возрасту (от 12 до 17 лет включительно) и полу (мужской и женский) служат основой для репрезентативности выборки, а наличие индивидуально-личностных особенностей отражено в одной из гипотез.

Формирование групп сравнения

Выборка исследования разделена на группы сравнения по двум критериям: ostracism (есть/нет) и поведение (просоциальное/антисоциальное).

Ввиду того, что группы сравнения формируются в исследовании не случайно, нами были определены четыре условия, на основе которых проводилось разделение на группы сравнения (профили). При этом перед нами стоял ряд задач: определить такие методики, которые с высокой долей вероятности способны выделить испытуемых, имевших или имеющих на данный момент опыт долгосрочного социального ostracism; подтвердить наличие или отсутствие антисоциального поведения. С учетом важности субъективной оценки ostracism, в условия отбора обязательно должна быть включена самоотчетная методика, измеряющая субъективный уровень ostracism. Также необходимо учитывать негативный эффект от воспоминаний опыта ostracism, что может привести к ложным данным (отрицание наличия опыта социального ostracism испытуемыми).

В результате нами определены 4 методики, в соответствии с которыми выборка испытуемых после проведения диагностического этапа была разделена на четыре Профиля, описанные выше:

«Шкала субъективного ostracism-Подростки» (ШСО-П), (Ostracism experience scale for Adolescents, R. Gilman et al., 2012; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019) используется для разделения выборки исследования на Профиль 1

(подвергнутые длительному воздействию остракизма) и Профиль 2 (не подвергнутые длительному воздействию остракизма (включенные в социум);

«Шкала нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019) используется как дополнительный критерий к ШСО-П;

Экспертная оценка (биографическая анкета), заполняемая представителем образовательной организации или Центра пребывания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (базы формирования выборки исследования), используется для определения наличия или отсутствия факта антисоциального поведения испытуемого, видов антисоциального поведения, объективной оценки фактора остракизации (отвержение родителями, сверстниками, возврат (отвержение) из приемной семьи и другое) (приложение М);

«Цветовой тест отношений» (ЦТО) (А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин, 1985) используется в качестве проективного метода субъективной оценки степени остракизации, исключающего риск социальной желательности при ответе. Субъективная степень оценки остракизации оценивается по наличию/отсутствию связи между словами-стимулами (основные для оценивания степени остракизации: «Я», «В прошлом», «В настоящем», «Игнорирование», «Невидимка», «Отвержение») (приложение Н).

Для отнесения участника исследования к одному из четырех Профилей достаточно наличия соответствия 3 из 4 вышеозначенных критериев. Например, если участник показал низкие баллы по ШНП-О (нарушение потребностей), по данным оценки фиксируются факты антисоциального поведения (например, состоит на учете в подразделении по делам несовершеннолетних); если по данным обработки Цветового теста отношений испытуемый относит в одну группу такие слова стимула, как «Я», «В прошлом», «В настоящем», «Игнорирование», «Невидимка», «Отвержение» (IV квадрат – эмоциональное отвержение), но при этом показывает средние баллы по ШСО-П (т. е. субъективная оценка остракизации в пределах нормы), такой участник

определяется в основной экспериментальный профиль – Профиль 1.2 (несовершеннолетние, подвергнутые длительному воздействию остракизма, с антисоциальным поведением).

Перечисленные методики условно выделены в Блок № 1 «Методики. Остракизм»:

– «Шкала субъективного остракизма-Подростки» (ШСО-П) (Ostracism experience scale for Adolescents, R. Gilman et al., 2012; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019);

– «Шкала нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019);

– «Цветовой тест отношений» (ЦТО) (А.М. Эткинд, Е.Ф. Бажин, 1985).

С целью подтверждения или опровержения выдвинутых нами гипотез в исследовании использованы следующие методики, условно названные «Блок № 2 «Методики. Личность»:

– «Индивидуально-типологический детский опросник» (ИТДО) (Л.Н. Собчик, 1996) / «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) (Л.Н. Собчик, 1996);

– Тест «Склонность к девиантному поведению» (СДП) (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев, П.И. Сидоров, 2012);

– «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями» (ОСС) (S. Folkman, R. Lazarus, 1986; стандартизация Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожилова, 2009);

– «Методика диагностики социально-психологической адаптации» (СПА) (C. R. Rogers, R.F. Dymond, 1954; адаптация/модификация А.К. Осницкий, 2004).

Вне схемы исследования нами также проводится опрос «Как вы это понимаете?», выполненный в форме виньеток. Цель опроса – подтвердить или опровергнуть факт понимания среднестатистическим представителем выборки исследования (дети от 12 до 17 лет) подконструктов социального остракизма (игнорирования, исключения, отвержения), отличия их от родственных феноменов (буллинг (травля), стигматизация (навешивание ярлыка), одиночество).

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 330 несовершеннолетних в возрасте от 12 до 17 лет включительно, однако по результатам обработки диагностического блока исследования 59 человек были исключены: 16 – некорректно заполнили бланки методик, 2 – выбыли из учреждений в ходе исследования, 7 – показали превышение по шкале лжи в методике ИТО/ИТДО, 17 – отказались от участия в процессе диагностики (протестное поведение), 12 – были исключены экспериментатором (лица с выраженными психопатологическими расстройствами, в том числе психотического уровня, врожденным и приобретенным тяжелым когнитивным дефицитом), 5 – в ходе эксперимента употребляли психоактивные вещества.

В итоге окончательное количество несовершеннолетних, принявших участие в данном исследовании, – **271 человек** (средний возраст – 15,29 года; мальчики – 123, девочки – 148; дети из общеобразовательных организаций (об/орг.) – 113 чел., из центров детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей (центры), – 158 чел.).

По профилям (подгруппам):

Профиль 1.1 – субъективно остракированные с просоциальным поведением (N=60, мальчики – 26, девочки – 34, средний возраст – 14,85 года; об/орг. – 22, центры – 38);

Профиль 1.2 – субъективно остракированные с антисоциальным поведением (N=73, мальчики – 37, девочки – 36, средний возраст – 14,87 года; об/орг. – 18, центры – 55);

Профиль 2.1 – неостракируемые с просоциальным поведением (N=82, мальчики – 25, девочки – 57, средний возраст – 16,06 года; об/орг. – 52, центры – 30);

Профиль 2.2 – неостракируемые с антисоциальным поведением (N=56, мальчики – 35, девочки – 21, средний возраст – 14,41 года; об/орг. – 21, центры – 35).

Ход исследования

На подготовительном этапе проводилась работа по адаптации и апробации методик ШСО-П, ШНП-П, осуществлялся поиск экспериментальной схемы, соответствующей цели исследования, проводился опрос «Как вы это понимаете?», был сформирован методический аппарат исследования, позволяющий проверить выдвинутые гипотезы.

1-й этап. В связи с двукратным введением карантинных ограничений для борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации проведение диагностической работы с выборкой исследования проводилось в два периода: в июле 2020 г. (Центр в Костромской области) и с февраля по апрель 2021 г. (остальные базы исследования). В основном диагностика проводилась в очной форме, за исключением сбора данных для опроса «Как вы это понимаете?» и методики «Склонность к девиантному поведению» (31 участник) с применением интернет-сервиса для сбора данных «Google-формы».

2-й этап. С конца 2020 года по начало мая 2021 года производилась обработка всего массива полученных данных с выведением готовых для дальнейшего количественного и качественного анализа результатов. Полученные результаты были проверены на пригодность для дальнейшего анализа и сведены в четыре таблицы для четырех групп сравнения соответственно. В ходе обработки диагностического блока данных окончательно определены критерии оценки по адаптированным методикам ШНП-О, ШСО-П. В марте 2021 года был закончен сбор данных по опросу «Как вы это понимаете?», проведен его анализ.

3-й этап. Заключительный этап включал математико-статистический анализ полученного массива данных при помощи программы Microsoft Office Excel и статистического пакета IBM SPSS Statistic 22. Анализ данных производился с применением критериев Краскела – Уоллиса, Манна – Уитни, Вилкоксона для разной комбинации групп (профилей) сравнения (по половому признаку, по возрасту, по субшкалам ШНП-О, ШСО-П), корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена (данные представлены в

форме корреляционных плеяд), метода многомерного шкалирования ALSCAL по результатам 6 методик, при помощи метода описательной статистики. На заключительном этапе сформированы выводы эмпирической части исследования, общее заключение, на основе результатов исследования подготовлены методические рекомендации по организации психологической помощи несовершеннолетним, имеющим негативный опыт переживания хронического социального ostracism, построенные на основе положений модели ostracism К.Д. Вильямса.

3.2. Обоснование гипотез, методы и методики их исследования

Гипотеза 1

В ряде работ исследователи социального ostracism пишут о наличии связи между кластерами нарушенных потребностей и выбором анти- или просоциального пути реагирования на ситуацию длительного социального ostracism¹. Данные исследования, как правило, проводились на выборке из числа совершеннолетних (студенты вузов), а также в контексте изучения механизма воздействия краткосрочного социального ostracism. В связи с этим мы решили проверить данное утверждение, во-первых, впервые на выборке из числа граждан РФ, во-вторых, с участием несовершеннолетних и, в третьих, не в рамках применения приемов симулирования условий социального (краткосрочного) ostracism, а с применением квазиэкспериментального плана исследования «ex-post-facto», подразумевающего исследование механизмов долгосрочного ostracism.

Нами выдвинута гипотеза: *У ostracismированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением, в отличие от ostracismированных*

¹ A new way to measure aggression: Hot sauce allocation / J.D. Lieberman [et al.] // Aggressive Behavior. 1999. Vol. 25. P. 331–348; Cheung E.O., Gardner W. The way I make you feel: Social exclusion enhances the ability to manage others' emotions // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. Vol. 60. P. 59–75; Williams, K. D. Ostracism. P. 425–452.

несовершеннолетних с просоциальным поведением, степень нарушения потребностей в контроле и осмысленном существовании (кластер потребностей во власти и провокации) значимо выше, чем степень нарушения потребностей в принадлежности и самоуважении (кластер инклюзивных потребностей).

Для проверки данной гипотезы, после распределения испытуемых на четыре Профиля, мы анализируем данные, полученные по результатам обработки «Шкалы нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019) для каждого Профиля. При обработке результатов сумма полученных баллов по субшкалам «потребность в принадлежности» и «потребность в самоуважении» составляет показатель «инклюзивный кластер потребностей». Сумма полученных баллов по субшкалам «потребность в осмысленном существовании» и «потребность в контроле» составляет показатель «кластер потребностей власти и провокации».

Для проверки гипотезы мы используем критерии Краскела – Уоллиса, Манна – Уитни, Вилкоксона для разной комбинации групп (профилей) сравнения.

Гипотеза 2

При использовании плана исследования «ex-post-facto» изучение роли внешних факторов влияния на остракируемого индивида представляется затруднительным по причине проведения исследований постфактум. Однако влияние условий, обстоятельств, среды, в которых проходит становление испытуемого, возможно исследовать, на наш взгляд, опосредованно: через изучение сформированных (или еще формирующихся) копинг-механизмов и стратегий совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями.

Как нами было указано выше, формирование про- или антисоциального поведения опосредуется, помимо прочего, посредством использования определенных адаптационных стратегий личности (В.А. Пятунин, Е.В. Змановская), особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности.

В связи с этим мы выдвигаем гипотезу о том, что у *остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением* значимо отличается от других групп сравнения структура связей между нарушенными потребностями, стратегиями совладающего со стрессом поведения, разными видами девиантного поведения и параметрами социально-психологической адаптации.

Для получения полной картины с целью исследования данной гипотезы мы исследуем диагностические данные всех методик, за исключением методики ЦТО. Для проверки данной гипотезы используем метод ранговой корреляции Спирмена и метод многомерного шкалирования ALSCAL.

Гипотеза 3

По результатам предпринятого теоретического анализа литературных источников по теме исследования социального остракизма можно констатировать наличие научного дискурса о роли диспозиционных и ситуационных факторов при принятии остракируемым решения о выборе анти- или просоциального пути реагирования в ответ на фрустрирующую ситуацию. В данном случае нами выдвигается нуль-гипотеза: *у остракированных и не остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением индивидуально-личностные особенности не имеют значимых различий в выраженности и сочетании параметров.*

Для проверки данной гипотезы нами используется методика ИТДО для несовершеннолетних в возрасте от 12 до 15 лет, а также для детей старше 15 лет и детей, имеющих легкую степень умственной отсталости; ИТО для несовершеннолетних старше 15 лет. По каждому из Профилей 1.1, 1.2, 2.1, 2.2 нами просчитываются средние величины по субшкалам ИТДО, ИТО (экстраверсия, спонтанность, агрессивность, ригидность, интроверсия, сензитивность, тревожность, лабильность). В случае если по каждому исследуемому Профилю значимые величины по субшкалам методики и избыточно выраженным тенденциям обнаружены не будут, можно считать, что гипотеза подтверждена.

Для проверки гипотезы мы используем критерий Краскела – Уоллиса для разной комбинации групп (Профилей) сравнения, метод описательной статистики, а также результаты исследования, применяя метод ранговой корреляции Спирмена.

3.3. Результаты исследования

3.3.1. Анализ степени понимания несовершеннолетними внутренних конструктов феномена социального остракизма и отличия их от родственных феноменов (буллинг, стигматизация, одиночество)

Прежде чем приступить к собственно исследованию социального остракизма в среде несовершеннолетних, мы задались вопросом, понимают ли дети в возрасте от 12 до 17 лет смысловое наполнение исследуемого нами феномена, видят ли они различия между социальным остракизмом и родственными феноменами (о ходе разработки опросника – см. 2.3).

Метод: опрос в форме виньеток (условия множественного выбора ответов).

Выборка: N=313 (мальчики – 146 (45,8 %), девочки – 167 (54,2 %), средний возраст – 14,7 (12 лет – 26 (8,3 %), 13 лет – 62 (19,7 %), 14 лет – 75 (24 %), 15 лет – 30 (9,6 %), 16 лет – 44 (14,1 %), 17 лет – 76 (24,3 %)).

Результаты

Результаты опроса по «Ситуации «Игнорирование» (рис. 1) демонстрируют отчетливое понимание респондентами представленной для оценки винюетки: 89,5 % (280 ответов из 313 возможных) несовершеннолетних отнесли данную ситуацию к явлению игнорирования верно. Более того, другие два наибольших количественных показателя опроса получили следующие позиции: «исключение – 20,8 % (65 из 313)» и «отвержение – 26,8 % (84 из 313)», которые тоже лежат в поле понятия феномена социального остракизма. Остальные ответы не превысили отметки в 18,5 %.

Рисунок 1. Ситуация «Игнорирование»

Виньетка «Ситуация «Исключение» (рис. 2) верно оценена респондентами в 55,9% (175 из 313) ответах в качестве подконструкта «исключения». Подконструкты феномена социального остракизма: «игнорирование» – в 18,5 % (58 из 313), «отвержение» – 25,2 % (79 из 313). Значимую по цифровым показателям оценку получил в данном случае родственный феномен «одиночество» – 44,1 % (138 из 313). Остальные ответы не превысили отметки в 3,2 %.

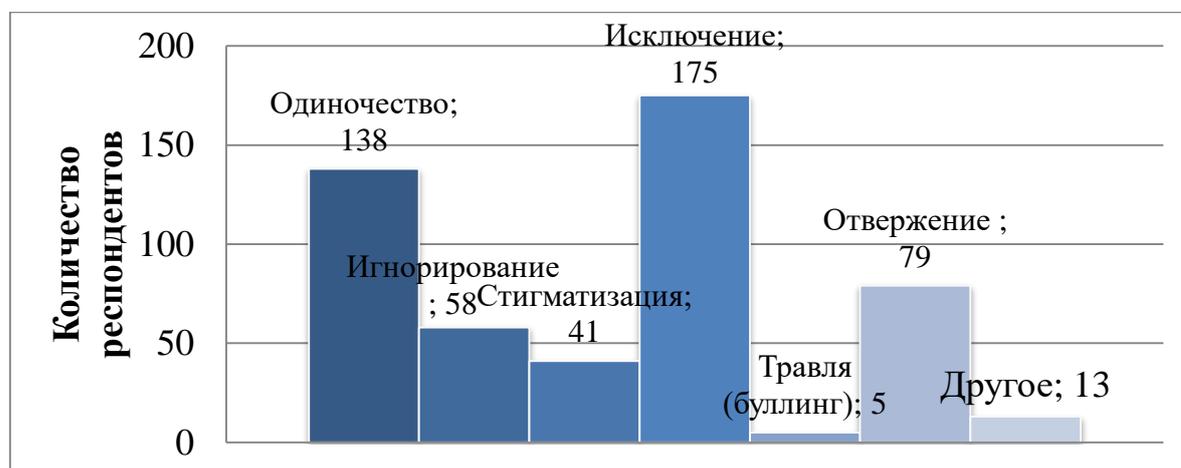

Рисунок 2. Ситуация «Исключение»

Оценивая виньетку «Ситуация «Отвержение» (рис. 3), подавляющее большинство респондентов правильно оценило данную ситуацию в 73,5 % (230 из 313) случаев. Второй по величине показатель оценки – 42 % (129 из 313) получил подконструкт социального остракизма «исключение». Остальные ответы не превысили отметки в 16 %.

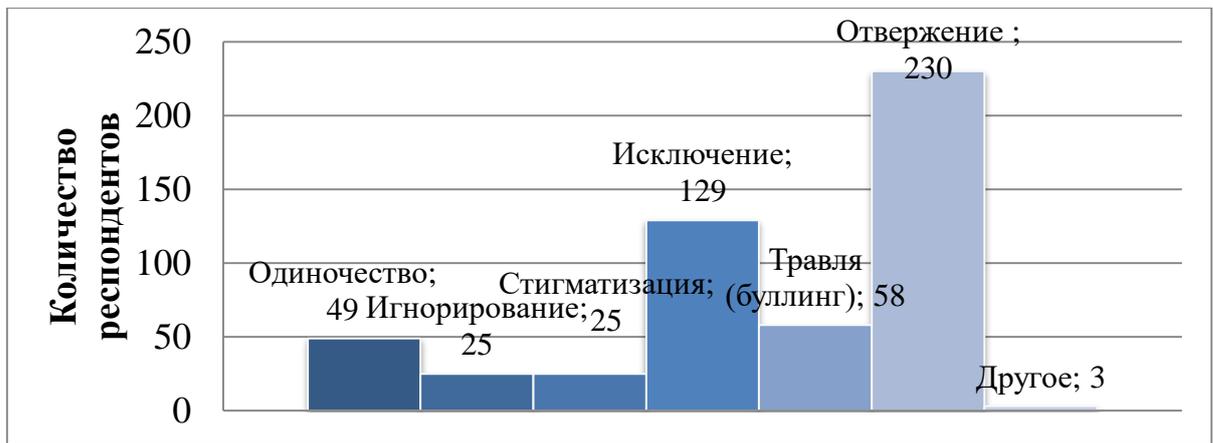

Рисунок 3. Ситуация «Отвержение»

Феномен буллинга (травли) был безошибочно идентифицирован респондентами в виньетке «Ситуация «Травля (буллинг)» (рис. 4) в 90,4 % (283 из 313) ответов. Наиболее близкие к пониманию данной виньетки оценки: «стигматизация» – 21,4 % (67 из 313) и «отвержение» – 19,8 % (62 из 313). Остальные показатели оценок находятся ниже границы в 9,9 %.

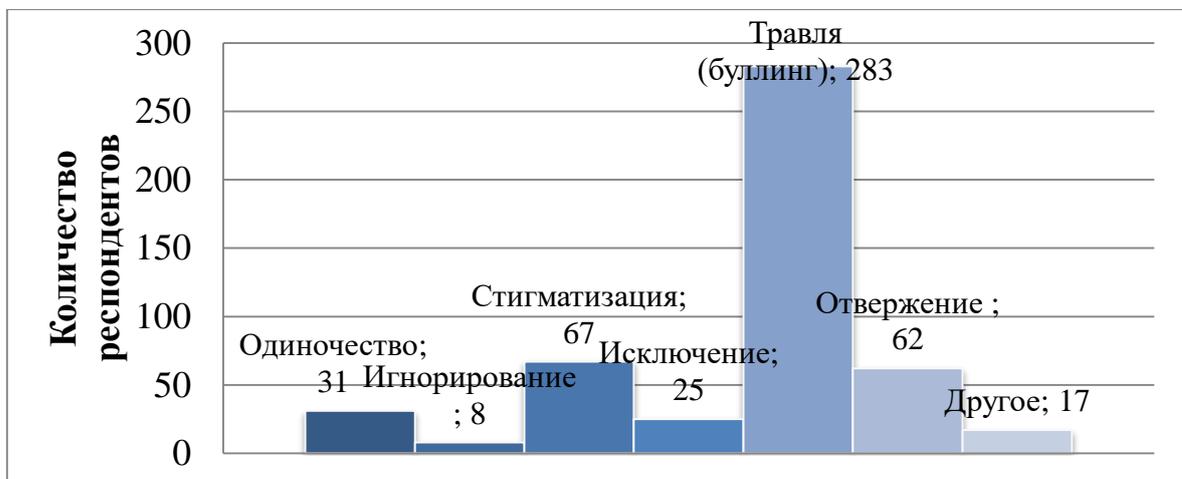

Рисунок 4. Ситуация «Травля (буллинг)»

Виньетка «Ситуация «Одиночество» (рис. 5) правильно оценена респондентами в 80,8 % (253 из 313) случаев. Обращает на себя внимание тот факт, что только при рассмотрении данной виньетки (в одном случае из шести) респонденты проявили наибольшую активность, заполняя графу «Другое», – 17,5 % (55 из 313).

Рисунок 5. Ситуация «Одиночество»

Среди ответов данной категории были названы следующие оценки: «гармония и комфорт», «спокойствие», «уединение», «наслаждение уединением», «счастье», «интроверсия», «человек любит быть один», «девушка наслаждалась своей компанией», «уединение с собой», «скорее всего А. уставала от шума», «душевное равновесие», «социфобия, любовь к спокойствию», «принятие ситуации», «просто характер», «блаженство», «отдых от социума», «приятное одиночество», «уединение, любовь к нахождению в одиночестве», «умиротворение». Остальные ответы не превысили 7 % отметки.

В 61,3 % (192 из 313) ответов респондентов «Ситуация «Навешивание ярлыка, клейма (стигматизация)» (рис. 6) была оценена верно. Наиболее близкая к максимальным показателям оценка – оценка ситуации в качестве «отвержения» – 26,8 % (84 из 313). Остальные ответы не превысили 13,7 % отметки.

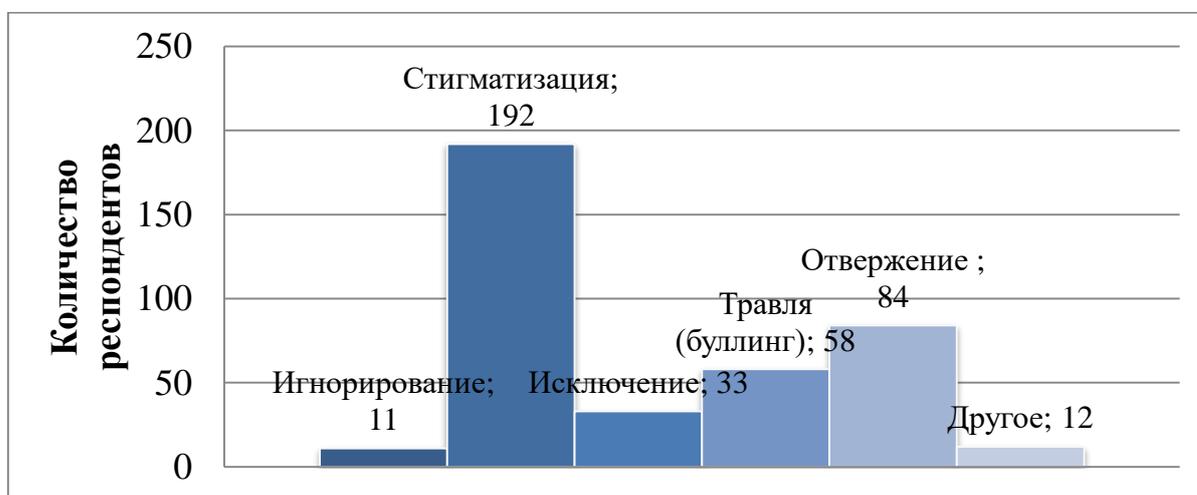

Рисунок 6. Ситуация «Навешивание ярлыка, клейма (стигматизация)»

Обсуждение

Согласно полученным результатам, в 100 % случаев максимальные значения в ответах респондентов соответствуют тому конструкту, который изначально был заложен в виньетку. Количество таких ответов по каждой виньетке в рамках рассматриваемого феномена социального остракизма превышает значение в 55,9 %: «Ситуации «Игнорирование» – 89,5 % (280 ответов из 313 возможных); «Ситуация «Исключение» – 55,9 % (175 из 313); «Ситуация «Отвержение» – 73,5 % (230 из 313).

Как видно из представленных выше результатов обработки опроса «Как вы это понимаете?» и с учетом условий множественного выбора ответов, несовершеннолетние соотносят анализируемые психологические феномены (или их подконструкты) не в качестве унитарных явлений, а, скорее, в качестве понятий, имеющих основное понятийное ядро и периферию.

Так, ситуация игнорирования характеризовалась довольно сильной периферией: 44,1 % (138 из 313) респондентов связали явление исключения с одиночеством. Что интересно, ближайшие «периферийные» понятия к другим подконструктам социального остракизма тоже являются подконструктами данного психологического феномена: для «Ситуации «Игнорирование» ближайшим стал конструкт «отвержение» – 26,8 % (84 из 313), а для «Ситуации «Отвержение» – подконструкт «исключение» 42 % (129 из 313).

Выводы

Приведенные данные анализа обработки опроса «Как вы это понимаете?» позволяют сделать вывод о том, что несовершеннолетние с высокой долей вероятности (от 55,9 до 89,5 %) в состоянии правильно идентифицировать признаки проявления феномена социального остракизма. При этом дети и подростки воспринимают подконструкты социального остракизма (игнорирование, исключение, отвержение) как сложносоставные конструкты, включающие «по периферии» незначительные проявления других подконструктов социального остракизма и родственных феноменов.

3.3.2. Анализ гендерных и возрастных различий в группах «остракированные» и «не остракированные»

При проверке данных диагностических методик на нормальность распределения по критерию Колмогорова – Смирнова значительная часть шкал нормальными не являлись. Вследствие этого нами были выбраны непараметрические критерии исследования.

Для определения возможных гендерных различий в группах остракированных (Профили 1.1, 1.2) и не остракированных (Профили 2.1, 2.2) респондентов сравним данные группы по полу с помощью критерия Хи-квадрат. Рассмотрим полученные результаты (табл. 2).

Таблица 2. Комбинационная таблица. Группы «остракированные» и «не остракированные», распределение по полу участников

Показатели			Пол участника		Всего
			мужской	женский	
Группы остракированные; не остракированные	Остракированные	Количество	63	70	133
		%	47,4%	52,6%	100,0%
Группы не остракированные	Не остракированные	Количество	60	78	138
		%	43,5%	56,5%	100,0%
Всего		Количество	123	148	271
		%	45,4%	54,6%	100,0%

Как видно из таблицы 2.1, значение асимптотической значимости по критерию Хи-квадрат в группах сравнения остракированных (Профили 1.1, 1.2) и не остракированных (Профили 2.1, 2.2) выше конвенционального уровня 0,05, что свидетельствует об отсутствии значимых различий в гендерном составе участников групп остракированных и не остракированных подростков. В пользу этого говорит сходное соотношение количества мальчиков и девочек в каждой из групп – примерно 45:55. Из представленных данных мы делаем вывод об универсальном с позиции гендерной принадлежности характере феномена

социального остракизма: остракизм в равной степени распространен среди несовершеннолетних как женского, так и мужского пола.

Таблица 2.1. Критерии Хи-квадрат ^{a,b}. Группы «остракированные» и «не остракированные», распределение по полу участников

Показатели	Значение	Ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	Точная знч. (2-сторонняя)	Точная значимость (1-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	,280 ^a	1	,597		
Поправка на непрерывность ^b	,166	1	,683		
Отношения правдоподобия	,280	1	,597		
Точный критерий Фишера				,628	,342
Линейно-линейная связь	,279	1	,597		
Количество допустимых наблюдений	271				

а. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 60,82.

б. Вычисляется только для таблицы 2x2

Для более полной характеристики выборочной совокупности сравним степень субъективного остракизма участников исследования по субшкалам методики ШСО-П в зависимости от возраста. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Как показано в таблице 3.1, значение асимптотической значимости по субшкале «игнорирование» выше 0,05, что свидетельствует об отсутствии значимых различий в субъективном восприятии несовершеннолетними разных возрастов (от 12 до 17 лет) такого понятия, как «игнорирование». По субшкале «исключение» значение асимптотической значимости ниже конвенционального уровня 0,05, что является доказательством наличия значимых различий в степени субъективной оценки исключения в разных возрастах.

Таблица 3. Результаты ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «возраст»

Субшкала	Возраст	N	Средний ранг
Игнорирование	12,00	25	157,66
	13,00	24	125,21
	14,00	25	131,44
	15,00	46	156,54
	16,00	62	134,68
	17,00	89	124,41
	Всего	271	
Исключение	12,00	25	146,28
	13,00	24	166,58
	14,00	25	147,14
	15,00	46	139,93
	16,00	62	151,50
	17,00	89	108,90
	Всего	271	

Таблица 3.1. Статистические критерии ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «возраст»

Показатели	Игнорирование, балл	Исключение, балл
Хи-квадрат	7,670	17,844
ст. св.	5	5
Асимптотическая значимость	,175	,003

Данный результат распределения субъективной остракизации несовершеннолетними мы находим в высшей степени интересным, поскольку еще на этапе обработки данной методики мы обратили внимание на тот факт, что даже в случае явной остракизации ребенка (высокие показатели по шкале результат сравнения «исключение» в методике ШСО-П, значительное нарушение потребностей по ШНП-О, отвержение сверстниками/двойное сиротство по биографической анкете и выбор слов-маркеров остракизма по методике ЦТО) субшкала «игнорирование» очень часто находилась в пределах самых низких значений (5–7 баллов против максимального показателя в 25 баллов).

В отношении полученного результата у нас сложилось два предположения, объясняющие данную закономерность. Во-первых, по своему характеру проявления подконструкт социального ostracизма «игнорирование» имеет общие черты с подконструктом «отвержение» в части, касающейся непосредственного межличностного взаимодействия (лицом-к-лицу) и демонстративности. Подконструкт «исключение», наоборот, – это своего рода отложенное во времени и пространстве взаимодействие.

В связи с этим можно предположить, что несовершеннолетние предпочитают менее конфликтную форму социального ostracизма – исключение, которая позволяет им избежать прямой конфронтации, как, например, при игнорировании в непосредственной межличностной коммуникации. Это предположение можно резюмировать так: в непосредственном общении дети и подростки стараются следовать общепринятым нормам общения, но при отсутствии прямого контакта считают возможным этого и не делать.

Во-вторых, мы предполагаем, что, возможно, данная тенденция – это новый тренд времени, новый ракурс коммуникации в детско-подростковой среде, когда личное общение ограничивается рамками, например, учебного заведения, но не распространяется на общение вне его стен. В этом случае наше предположение согласуется с данными исследований ряда теорий поколенческих когорт, рассмотренными нами ранее в главе 1.

Наиболее высокие средние ранги, свидетельствующие о наибольшей степени субъективной оценки по субшкале «исключение», отмечаются в группах 13-летних и 16-летних. Как видно из таблицы 3, самый низкий средний ранг по шкале «исключение» приходится на возрастную группу 17-летних.

Мы полагаем, что в рамках исследования данный результат опосредован характеристикой распределения участников по возрастам в профилях сравнения. В этом случае подавляющее большинство участников 17 лет вошли в Профиль 2.1 (56 чел., в других профилях – по 13, 12, 19 человек), характеризующийся отсутствием воздействия длительного ostracизма.

3.3.3. Связь кластера потребностей во власти и провокации (потребности в контроле и осмысленном существовании) и антисоциального поведения

В рамках исследования гипотезы о связи антисоциального поведения и социального остракизма среди несовершеннолетних сначала проанализируем результаты обработки методики ШСО-П с целью констатации или опровержения правильности деления по группам профилей (остракированные/не остракированные). Сравним степень нарушения потребностей (шкала ШНП-О) и шкалы методики ШСО-П (игнорирование и исключение) с помощью критерия Краскела – Уоллиса. Рассмотрим полученные результаты.

Таблица 4. Результаты ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

	Профиль	N	Средний ранг
Игнорирование, балл	1.1	60	165,83
	1.2	73	168,87
	2.1	82	104,70
	2.2	56	107,03
	Всего	271	
Исключение, балл	1.1	60	185,11
	1.2	73	193,91
	2.1	82	89,33
	2.2	56	76,23
	Всего	271	

Таблица 4.1. Статистические критерии ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Показатели	Игнорирование, балл	Исключение, балл
Хи-квадрат	42,797	125,592
ст.св.	3	3
Асимптотическая значимость	,000	,000

Согласно таблице 4.1 асимптотическая значимость критерия Краскела – Уоллиса ниже конвенционального уровня 0,05, то есть можно утверждать о

наличие значимых различий в степени субъективного восприятия игнорирования и исключения. При этом более высокие средние ранги в группах остракированных по данным показателям свидетельствуют о более выраженных показателях данных шкал у групп остракированных респондентов. В таком случае мы можем утверждать, что Профили 1.1 и 1.2 обладают высокой степенью остракизации и значимо отличаются от Профилей 2.1 и 2.2, в которых субъективная оценка игнорирования и исключения тоже присутствует, но на низком уровне.

Далее для изучения гипотезы исследования о связи остракизма и антисоциального поведения ознакомимся с результатами обработки методики ШНП-О (табл. 5). Прежде всего рассмотрим результаты всех субшкал ШНП-О (в принадлежности, самоуважении, осмысленном существовании, контроле). Ввиду того, что мы сравниваем более трех подгрупп, а точнее, все четыре Профиля испытуемых, в данном случае применяем критерий Краскела – Уоллиса.

Таблица 5. Результаты ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Субшкала	Профиль	N	Средний ранг
Принадлежность	1.1	60	89,78
	1.2	73	103,39
	2.1	82	176,07
	2.2	56	169,36
	Всего	271	
Самоуважение	1.1	60	81,53
	1.2	73	83,16
	2.1	82	197,42
	2.2	56	173,29
	Всего	271	
осмысленное существование	1.1	60	123,03
	1.2	73	69,93
	2.1	82	175,01
	2.2	56	178,90
	Всего	271	
Контроль	1.1	60	122,63
	1.2	73	68,45
	2.1	82	185,43
	2.2	56	166,00
	Всего	271	

Таблица 5.1. Статистические критерии ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Показатели	Принадлежность	Самоуважение	Осмысленное существование	Контроль
Хи-квадрат	66,570	127,591	92,186	98,673
ст.св.	3	3	3	3
Асимптотическая значимость	,000	,000	,000	,000

Данные, приведенные в таблице 5.1, демонстрируют асимптотическую значимость по субшкалам ШНП-О ниже конвенционального уровня 0,05. Полученный результат говорит о наличии значимых различий в степени нарушения потребностей в принадлежности, самоуважении, осмысленном существовании, контроле (субшкалы) в зависимости от Профиля.

Средние ранги по данным субшкалам у не остракированных подростков (Профили 2.1, 2.2) выше, чем у остракированных (Профили 1.1, 1.2), что свидетельствует о менее нарушенных потребностях. При этом среди остракированных подростков более низкий средний ранг по шкале «самоуважение» у Профиля 1.1, по сравнению с Профилем 1.2, что указывает на более выраженные нарушения данной потребности. По остальным субшкалам (принадлежность, контроль, осмысленное существование) прослеживается обратная тенденция.

Далее более детально рассмотрим потребности испытуемых в подгруппе «остракированные» (Профили 1.1 и 1.2).

При сравнении степени нарушения данных потребностей у остракированных несовершеннолетних по критерию Манна – Уитни (табл. 6) видно, что по субшкалам, входящим в инклюзивный кластер потребностей (принадлежность, самоуважение), значимые различия в степени нарушения данных потребностей отсутствуют, а по шкалам, входящим в кластер потребностей власти и провокации (контроль, осмысленное существование), имеются значимые различия.

Таблица 6. Результаты субшкал ШНП-О по критерию Манна – Уитни по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2»

Субшкала	Профиль	N	Средний ранг	Сумма рангов
принадлежность	1.1	60	61,87	3712,00
	1.2	73	71,22	5199,00
	Всего	133		
самоуважение	1.1	60	64,48	3868,50
	1.2	73	69,08	5042,50
	Всего	133		
осмысленное существование	1.1	60	85,03	5101,50
	1.2	73	52,18	3809,50
	Всего	133		
Контроль	1.1	60	85,52	5131,00
	1.2	73	51,78	3780,00
	Всего	133		

На основании средних рангов мы делаем вывод о том, что более выражены нарушения потребностей кластера во власти и провокации – у Профиля 1.2.

Таблица 6.1. Статистические критерии субшкал ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2»

Показатели	Принадлежность	Самоуважение	Осмысленное существование	Контроль
U Манна – Уитни	1882,000	2038,500	1108,500	1079,000
W Вилкоксона	3712,000	3868,500	3809,500	3780,000
Z	-1,419	-,702	-4,953	-5,113
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,156	,483	,000	,000

Ввиду того, что, согласно гипотезе данного исследования, нарушенные в ситуации долгосрочного остракизма потребности анализируются нами в виде двух кластеров, представим обработку результатов с данной точки зрения.

Таблица 7. Результаты кластеров потребностей ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

	Профиль	N	Средний ранг
Кластер инклюзивный	1.1	60	77,86
	1.2	73	87,49
	2.1	82	194,73
	2.2	56	175,54
	Всего	271	
Кластер власти и провокации	1.1	60	120,52
	1.2	73	63,03
	2.1	82	186,21
	2.2	56	174,20
	Всего	271	

Согласно К. Д. Вильямсу, данные потребности образуют парные кластеры: потребности в принадлежности и самоуважении – инклюзивный кластер потребностей, а потребности в контроле и осмысленном существовании – кластер потребностей власти и провокации (табл. 7).

Таблица 7.1. Статистические критерии кластеров ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Показатели	Кластер инклюзивный	Кластер власти и провокации
Хи-квадрат	122,177	113,356
ст.св.	3	3
Асимптотическая значимость	,000	,000

Значение асимптотической значимости по исследуемым кластерам потребностей (табл. 7.1) ниже конвенционального уровня значимости 0,05, что свидетельствует о наличии значимых различий между группами, у остракированных подростков степень нарушения потребностей по данным кластерам выше, чем у не остракированных.

При сравнении степени нарушения потребностей данных кластеров у остракированных подростков Профилей 1.1 и 1.2 по критерию Манна – Уитни выявлено, что по инклюзивному кластеру значимых различий в степени нарушения потребностей между ними не наблюдается, а по кластеру потребности

власти и провокации значимые различия, наоборот, присутствуют. Более выражено нарушение потребностей у Профиля 2.1 (на основе более низкого среднего ранга). Опираясь на эти результаты, перейдем к сравнению только в Профилях 1.1 и 1.2 по кластерам потребностей (ШНП-О).

Результаты, представленные в таблицах 8, 8.1, демонстрируют наличие статистически значимой разницы по кластерам потребностей у остракированных несовершеннолетних с просоциальным поведением (Профиль 1.1) и антисоциальным поведением (Профиль 1.2).

На основе показателей более низкого среднего ранга мы делаем вывод о значительном нарушении кластера потребностей власти провокации именно в группе остракированных с антисоциальным поведением (Профиль 1.2). У детей, имеющих опыт долгосрочного остракизма, но с просоциальным поведением, сильнее нарушен кластер инклюзивных потребностей.

Таблица 8. Статистические критерии кластеров потребностей ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2»

	Профиль	N	Средний ранг	Сумма рангов
Кластер инклюзивный	1.1	60	61,45	3687,00
	1.2	73	71,56	5224,00
	Всего	133		
Кластер власти и провокации	1.1	60	88,13	5287,50
	1.2	73	49,64	3623,50
	Всего	133		

Таблица 8.1. Статистические критерии^a кластеров ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2»

Показатели	Кластер инклюзивный	Кластер власти и провокации
U Манна – Уитни	1857,000	922,500
W Вилкоксона	3687,000	3623,500
Z	-1,519	-5,765
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,129	,000

Данные результаты позволяют нам сделать вывод о *верности выдвинутой нами гипотезы*: у несовершеннолетних с антисоциальным поведением, имеющих опыт длительного социального ostracism (Профиль 1.2), кластер потребностей во власти и провокации нарушен сильнее, чем кластер инклюзивных потребностей.

3.3.4. Анализ корреляционных связей по Спирмену (ШСО-П, ШНП-О, ИТО/ИТДО, СПА, ОСС) для Профилей 1.1, 1.2, 2.1, 2.2

С целью изучения сопряженности субшкал, использованных в исследовании методик (40 субшкал по 5 методикам) нами применен метод корреляции по Спирмену. Подавляющее большинство результатов корреляционного анализа представлены в форме корреляционных плеяд.

Не отвергая научной полемики о наличии или отсутствии причинно-следственных связей в корреляционных исследованиях, мы соглашаемся с мнением Д. Кемпбелла, который считает, что «корреляция не обязательно указывает на наличие причинной связи, но каузальный закон, поскольку он связан с различием между средними значениями, предполагает наличие корреляции»¹.

Целью применения метода корреляционных плеяд с использованием метода ранговой корреляции Спирмена является выделение особенностей Профиля 1.2 (ostracized с антисоциальным поведением), а также наличия (или отсутствия) значительных различий от Профиля 2.2 (не ostracized с антисоциальным поведением).

Таким образом, мы устанавливаем влияние фактора социального ostracism на формирование антисоциального поведения у несовершеннолетних. Для более полного анализа наличия или отсутствия корреляционных связей по субшкалам методик исследования в Профилях 1.2 и 2.2 мы сочли логически целесообразным исследовать вначале подгруппы «ostracized

¹ Кемпбелл Д. Указ. соч. С. 173.

несовершеннолетние» (Профили 1.1. и 1.2) и «не остракированные несовершеннолетние» (Профили 2.1 и 2.2). После этого мы сравним корреляционные плеяды Профилей 1.2 и Профиля 2.2, а в заключение – корреляционные связи по субшкалам методик ИТО, ИТДО для данных профилей.

При построении матрицы корреляционных связей параметров, примененных в исследовании методик по Спирмену в разных Профилях и их сочетаниях, нами было получено большое количество слабых ($p \leq 0,05$) и сильных ($p \leq 0,01$) корреляционных связей. Поэтому для получения значимого результата при оценке корреляционных связей в данном исследовании нами задаются различные пороговые значения коэффициента корреляции t .

Исследование корреляционных связей по Спирмену в подгруппе «Остракированные» (Профили 1.1, 1.2) и «Не остракированные» (Профили 2.1, 2.2)

«Остракированные» (Профили 1.1, 1.2)

При анализе результатов подгрупп «остракированные несовершеннолетние» (Профили 1.1. и 1.2) и «не остракированные несовершеннолетние» (Профили 2.1 и 2.2) нами задана величина $t=0,7$. В этом случае в корреляционные плеяды включены только самые высокие показатели корреляционных связей ($p \leq 0,01$). Рассмотрим результаты.

В подгруппе «остракированные несовершеннолетние» (Профили 1.1. и 1.2) нами зафиксированы две сильные корреляционные связи. Ядром представленной на рисунке 7 плеяды является субшкала «Агрессивное поведение. СДП», имеющая прямую сильную ($p \leq 0,01$) корреляционную связь с субшкалами той же методики, а именно «Самоповреждающее поведение. СДП» (0, 715) и «Делинквентное поведение. СДП» (0, 793).

На наш взгляд, исследование корреляционных связей в группе «остракированные несовершеннолетние» представило интересный результат, а именно: наличие всего двух сильных корреляций (по сравнению с результатами по подгруппе «не остракированные», которые будут описаны ниже).

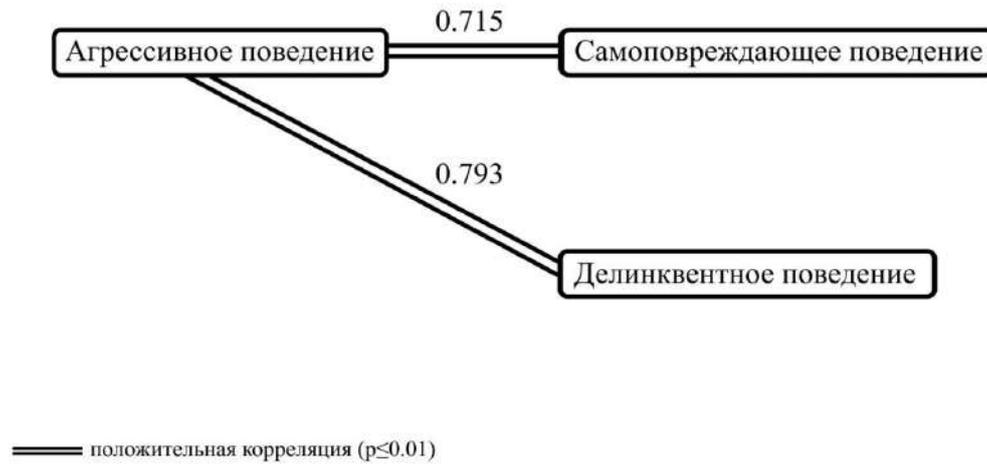

Рисунок 7. Корреляционная плеяда Профилей 1.1 и 1.2 (остракированные) при пороге $t=0,7$

Мы можем предположить, что связь склонности к агрессивному и самоповреждающему поведению может быть опосредована *особенным* сценарием восстановления потребности в контроле, которая нарушена в группе остракированных несовершеннолетних сильнее, чем в группе не остракированных (табл. 5). Как показывает практика, люди с антисоциальным поведением часто используют аутодеструкцию в качестве протестной деятельности как способ восстановления контроля над ситуацией: находясь в одиночном заключении, осужденные наносят себе порезы, подростки с разными видами антисоциального поведения подвергают себя шрамированию, объявляют голодовку, показательно режут вены и др.

С учетом полученных результатов (рис. 7) мы с большой долей вероятности можем прогнозировать у остракированных несовершеннолетних при повышении у них уровня агрессии (или эскалации насильственных преступлений до противоправных поступков) рост склонности к аутодеструкции. Таким образом, можно предположить, что у остракируемых с антисоциальным поведением подобная связь может выступать в качестве механизма экстремистских эксцессов (например, расширенный суицид или планирование нападения, террористического акта с последующим суицидом). В отличие от подгруппы «не остракируемые», даже у подростков с антисоциальным поведением такие связи не

обнаружены, из чего можно предположить, что в основе агрессивных эксцессов с самоповреждающим компонентом в среде несовершеннолетних из числа не остракируемых лежат другие механизмы.

На наш взгляд, несмотря на простоту и однозначность выявленных сильных корреляционных связей в подгруппе «остракированные», одновременно сильная прямая связь субшкалы «Агрессивное поведение. СДП» с субшкалами «Самоповреждающее поведение. СДП» (0, 715) и «Делинквентное поведение. СДП» (0, 793) дает нам понимание того, что ребенок, испытывающий на себе негативное воздействие длительного социального остракизма, в случае эскалации агрессивного и делинквентного поведения (антисоциального поведения) с высокой степенью вероятности может преодолеть барьер самосохранения и либо нанести вред только собственным жизни и здоровью, либо (как возможная крайняя мера) совершить суицид, совместив его с убийством других.

Данный сценарий развития ситуации можно рассмотреть с учетом подхода к эскалации конфликта (тут мы имеем в виду конфликт личности с социумом или, возможно, внутриличностный конфликт остракированного ребенка), предполагающего, что по мере нарастания конфликтной ситуации меняются стадии стратегий разрешения конфликта: от возможности его компромиссного урегулирования до стадии полного саморазрушения сторон, часто метафорично обозначаемой как «оба в пропасть». Основной вывод, который мы делаем из анализа корреляционной плеяды (рис. 7), состоит в том, что чем выше у остракированного несовершеннолетнего (как с антисоциальным, так и просоциальным поведением) уровень агрессии и склонности к делинквентному поведению, тем выше вероятность его самоповреждения, гибели. Иначе говоря, возможно, таков один из механизмов расширенного криминального суицида (поведения террориста-смертника, например).

В заключение анализа корреляционных связей в подгруппе остракированных подростков мы хотим обратить внимание на тот факт, что при интерпретации корреляционных плеяд оценивается не только наличие связи той или иной силы, но также и ее (связи) отсутствие. В данном конкретном случае мы не видим ни

сильных связей на уровне личностно-типологических черт, ни просоциальных копинговых механизмов, ни адаптационных стратегий. Иными словами, мы предполагаем, что при росте агрессии у остракированного несовершеннолетнего нет сильных личностных ресурсов для того, чтобы остановить эскалацию внутреннего деструктивного процесса. В результате можно сделать заключение о том, что в случае высокой степени остракизации и антисоциального поведения требуется включение третьих лиц, ибо без поддержки извне такой несовершеннолетний не в состоянии (нет внутренних сильных ресурсов) выйти из своего актуального состояния.

«Не остракированные» (Профили 2.1, 2.2)

Результаты корреляционного анализа подгруппы «не остракированные несовершеннолетние» (Профили 2.1 и 2.2), наоборот, содержали данные о множественных сильных корреляционных связях, которые представлены ниже на рисунке 8.

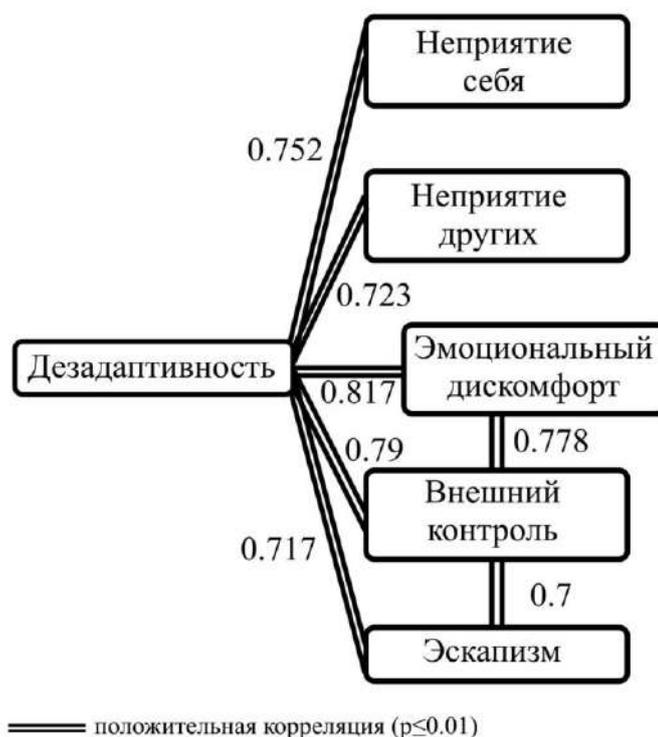

Рисунок 8. Корреляционные плеяды Профилей 2.1 и 2.2 (не остракированные) при пороге $t=0,7$

В отличие от подгруппы «остракированные», ядром корреляционных плеяд в подгруппе «не остракированные» является субшкала «Дезадаптивность. СПА». На наш взгляд, представленные на рисунке 8 корреляционные связи в полной

мере характеризуют данную возрастную группу (средний возраст Профилей 2.1 и 2.2. – 16,06 и 15,41 соответственно). Именно дезадаптационные, а не адаптационные процессы в системе межличностных отношений А.К. Осницкий выводит на приоритетное место, описывая период подростничества как период «переживаемых трудностей с наиболее важными изменениями и психологическими новоприобретениями этого возраста»¹. Самая высокая корреляционная связь зафиксирована нами с субшкалой «Эмоциональный дискомфорт. СПА» (0,817), что в полной мере характеризует данный возрастной период: на подростничество приходится становление саморегуляции, осложненное нестабильностью пубертатного периода. Логичными для данного возрастного периода, как мы уже описывали в главе 1, являются связь с потребностью в общении со сверстниками и развитие реакции подросткового группирования. В связи с этим положительная связь между *неприятием других* и *дезадаптационным* стилем взаимодействия (0,723) с социумом является, на наш взгляд, характерной для данного возраста в целом. Точно так же мы оцениваем наличие высоких корреляционных связей процесса *дезадаптации* с *неприятием себя* (неудовлетворенность подростка своей внешностью, стилем жизни и др.), *внешним локусом контроля* (тенденция обвинения внешних обстоятельств), *эскапизмом* – уходом от преодоления сложных/переломных моментов подростковой жизни (в том числе посредством изменения своего психического состояния через употребление психоактивных веществ).

Исследование корреляционных связей по Спирмену в Профиле 1.2 (остракированные с антисоциальным поведением)

Ввиду того, что данный Профиль испытуемых представляет для нас в рамках исследования особый интерес, мы решили изучить наличие корреляционных связей данного Профиля по ряду параметров: в блоке

¹ Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 51.

остракических шкал ШНП-О и ШСО-П, далее с учетом всех методик (но при пороге выше 0,5). Ввиду того, что при анализе результатов корреляционных связей по Спирмену прослеживается тенденция к отсутствию корреляционных связей субшкал ИТО/ИТДО, мы также выделим для анализа корреляционных связей субшкалы данных методик. Результаты представляем в форме корреляционных плеяд.

В представленной на рисунке 9 корреляционной плеяде нами зафиксировано 6 связей высокой степени ($p \leq 0,01$) и разной направленности. Визуальная схема расположения данных связей дает нам возможность оценить субшкалу «Самоуважение. ШНП-О» в качестве ядра наиболее крупной группы данной плеяды. Еще четыре параметра составляют периферию и имеют единичные связи: чем сильнее у остракированного несовершеннолетнего с антисоциальным поведением нарушена потребность в контроле, тем выше его неприятие себя ($-0,360^*$); чем сильнее исключается такой несовершеннолетний, тем ниже его принятие себя ($-0,361$).

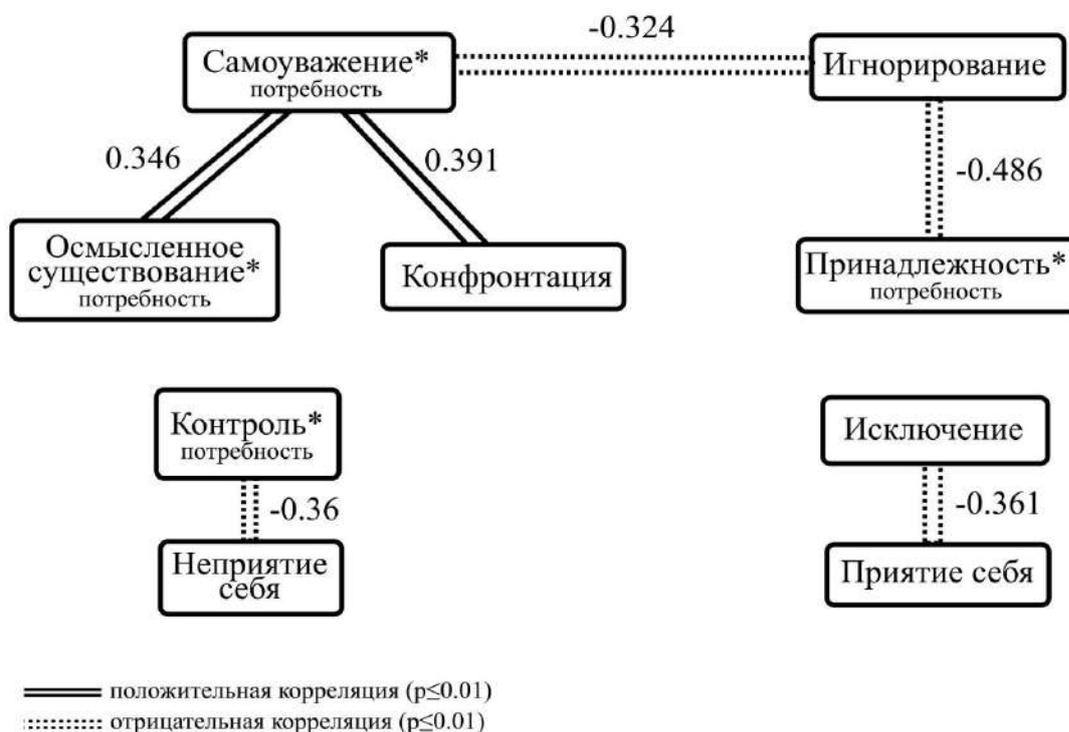

Рисунок 9. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по субшкалам ШНП-О, ШСО-П при пороге $t=0,3$

* – субшкалы ШНП-О (потребности) имеют обратную от остальных методик направленность при обработке (чем ниже показатель, тем сильнее нарушена потребность), поэтому при интерпретации связей данных субшкал полярность связи меняется на противоположную.

Рассмотрим обнаруженные корреляционные связи субшкал ШНП-О и ШСО-П в Профиле 1.2 (остракированные с антисоциальным поведением) основной группы плейд более подробно. На рисунке 9 мы видим, что нарушение инклюзивного кластера потребностей связано с таким подконструктом социального остракизма, как *игнорирование*: чем сильнее несовершеннолетний с антисоциальным поведением субъективно ощущает себя игнорируемым социумом, тем сильнее нарушаются у него потребности в принадлежности ($-0,486$) и самоуважении ($-0,324$). Нарушение потребности в самоуважении напрямую связано с нарушением потребности в осмысленном существовании ($0,346$). В результате мы можем говорить о значимой связи игнорирования, кластера инклюзивных потребностей и опосредованной связи игнорирования с нарушением потребности в осмысленном существовании. Однако наиболее интересная, на наш взгляд, для интерпретации корреляционная связь выявлена между субшкалой «Самоуважение. ШНП-О» и «Конфронтация. ОСС» ($0,391$): чем сильнее (в результате игнорирования) нарушается потребность в самоуважении, тем ниже уровень конфронтации.

Одним из значимых результатов приведенного выше корреляционного анализа является отсутствие значимых связей субшкал ШНП-О и ШСО-П с субшкалами методик ИТО, ИТДО. Данный результат позволяет сделать вывод о том, что восприятие несовершеннолетними себя в качестве игнорируемых или исключенных из социума, а также связанное с этим нарушение потребностей в самоуважении, принадлежности, осмысленном существовании и контроле не имеет значимой связи с их индивидуально-типологическими характеристиками.

Далее изучим корреляционные связи Профиля 1.2 с учетом субшкал всех использованных в данном исследовании методик (40 субшкал). Для выделения основных связей зададим пороговое значение коэффициента корреляции $t=0,5$. Результат представлен на рисунке 10.

Корреляционные плейды Профиля 1.2 (остракированные с антисоциальным поведением), представленные на рисунке 10, демонстрируют наличие сильных связей ($p \leq 0,01$) при пороге $t=0,5$. Имеющиеся связи распределены по трем

методикам (СДП, ОСС, СПА). Связей по методикам ШНП-О, ШСО, ИТО/ИТДО выше порогового значения $t=0,5$ не обнаружено.

Как и в общей подгруппе остракированных несовершеннолетних (рис. 7), в данных плеядах выделена сильная корреляционная связь по методике СДП, однако ввиду того, что в данной корреляционной плеяде нами снижен порог до $t=0,5$, на рисунке 7 для общей совокупности выборки остракированных мы связи субшкал «Агрессивное поведение. СДП» и «Зависимое поведение. СДП» не видим, хотя по факту она имеется (0,676) – просто лежит ниже порога $t=0,7$.

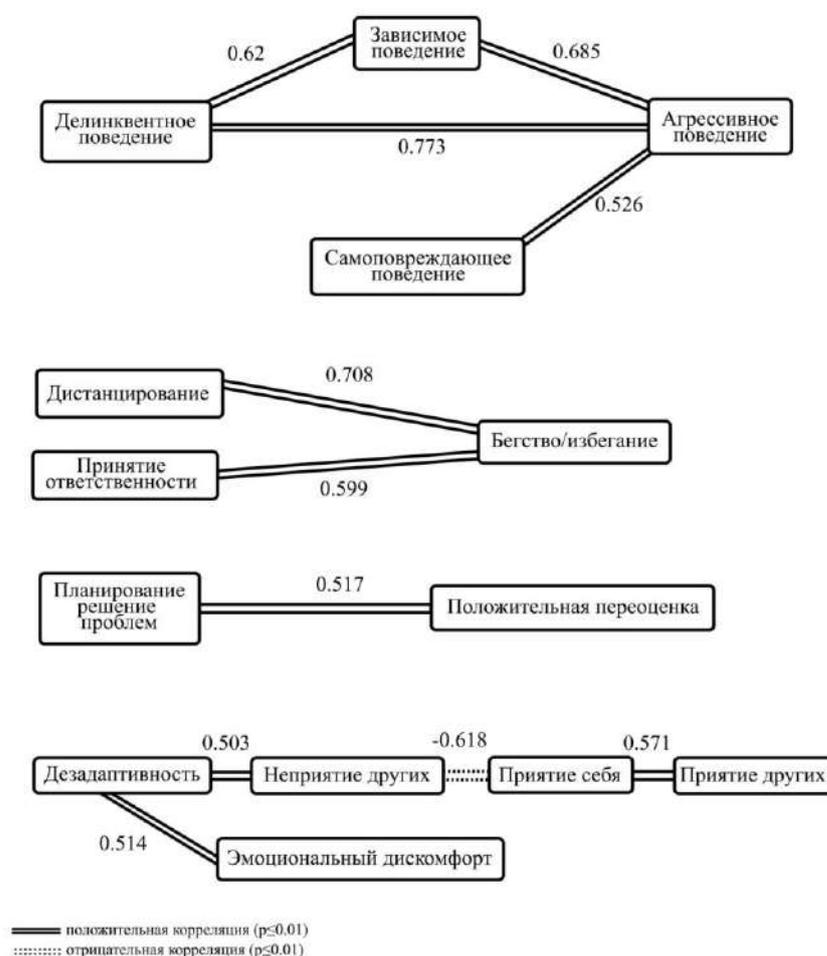

Рисунок 10. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по методикам ШНП-О, ШСО-П, СДП, ОСС, СПА, ИТО, ИТДО при пороге $t=0,5$

Все сделанные нами выводы по корреляционным связям, описанные к рисунку 7, справедливы и к части корреляционной плеяды (по методике СДП) и в Профиле 1.2.

В качестве способа взаимодействия с проблемной (стрессовой) или кризисной ситуацией остракированные несовершеннолетние развили в себе копинги избегающего типа. В данном отношении мы видим сильную связь дистанцирования и бегства/избегания (0,708). Копинговая стратегия бегство/избегание предполагает сценарий преодоления жизненных трудностей за счет уклонения (фантазирование, отрицание проблемы, переключение и т.п.).

При этом, как указывают авторы адаптации методики ОСС, «при отчетливом предпочтении стратегии избегания могут наблюдаться неконструктивные формы поведения в стрессовых ситуациях: отрицание либо полное игнорирование проблемы, *уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей*, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, употребление алкоголя и т. п., с целью снижения мучительного эмоционального напряжения»¹. Применительно к Профилю 1.2 нами обнаружена сильная корреляционная связь стратегии бегство/избегание с принятием ответственности (0,599). В результате мы приходим к выводу о том, что остракируемые подростки с антисоциальным поведением предпочитают уходить от решения проблем и уклоняются от ответственности. Данный вывод подтверждает следующая корреляционная связь между субшкалой «Принятие ответственности. ОСС» и «Положительной переоценкой. ОСС» (0,517): чем чаще несовершеннолетний (Профиль 1.2) пытается преодолеть проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, тем чаще он предпочитает справляться «с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста»². Однако, с учетом уже описанных нами связей между копинговыми стратегиями, дистанцирование, бегство/избегание и принятие ответственности, несовершеннолетние Профиля 1.2 уходят от ответственности, что позволяет сделать логический вывод о том, что такая

¹ Методика для психологической диагностики способа совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями : пособие для врачей и мед. психологов / под ред. Л.И. Вассермана. СПб.: С.-Петербург. психоневрол. ин-т имени В.М. Бехтерева, 2009. С. 11.

² Там же. С. 14.

стратегия, как планирование решения проблемы, не используется либо используется редко. В связи с этим выявленную корреляционную связь можно интерпретировать в инверсированном формате: чем реже несовершеннолетний планирует решение проблемной ситуации, тем реже он подвергает ее положительной переоценке.

В соответствии с выстроенной корреляционной плеядой на рисунке 10 мы также видим, что дезадаптационные процессы несовершеннолетних, входящих в Профиль 1.2, линейно и значимо ($p \leq 0.01$) связаны со снижением потребности таких подростков в общении, взаимодействии с социумом и степенью неудовлетворенности своими личными чертами: чем сильнее дезадаптация, тем сильнее неприятие других (0,503), которое далее коррелирует со снижением притяжения себя (-0,618). Далее, подобно замкнутому кругу, неудовлетворенность собой (неприятие себя) напрямую связана с неприятием других (0,571). Чем сильнее у остракированного подростка с антисоциальным поведением реализуется сценарий дезадаптационного взаимодействия с социумом, тем более сильную неопределенность, эмоциональный дискомфорт он испытывает (0,514).

В процессе обработки бланков ответов испытуемых по методике «Индивидуально-типологический детский опросник» (ИТДО) Л.Н. Собчик, 1996 / «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик, 1996, нами было принято решение не исключать из числа выборки тех участников, показатели которых по шкале «аггравация» превышают допустимое значение. Решение опосредовано особенностями социальной ситуации развития, в которой проходит (или проходила до недавнего времени) жизнь детей, находящихся в Центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей (58,3 % выборки исследования). Анализ биографических анкет участников исследования свидетельствует о том, что положительные ответы на следующие вопросы опросника (шкала «аггравация») «У меня трагичная судьба», «Я самый несчастный человек на свете», «Мне ужасно не везет в жизни» в данном конкретном случае не являются примером аггравации, а вполне могут соответствовать действительности. Приводим выдержки из биографических анкет

детей, свидетельствующие об объективной, а не преувеличенной оценке ими своей социальной ситуации развития:

Мальчик, 14 лет, в Центре находится 2 года 2 месяца: *«После смерти родителей подросток вместе со своей кровной сестрой воспитывался у родной бабушки (по линии матери). Оба родителя совершили суицид в квартире, там же в это время находился ребенок, вернувшийся из школы. Суицид совершили с разницей в несколько месяцев. Бабушка откровенно не любила внука, так как он был сыном «неправильного» мужчины. Она говорила, что он грешный, что на нем лежит вина родителей».*

Мальчик, 14 лет, в Центре 8 лет 2 месяца:

«Мать трагически погибла, когда мальчику было 3 года, при этом она вела асоциальный образ жизни. Дети (наш ребенок и его брат) остались с отцом и бабушкой со стороны отца. Отец и бабушка были жестокими людьми. В качестве наказания выгоняли детей на мороз либо заставляли стоять с подушкой на вытянутых руках. Дети плохо питались, болели чесоткой, жили в зловонном запахе, не посещали дошкольное образовательное учреждение. Так жили довольно долго, так как отец был лишен родительских прав в 2012 г. Бабушка детей била и запирала в сарае. Мальчики ели корм для свиней».

Далее обратимся к данным, полученным в результате корреляционного анализа по Спирмену в отношении наличия связей субшкал методик ИТО и ИТДО с иными параметрами анализа. Прежде всего, стоит отметить, что обнаруженные корреляции не превышают пороговое значение коэффициента корреляции $t=0,3$ и потому не были отражены на рисунке 10. Все связи обнаружены только в рамках данных методик (ИТО, ИТДО) и не имеют корреляций с субшкалами других методик.

Наличие корреляционной связи между интроверсией и сензитивностью на уровне $p \leq 0,01$ говорит нам о таком стиле взаимодействия остракированных несовершеннолетних, имеющих опыт антисоциального поведения, как зависимость (рис. 11). Как мы писали ранее в главе 1, остракированные часто более сильно подвержены влиянию, более внушаемы. Полученные результаты

корреляций подтверждают данные выводы и для остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением.

Значимая связь обнаружена также между спонтанностью и агрессивностью. Связь этих ведущих тенденций формирует такое дериватное свойство, как неконформность. По определению автора методики ИТО/ИТДО Л.Н. Собчик, неконформность – «это тенденция к отвержению общепринятых канонов и устаревших догм, спутница радикализма и прогресса, которая при низком уровне развития или при патологии ведет к антисоциальным формам поведения»¹.

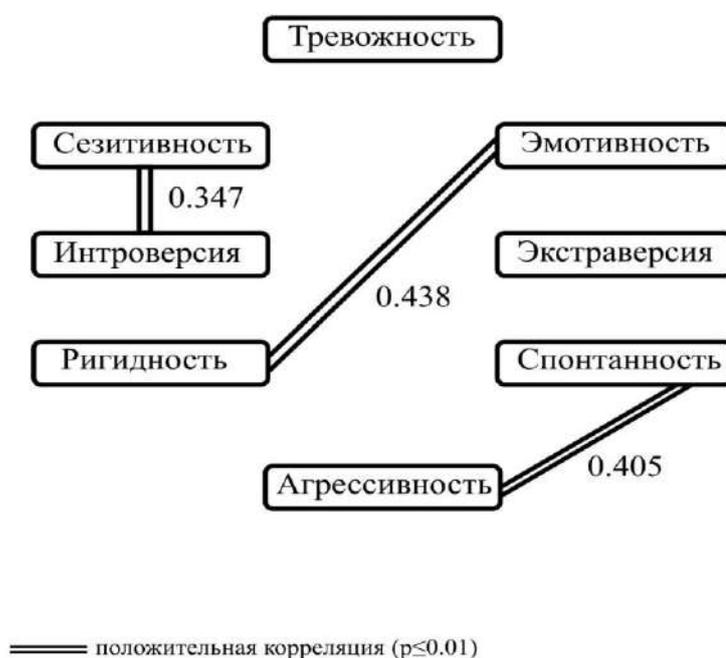

Рисунок 11. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по методикам ИТО, ИТДО при пороге $t=0,3$

Примечание: субшкалы методики изображены в соответствии с их расположением на психограмме ИТО/ИТДО (Л.Н. Собчик).

Первоначально наличие корреляционной связи между такими противопоставляемыми друг другу типологическими свойствами, как ригидность и эмотивность на уровне ($p \leq 0,01$), мы расценили как характеристику противоречивости и неустойчивости остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением. Однако дальнейший анализ корреляционных связей

¹ Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005. 624 с.

субшкал методик ИТО, ИТДО в группе сравнения Профиль 2.2 подтвердил наше предположение, но с обоснованием влияния фактора гендера (об этом ниже, см. рис. 14).

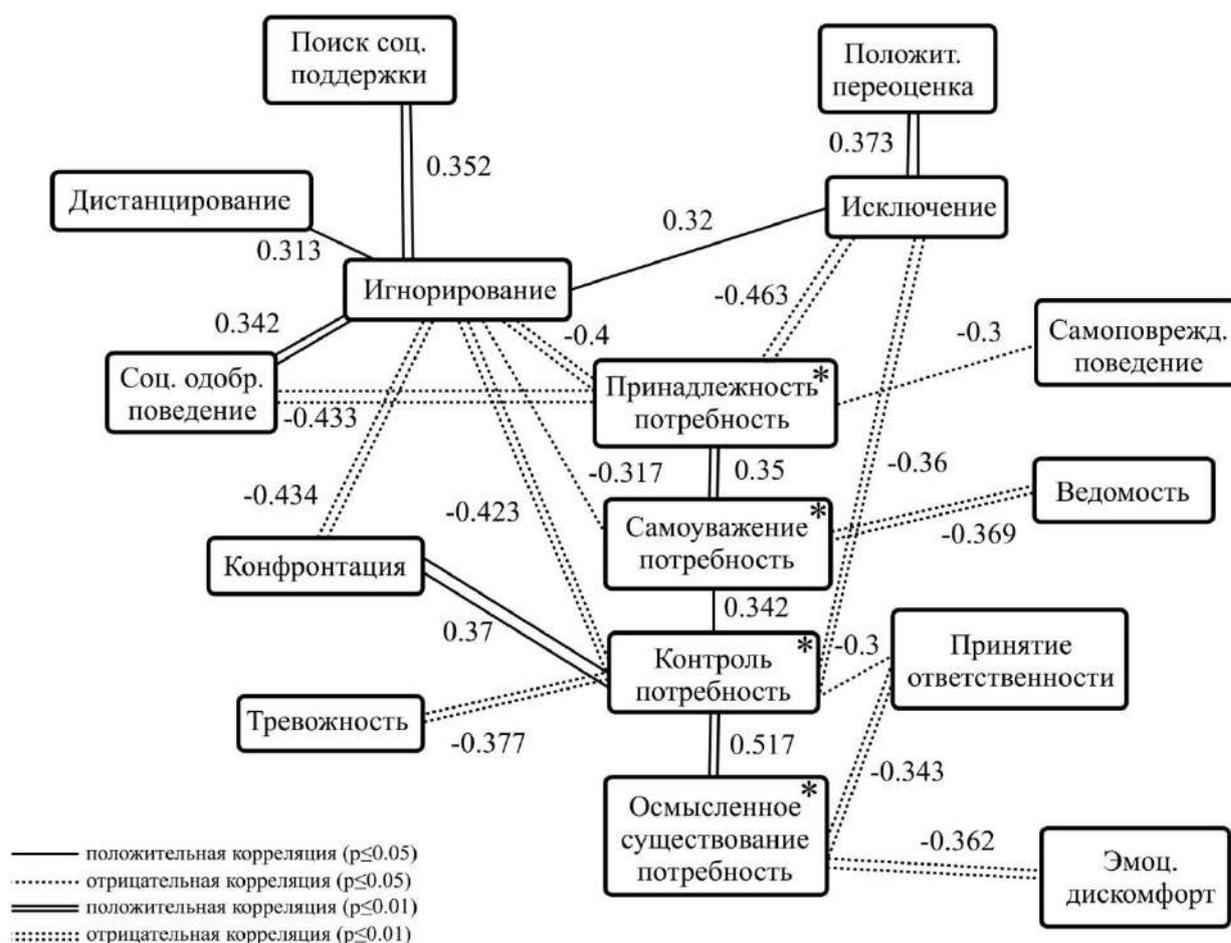
Исследование корреляционных связей по Спирмену в Профиле 2.2 (не остракированные с антисоциальным поведением)

В качестве группы сравнения с Профилем 1.2 исследуем Профиль 2.2. В данном случае цель анализа – сравнение корреляционных данных Профилей 1.2 и 2.2, что позволит выделить отличительные особенности для несовершеннолетних с антисоциальным поведением в **случае наличия или отсутствия воздействия на них остракизма**. Анализ проведем так же, как и в Профиле 1.2, в трех вариантах: в блоке остракических шкал ШНП-О и ШСО-П ($t=0,3$), далее с учетом всех методик ($t=0,5$) и в заключение – только для методик ИТО и ИТДО ($t=0,3$). Результаты представляем в форме корреляционных плеяд.

В Профиле 2.2 (несовершеннолетние с антисоциальным поведением, **не остракированные**) нами зафиксировано 20 корреляционных связей между субшкалами ШСО-П и ШНП-О, что на 14 больше, чем в аналогичной плеяде для Профиля 1.2 (несовершеннолетние с антисоциальным поведением, **остракированные**) (рис. 9).

Как видно на рисунке 12, в отличие от остракированных, у не остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением зафиксированы корреляционные связи социального остракизма со стратегиями, предполагающими конструктивное преодоление последствий воздействия данного психологического феномена. Субшкала «Игнорирование. ШСО-П» напрямую значимо связана с «Социально одобряемым поведением. СДП» (0,342) и «Поиском социальной поддержки. ОСС» (0,352). Подконструкт социального остракизма «Исключение. ШСО-П» сильно коррелирует с «Положительной переоценкой. ОСС» (0,373).

В Профиле 2.2 мы также зафиксировали *слабую* связь такой копинговой стратегии, как дистанцирование с игнорированием. Стоит заметить, что в Профиле 1.2 субшкала «Дистанцирование. ОСС» *значимо выше* коррелирует с другой субшкалой данной методики «Бегство/Избегание. ОСС» (0,708). Сопоставление этих результатов дает нам основание полагать, что среди несовершеннолетних с антисоциальным поведением те, кто испытывает на себе негативное воздействие социального остракизма, дистанцируются от решения проблемных ситуаций сильнее, чем те, кто включен в социум и не подвергается игнорированию.

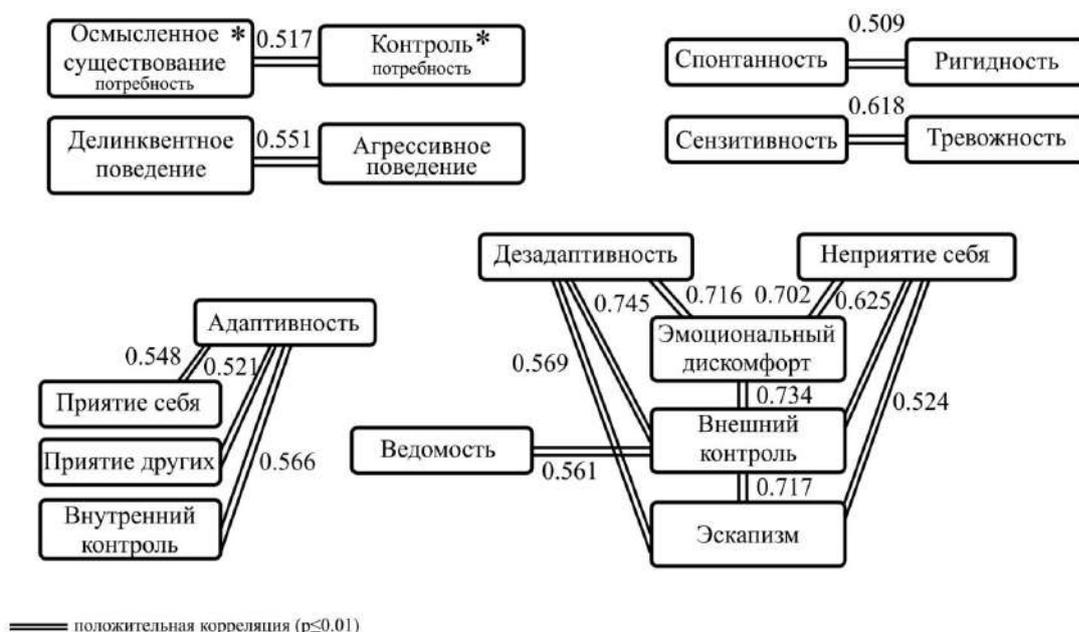

* – субшкалы ШНП-О (потребности) имеют обратную от остальных методик направленность при обработке (чем ниже показатель, тем сильнее нарушена потребность), поэтому при интерпретации связей данных субшкал полярность связи меняется на противоположную

Рисунок 12. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование по субшкалам ШНП-О, ШСО-П при пороге $t=0,3$

Интересно, что игнорирование значимо связано с нарушением потребностей в принадлежности, самоуважении, контроле, а исключение – только с принадлежностью и контролем. В обоих случаях нарушение потребности в осмысленном существовании имеет с игнорированием и исключением опосредованную через нарушение потребности в контроле связь.

Корреляционные плеяды связей по Спирмену для Профиля 2.2 (рис. 13) представлены широким спектром связей (кроме методики ОСС). Остановимся на самых интересных для исследования блоках данных плеяд, на адаптационных механизмах *не остракированного* несовершеннолетнего с *антисоциальным поведением*. Сравнивая блоки корреляционных связей по субшкалам «Адаптивность. СПА» и «Деадаптивность. СПА», мы видим общие механизмы данных процессов для рассматриваемого Профиля 2.2. Мы обнаружили зависимость процесса адаптации и деадаптации от фактора притятия себя: чем выше притятие себя (это и уровень самооценки, и удовлетворенность собой в целом), тем выше адаптивность (т. е. оптимальный уровень приспособления несовершеннолетнего к принятым в обществе нормам и правилам) (0,548).

* – субшкалы ШНП-О (потребности) имеют обратную от остальных методик направленность при обработке (чем ниже показатель, тем сильнее нарушена потребность), поэтому при интерпретации связей данных субшкал полярность связи меняется на противоположную.

Рисунок 13. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование по методикам ШНП-О, ШСО-П, СДП, ОСС, СПА, ИТО, ИТДО при пороге $t=0,5$

Неприятие себя несовершеннолетним Профиля 2.2 (рис. 13), опосредованное связью с эмоциональным дискомфортом (0,702), логично коррелирует с дезадаптивными процессами. Адаптивность и дезадаптивность не остракированного подростка-антисоциала также связаны с локусом контроля. Чем сильнее у такого ребенка выражен внутренний контроль (интернальность), тем выше его уровень социальной адаптации (0,521).

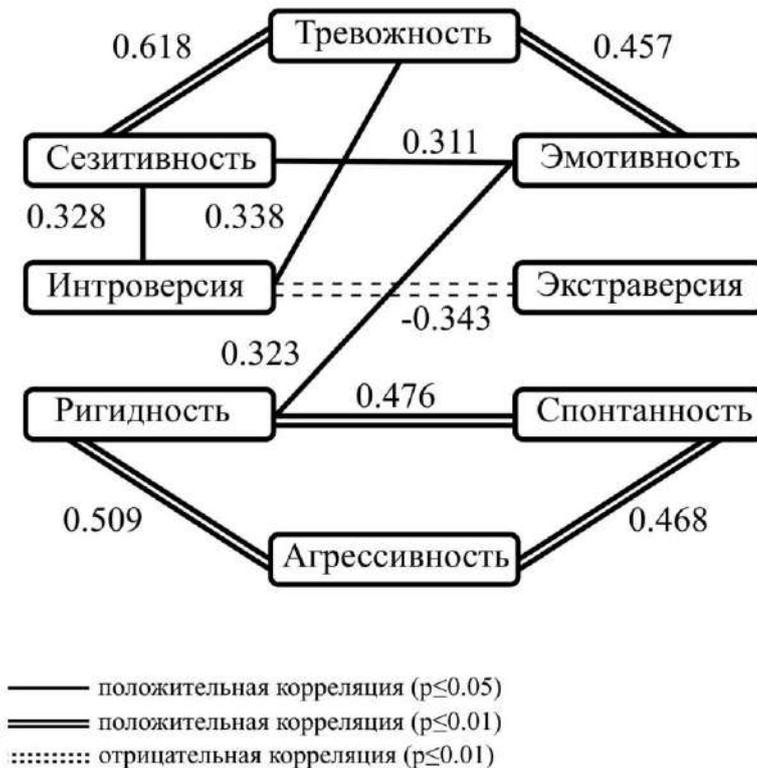

Рисунок 14. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование по методикам ИТО, ИТДО при пороге $t=0,3$

Примечание: субшкалы методики изображены в соответствии с их расположением на психограмме ИТО/ИТДО (Л.Н. Собчик)

Представленный на рисунке 14 корреляционный анализ по Спирмену методик ИТО, ИТДО выявил наличие значительно большего количества связей, чем в Профиле 1.2 (рис. 11). Все связи также обнаружены только в рамках субшкал данных методик.

Анализ корреляционной плеяды на рисунке 14 позволяет выделить две группы корреляций, обладающих противоречивыми характеристиками. К первой группе мы относим корреляционные блоки, находящиеся на разных полюсах

психограммы (по Л.Н. Собчик). В соответствии с теорией Л.Н. Собчик синтез двух ведущих тенденций (соседствующие на схеме свойства) представляет собой ряд промежуточных характеристик и формирует определенные дериватные свойства.

Так, нами зафиксированы связи на верхнем полюсе психограммы: между сензитивностью и тревожностью (0,618), между тревожностью и эмотивностью (0,457). В первом случае можно говорить о конформности. Во втором – компромиссность, понимаемая как «одновременное стремление к самоутверждению и к избеганию конфликта с референтной группой»¹. На нижнем полюсе располагаются противоположные дериватные свойства: конфликтный и неконформный стиль поведения (связь субшкалы «Агрессивность. ИТО» и «Ригидность. ИТО» (0,509), «Спонтанность. ИТО» и «Агрессивность. ИТО» (0,468).

Наличие двух противоположных групп корреляционных связей мы можем объяснить влиянием гендерного фактора на формирование индивидуально-личностных свойств не остракируемых несовершеннолетних с антисоциальным поведением. Согласно исследованиям Л.Н. Собчик спонтанный, агрессивный и ригидный типы реагирования (нижний полюс), которые базируются на таких характеристиках нервной системы, как возбудимость, импульсивность и тугоподвижность нервной системы, чаще наблюдается среди мужчин. Верхний полюс, где расположены сензитивный, тревожный и эмотивный типы реагирования, в основе которых тормозимые и лабильные свойства нервной системы, чаще встречаются среди женщин².

С учетом изложенного мы с высокой долей вероятности можем объяснить наличие второй группы противоречивых корреляционных связей между противоположными ведущими тенденциями – ригидность и эмотивность – (0,323) именно фактором включения в данный Профиль представителей

¹ Суворова И.Ю. Указ. соч.

² См.: Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 198 с.

женского и мужского пола (мальчики 58 %, девочки 42 %). Такая же противоречивая корреляционная связь обнаружена нами также в другой группе с антисоциальным поведением, но с остракизацией (мальчики 51 %, девочки 49 %) (рис. 11).

3.3.5. Исследование пространственных моделей личностных диспозиций Профилей 1.1, 1.2, 2.1, 2.2 с использованием метода многомерного шкалирования ALSCAL

С целью получения интегративной оценки исследуемых характеристик во всех четырех Профилях исследования нами применен метод многомерного шкалирования (ALSCAL).

В этом разделе рассматривается пространственная модель личностных диспозиций исследуемых Профилей, связывающая пять параметров:

- индивидуально-личностные свойства (ведущие тенденции);
- показатели склонности к девиантному поведению;
- уровень удовлетворенности потребностей в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании;
- особенности социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности;
- копинг-механизмы, способы преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегии.

Для анализа взаимоотношений перечисленных параметров внутри диспозиций и различий между ними применялась модель многомерного шкалирования ALSCAL (табл. 9). Меры близости определяет группирование субшкал, а удаленность их расположения определяют взаимоотношения между группировками. Удаленность расположения оценивается относительно друг друга на координатной плоскости, которая определяется двум осями – X и Y (ось X – горизонтальная, ось Y – вертикальная).

Таблица 9. Кодирование субшкал методик исследования для обработки методом многомерного шкалирования (ALSCAL)

Код субшкалы	Субшкала
Ш1	Игнорирование ШСО-П
Ш2	Исключение ШСО-П
Ш3	Принадлежность ШНП-О
Ш4	Самоуважение ШНП-О
Ш5	Осмысленное существование ШНП-О
Ш6	Контроль ШНП-О
Ш7	Конфронтация ОСС
Ш8	Дистанцирование ОСС
Ш9	Самоконтроль ОСС
Ш10	Поиск социальной поддержки ОСС
Ш11	Принятие ответственности ОСС
Ш12	Бегство-избегание ОСС
Ш13	Планирование решения проблемы ОСС
Ш14	Положительная переоценка ОСС
Ш15	Социально обусловленное поведение СДП
Ш16	Делинквентное поведение СДП
Ш17	Зависимое поведение СДП
Ш18	Агрессивное поведение СДП
Ш19	Самоповреждающее поведение СДП
Ш20	Адаптивность СПА
Ш21	Дезадаптивность СПА
Ш22	Приятие себя СПА
Ш23	Неприятие себя СПА
Ш24	Приятие других СПА
Ш25	Неприятие других СПА
Ш26	Эмоциональный комфорт СПА
Ш27	Эмоциональный дискомфорт СПА
Ш28	Внутренний контроль СПА
Ш29	Внешний контроль СПА
Ш30	Доминирование СПА
Ш31	Ведомость СПА
Ш32	Эскапизм СПА
Ш33	Экстраверсия ИТО
Ш34	Спонтанность ИТО
Ш35	Агрессивность ИТО
Ш36	Ригидность ИТО
Ш37	Интроверсия ИТО
Ш38	Сензитивность ИТО
Ш39	Тревожность ИТО
Ш40	Эмотивность ИТО

Содержательная интерпретация координатных осей X и Y основана на качественном анализе пространственных диспозиций переменных с наиболее высокими показателями. Как видно на рисунках 15–18, наиболее весомыми показателями, задающими содержание части факторов во всех Профилях, являются показатели «Адаптивность. СПА» (Ш20) и «Деадаптивность. СПА» (Ш21). При этом более весомые значения (>1) занимает показатель «Деадаптивность. СПА» (Ш21). При анализе относительно оси X оба фактора значимы – максимально отстоят от группировок прочих факторов, что позволяет нам определить сектора координатной плоскости следующим образом. Сектор слева (расположенный левее оси Y) составляет сектор «Социально-психологическая адаптация» для всех четырех Профилей. Расположение проекций параметров справа от оси Y имеет разные значения для каждого Профиля, но в основном сосредоточено на факторах «*потребности*». Верхняя и нижняя части модели относительно оси X определяются расположением проекции параметра адаптивности и деадаптивности и в зависимости от этого имеют разную полярность. Далее рассмотрим пространственные модели диспозиций для каждого Профиля отдельно.

В группе «остракированные несовершеннолетние с просоциальным поведением» (Профиль 1.1) в первом секторе (характер социально-психологической адаптации) отмечается заметный перевес значений фактора *деадаптивности* (≥ 1) над адаптивностью (<1), что в принципе характеризует все четыре исследуемых Профиля. На рисунке 15 видно, что наиболее значимые проекции параметров, притягиваемые в область фактора *деадаптивности* (и одновременно отстающие от осей X и Y, – это факторы копинговых стратегий *конфронтация* (Ш7) и *бегство/избегание* (Ш12). Данные, по сути взаимоисключающие друг друга, копинговые стратегии обладают в данном Профиле почти одинаковым значением. Из этого мы делаем вывод о том, что для фактора деадаптивности в данной группе приемлемы не просто разные, а кардинально противоположные способы преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности. Остракированные с просоциальным

поведением могут испытывать затруднения в планировании действий по преодолению трудностей, проявлять враждебность, протест. При выраженном предпочтении копинг-стратегии конфронтации у представителей Профиля 1.1 может проявляться импульсивность. При менее выраженной степени конфронтация имеет все шансы перейти в область адаптационных механизмов несовершеннолетнего, поскольку способствует формированию навыка адекватного отстаивания своих интересов. Применение копинг-стратегии конфронтации в детско-подростковой среде нередко базируется на желании ребенка получить эмоциональную разгрузку. Возможно, именно эта особенность является логичным связующим звеном между противоположными копинг-стратегиями, выявленными в Профиле 1.1: бегство/избегание тоже часто используется детьми и подростками с целью снижения эмоционального напряжения.

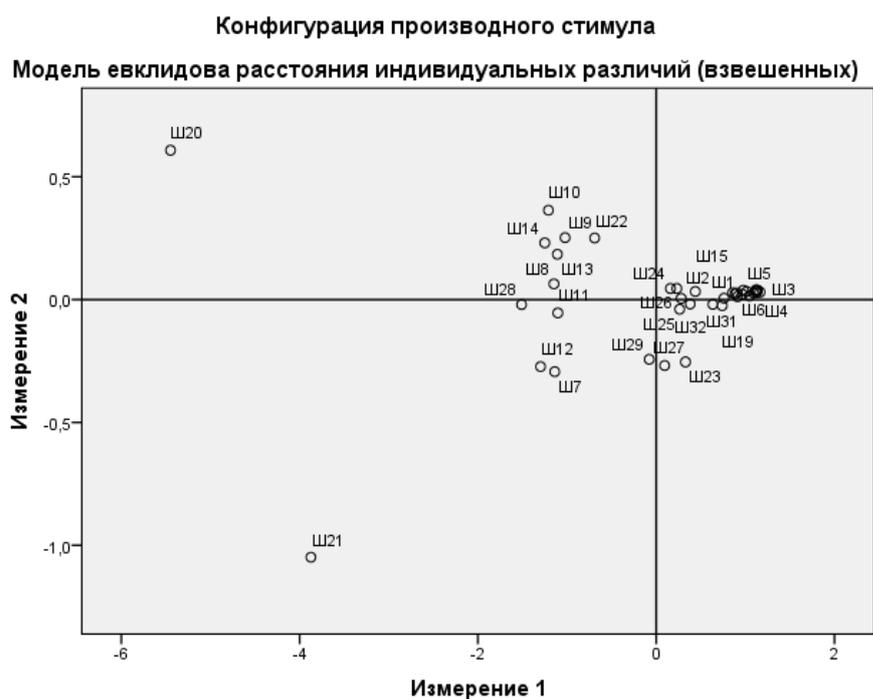

Рисунок 15. Пространственная модель диспозиций для Профиля 1.1

В случае если значимость фактора *адаптивности* имела показатель ≥ 1 (по факту < 1), мы смогли бы учесть тесноту связей между показателями, расположенными в данном секторе. В частности, в качестве наиболее сильно тяготеющей к адаптивности проекции выделен такой показатель адаптивной

стратегии, как *поиск социальной поддержки* (Ш10). Можно предположить, что в случае усиления адаптационных стратегий взаимодействия с социумом **остракированного** ребенка с **просоциальным** поведением именно поиск социальной поддержки будет составлять его ядро адаптивности.

Правый сектор относительно оси Y на пространственной модели диспозиций для Профиля 1.1 (рис. 15) может быть обозначен как *пространство потребностей*. Интересно, что все параметры, обнаруженные в диапазоне (≥ 1) в данном секторе, расположены выше оси X: потребности в *принадлежности* (Ш3), *самоуважении* (Ш4), *осмысленном существовании* (Ш5), *контроле* (Ш6), т. е. имеют положительную, на наш взгляд, коннотацию, поскольку находятся в одном верхнем поле с адаптивностью. Значимость нормативности уровня данных потребностей (поскольку они расположены в верхней «адаптационной» части сектора) высока для данного Профиля – об этом свидетельствует не просто близость расположения данных проекций на схеме, а их скученность.

Резюмируя анализ представленной на рисунке 15 пространственной модели диспозиции, можно утверждать, что для данной группы остракированных несовершеннолетних с просоциальным поведением характерен дезадаптационный уровень взаимодействия с социумом. В качестве основания для дезадаптации мы видим такой параметр как эмоциональный дискомфорт, преодоление которого в данном профиле возможно за счет использования разных копинговых механизмов: конфронтации и бегства/избегания. Просоциальная, а не антисоциальная направленность поведения остракированных несовершеннолетних, на наш взгляд, объясняется тесной взаимосвязью таких параметров, как потребности в принадлежности, самоуважении, осмысленном существовании и контроле, имеющих большую приближенность к сектору адаптивности, чем дезадаптивности. В случае нормализации уровня адаптивности несовершеннолетние Профиля 1.1 с большой долей вероятности используют стратегию поиска социальной поддержки.

В группе «остракированные несовершеннолетние с антисоциальным поведением» (Профиль 1.2) в первом секторе (характер социально-

психологической адаптации) так же, как и в группе остракированных с просоциальным поведением (Профиль 1.1), отмечается заметный перевес значений фактора *дезадаптивности* (≥ 1) над адаптивностью (< 1). На рисунке 16 видно, что наиболее значимые проекции параметров, притягиваемые в область фактора *дезадаптации* (и одновременно отстающие от осей X и Y), – это тесное взаимодействие факторов *принятия ответственности* (Ш11) и *планирование решения проблем* (Ш13). Интересно, что наиболее близкими к фактору *дезадаптивности* стали стратегии, рассматриваемые преимущественно как адаптивные, способствующие конструктивному разрешению проблемных ситуаций, трудностей.

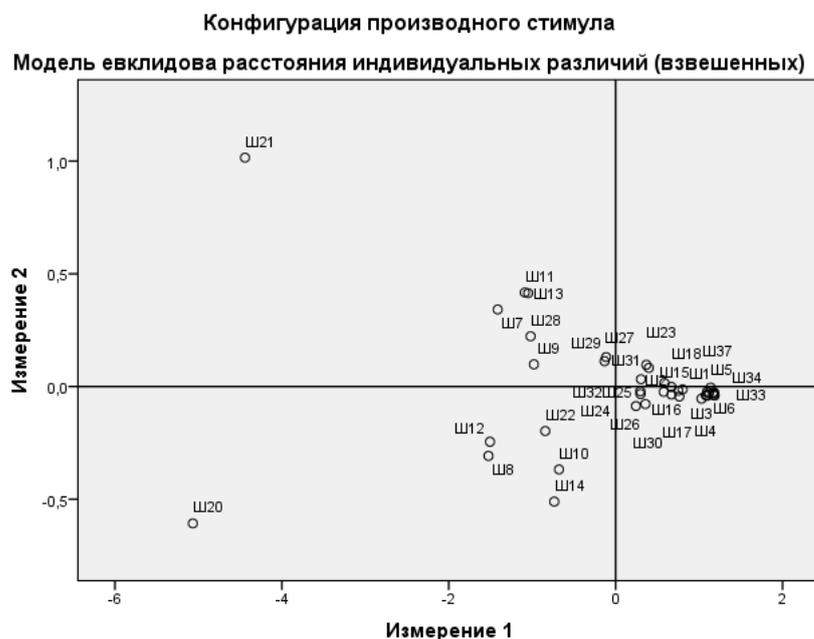

Рисунок 16. Пространственная модель диспозиций для Профиля 1.2

Как и в группе с просоциальным поведением, у остракируемых с антисоциальным поведением значимость фактора *адаптивности* низкая (< 1), поэтому тесноту связей между показателями, расположенными в данном секторе, мы не учитываем. В контексте прогнозирования для данного Профиля наиболее близкие к адаптационной стратегии копинговые механизмы уклонения: *дистанцирование* (Ш8) и *бегство/избегание* (Ш12).

Правый сектор относительно оси Y на пространственной модели диспозиций для Профиля 1.2 (рис. 16) – *пространство нарушенных в ситуации остракизма потребностей и индивидуально-личностных характеристик*. На оси X в зоне значимых показателей (>1) мы обнаруживаем высокую концентрацию параметров, свидетельствующую об их тесной взаимосвязи: потребности в принадлежности (Ш3), самоуважении (Ш4), осмысленном существовании (Ш5), контроле (Ш6), экстраверсия (Ш33) и спонтанность (Ш34). Сочетание параметров «потребности» и «индивидуально-типологические характеристики» мы в рамках анализируемых моделей встречаем только в подгруппах с антисоциальным поведением (см. также рис. 18). Для Профиля 1.2 удовлетворение или нарушение всех четырех обозначенных выше потребностей происходит в тесной взаимосвязи со степенью экстравертированности и спонтанности несовершеннолетнего.

Мы также констатируем отсутствие значимых факторов, расположенных в зоне значимости осей X и Y (верхний правый квадрат).

В группе «не остракированные несовершеннолетние с просоциальным поведением» (Профиль 2.1) в первом секторе (характер социально-психологической адаптации) так же, как и в предыдущих группах (Профили 1.1, 1.2) значимым фактором является *дезадаптивность* (≥ 1), а не адаптивность (<1) (рис.17). Наиболее значимые проекции параметров, притягиваемые в область фактора *дезадаптации* (и одновременно отстающие от осей X и Y), – это тесное взаимодействие факторов *конфронтационный копинг* (Ш7) и *бегство/избегание* (Ш12) (рис. 17). Точно такую же диспозицию мы уже видели в Профиле 1.1 (рис. 15), иными словами, две подгруппы нашей выборки исследования с *просоциальным поведением имеют одинаковые дезадаптационные механизмы*. Мы предполагаем, что данная закономерность опосредована возрастными изменениями подростков в части, касающейся нестабильности эмоционального фона.

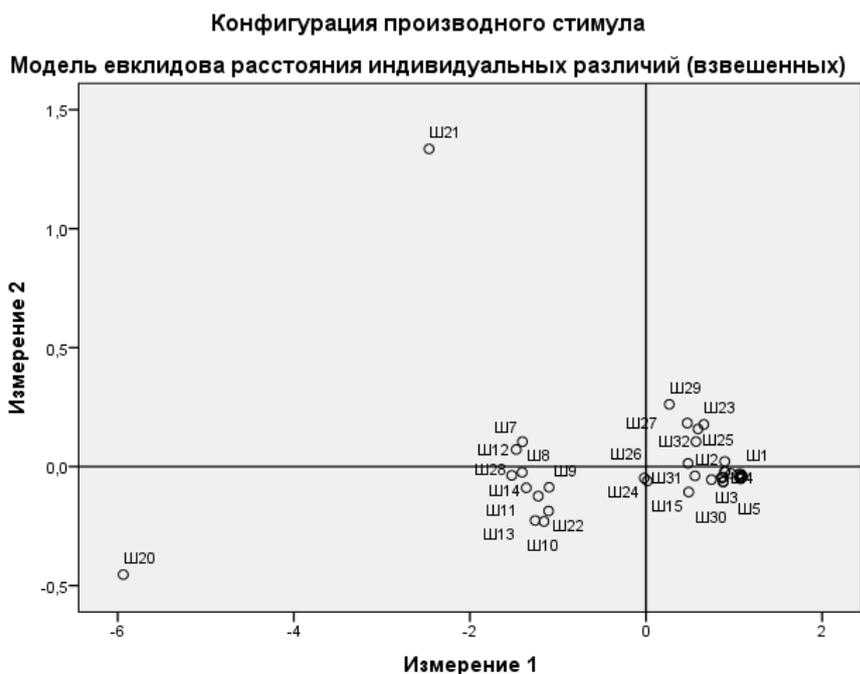

Рисунок 17. Пространственная модель диспозиций для Профиля 2.1

Как было указано выше, в рамках данной модели (рис. 17) фактор *адаптивности* значимым не является (<1). Однако мы все же отметим, что, в отличие от Профиля 1.2, в Профиле 2.1 мы видим непротиворечивость в соотношении проекций параметров к основополагающему фактору рассматриваемого поля модели: это *поиск социальной поддержки* (Ш10), *планирование решения проблемы* (Ш13), *приятие себя* (Ш22). Для данной группы мы видим положительный прогноз для укрепления личностных адаптационных процессов.

По оси X (со значением >1) констатируем наличие тесной взаимосвязи между такими параметрами, как *потребность в принадлежности* (Ш3), *самоуважении* (Ш4) и *осмысленном существовании* (Ш5).

На наш взгляд, картина данных, представленная на модели диспозиций для Профиля 2.1, довольно точно описывает эту группу как нормативную для нашего исследования (без остракизации, с нормативным поведением). Деадаптационные процессы, скорее всего, сконцентрированы на возрастных особенностях и, пусть и противоречивые копинги, используются для преодоления эмоционального дискомфорта. В «резерве» адаптационных стратегий у этой группы сформирован

кластер конструктивных копинговых механизмов. В области потребностей превалирует инклюзивный кластер потребностей.

В группе «не остракированные несовершеннолетние с антисоциальным поведением» (Профиль 2.2) в первом секторе (характер социально-психологической адаптации) так же, как и во всех предыдущих группах (Профили 1.1, 1.2, 2.1) значимым фактором является *дезадаптивность* (≥ 1), а не адаптивность (< 1) (рис. 18). Наиболее значимые проекции параметров, притягиваемые в область фактора *дезадаптации* (и одновременно отстающие от осей X и Y), – это тесное взаимодействие факторов *дистанцирование* (Ш8) и *бегство/избегание* (Ш12) (рис. 18). В данном случае мы можем говорить (и уже не первый раз в рамках данного исследования) о предпочитаемой стратегии уклонения. Дистанцирование, которое может проявляться в форме субъективного снижения значимости проблемной ситуации и степени эмоциональной вовлеченности в нее, в контексте дезадаптации может приводить не остракируемых несовершеннолетних с антисоциальным поведением к обесцениванию собственных переживаний, недооценке значимости и возможностей эффективного преодоления проблемных ситуаций. Использование копинг-стратегии бегство/избегание (которое в целом характерно для выборки исследования, видимо, в связи с возрастными особенностями) с точки зрения дезадаптационных процессов только эскалирует эти процессы, поскольку при отсутствии действий по преодолению, разрешению трудных жизненных ситуаций, способствует все большему накоплению проблем.

В области фактора адаптивности (< 1) мы видим связь не с копингами, а с такими показателями адаптации, как *приятие себя* (Ш22), и *внутренний контроль* (Ш28).

Как и в другой группе с антисоциальным поведением (Профиль 1.2), правый сектор относительно оси Y на пространственной модели диспозиций для Профиля 2.2 (рис. 18) – *пространство нарушенных в ситуации остракизма потребностей и индивидуально-личностных характеристик*. На оси X в зоне значимых показателей (> 1) мы обнаруживаем высокую концентрацию параметров,

свидетельствующую об их тесной взаимосвязи: потребности в *принадлежности* (Ш3), *осмысленном существовании* (Ш5), и *склонности к агрессивному поведению* (Ш18). Для Профиля 2.2 удовлетворение или нарушение означенных выше потребностей происходит в тесной взаимосвязи со степенью склонности к агрессивному поведению.

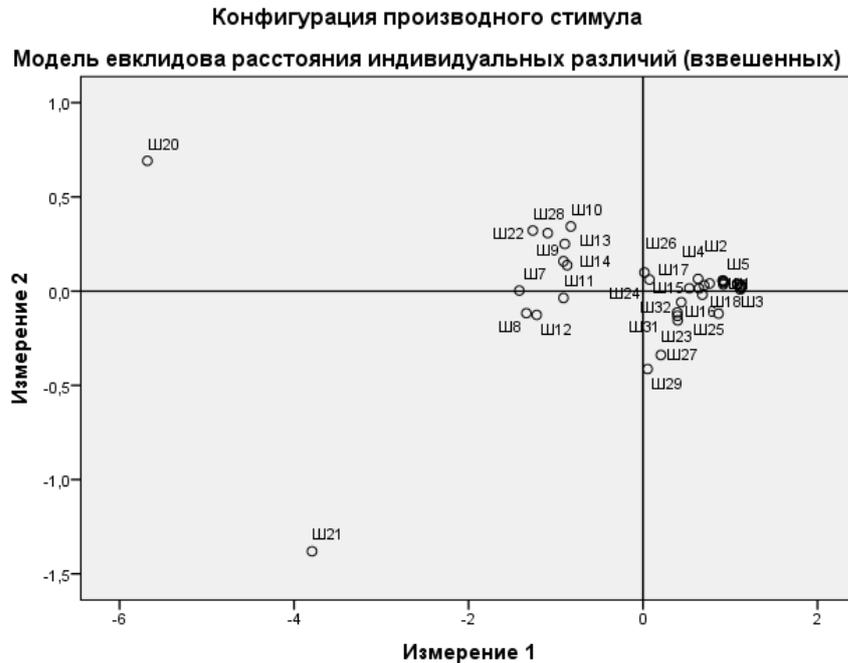

Рисунок 18. Пространственная модель диспозиций для Профиля 2.2

Резюмируя анализ пространственной модели диспозиций для Профиля 2.2 (не остракированные с антисоциальным поведением), мы видим, что используемые дезадаптивные стратегии, базирующиеся на стратегии уклонения, вообще характерные для выборки данного исследования в силу возраста. В отличие от Профиля 1.2, в Профиле 2.2 прогнозируемые адаптационные стратегии не несут в себе неконструктивности (прятие себя, внутренний контроль). Это единственный Профиль в исследовании, в модели которого нами обнаружена склонность к агрессивному поведению как значимая связь с другими проекционными параметрами, в частности с потребностями в принадлежности и осмысленном существовании.

3.3.6. Результаты субшкал ИТО/ИТДО и описательных статистик ИТО/ИТДО по группирующей переменной «Профиль»

В рамках одной из гипотез исследования мы предполагаем, что у остракированных и не остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением (Профили 1.2, 2.2) индивидуально-личностные особенности не имеют значимых различий в выраженности и сочетании параметров.

Для получения более полной картины предпримем дисперсионный анализ Краскела – Уоллиса применительно ко всем четырем Профилям исследования. В этом случае мы можем обнаружить или не обнаружить различия в выраженности и сочетании индивидуально-личностных параметров не только в группе несовершеннолетних с антисоциальным поведением. Рассмотрим результаты (табл. 10, 10.1).

Как видно по таблице 10.1, значение асимптотической значимости для шкал «экстраверсия», «спонтанность», «агрессивность», «сензитивность», «тревожность», «эмотивность» ниже конвенционального уровня значимости 0,05, что свидетельствует о наличии значимых различий по данным параметрам между Профилям. По шкалам «ригидность» и «интроверсия» значимых различий во всех четырех Профилях исследования не обнаружено.

Далее, в рамках исследования гипотезы 3, рассмотрим только группу несовершеннолетних с антисоциальным поведением, где в одной подгруппе присутствует фактор социального остракизма (Профиль 1.2), а в другой – нет (Профиль 2.2).

Для большей наглядности анализируемого диагностического материала далее обратимся к методу описательной статистики.

Представленные в таблицах 11 и 12 данные описательных статистик для групп с антисоциальным поведением (Профили 1.2, 2.2) демонстрируют следующие результаты.

Таблица 10. Результаты субшкал ИТО/ИТДО по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Ранги

	Профиль	N	Средний ранг
Экстраверсия_ИТО	1.1	62	104,40
	1.2	73	107,69
	2.1	82	166,37
	2.2	56	168,29
	Всего	273	
Спонтанность_ИТО	1.1	62	117,47
	1.2	73	108,11
	2.1	82	153,59
	2.2	56	172,00
	Всего	273	
Агрессивность_ИТО	1.1	62	124,74
	1.2	73	117,99
	2.1	82	135,39
	2.2	56	177,71
	Всего	273	
Ригидность_ИТО	1.1	62	128,06
	1.2	73	127,41
	2.1	82	151,91
	2.2	56	137,55
	Всего	273	
Интроверсия_ИТО	1.1	62	142,82
	1.2	73	149,47
	2.1	82	133,41
	2.2	56	119,54
	Всего	273	
Сензитивность_ИТО	1.1	62	138,88
	1.2	72	139,31
	2.1	82	151,04
	2.2	56	108,96
	Всего	272	
Тревожность_ИТО	1.1	62	123,90
	1.2	73	171,47
	2.1	82	126,14
	2.2	56	122,48
	Всего	273	
	Профиль	N	Средний ранг
Эмотивность_ИТО	1.1	62	137,11
	1.2	73	109,16
	2.1	82	164,15
	2.2	56	133,41
	Всего	273	

Таблица 10.1. Статистические критерии^{a,b} субшкал ИТО/ИТДО по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль»

Показатели	Экстраверсия	Спонтанность	Агрессивность	Ригидность	Интроверсия	Сензитивность	Тревожность	Эмотивность
Хи-квадрат	42,695	30,179	22,587	5,263	5,366	10,415	19,913	20,599
ст.св.	3	3	3	3	3	3	3	3
Асимптотическая значимость	,000	,000	,000	,154	,147	,015	,000	,000

a. Критерий Краскела – Уоллиса

b. Группирующая переменная: Профиль

Таблица 11. Описательные статистики ИТО/ИТДО для Профиля 1.2

	Экстраверсия	Спонтанность	Агрессивность	Ригидность	Интроверсия	Сензитивность	Тревожность	Эмотивность
N Валидные	73	73	73	73	73	72	73	73
Пропущенные	0	0	0	0	0	1	0	0
Среднее	3,03	3,26	3,38	3,51	4,01	4,24	4,73	3,23
Среднекв. отклонение	1,343	1,291	1,209	1,120	1,349	1,041	1,387	1,231
Минимум	0	0	0	0	0	1	0	0
Максимум	6	6	6	6	6	6	6	6

Таблица 12. Описательные статистики ИТО/ИТДО для Профиля 2.2

	Экстраверсия	Спонтанность	Агрессивность	Ригидность	Интроверсия	Сензитивность	Тревожность	Эмотивность
N Валидные	56	56	56	56	56	56	56	56
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	4,36	4,63	4,61	3,75	3,57	3,64	3,82	3,61
Среднекв. отклонение	1,731	1,805	1,744	1,505	1,093	1,495	1,820	1,358
Минимум	1	1	0	1	0	0	0	0
Максимум	9	9	9	8	7	6	8	7

В Профиле 1.2 такие личностно-типологические характеристики, как «экстраверсия», «спонтанность» и «агрессивность», выражены немного слабее,

чем в Профиле 2.2. По шкалам «сензитивность» и «тревожность» в Профиле 1.2, по сравнению с Профилем 2.2., отмечается обратная тенденция. По шкалам «ригидность», «интроверсия» и «эмотивность» значимых различий между Профилями не зафиксировано. Диаграммы с данными описательных статистик для визуализации результата представлены в приложении Р.

Резюме по главе 3

Пилотажный этап исследования позволил сделать вывод о неприемлемости использования нами приемов симулирования ситуации остракизма. Ввиду того, что в нашем исследовании предполагается изучение длительного воздействия социального остракизма на несовершеннолетнего, опосредующее формирование не сиюминутной антисоциальной реакции, а устойчивого антисоциального поведения, в качестве основополагающего нами определен *квазиэкспериментальный план исследования «ex-post-facto»*.

Анализ опроса «Как вы это понимаете?» позволил прийти к выводу о том, что несовершеннолетние в возрасте от 12 до 17 лет включительно с высокой долей вероятности (от 55,9 до 89,5 %) в состоянии правильно идентифицировать признаки проявления феномена социального остракизма. При этом дети и подростки воспринимают подконструкты социального остракизма (игнорирование, исключение, отвержение) как сложносоставные конструкты, включающие «по периферии» незначительные проявления других подконструктов социального остракизма и родственных феноменов.

В результате применения критерия Краскела – Уоллиса ко всей выборочной совокупности исследования установлено, что Профили 1.1. и 1.2 обладают высокой степенью остракизации и значимо отличаются от Профилей 2.1 и 2.2, в которых субъективная оценка игнорирования и исключения тоже присутствует, но на низком уровне. В данном случае мы подтверждаем тот факт, что по критерию «остракизм» все Профили исследования распределены правильно.

В ходе исследования нами *подтверждена гипотеза*: у остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением (Профиль 1.2), в отличие от остракированных несовершеннолетних с просоциальным поведением (Профиль 1.1), степень нарушения потребностей в контроле и осмысленном существовании (кластер потребностей власти и провокации) значимо выше, чем степень нарушения потребностей в принадлежности и самоуважении (кластер инклюзивных потребностей).

В данном исследовании нами также подтверждена *гипотеза*: у остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением (Профиль 1.2) значимо отличается от других групп (Профили 1.1, 2.1, 2.2) структура связей между нарушенными потребностями, стратегиями совладающего со стрессом поведения, разными видами девиантного поведения и параметрами социально-психологической адаптации.

В ходе исследования мы получили отдельное представление о внутренних корреляционных связях по каждому изучаемому нами Профилю. В этой связи в качестве подтверждения выдвинутой нами гипотезы в отношении особенностей Профиля 1.2 приведем лишь те результаты исследования, которые не только значимо отличают группу остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением от других групп исследования, но характерны только для этого Профиля.

Во-первых, нами зафиксированы сильные прямые корреляционные связи ($p < 0,01$) склонности к агрессивному поведению и самоповреждающего поведения, а также прямые линейные связи между склонностью к агрессивному поведению, девиантным поведением и зависимым поведением (последнее, в свою очередь, тоже имеет прямую связь с агрессивным поведением).

Во-вторых, как это ни парадоксально, не все исследуемые потребности имеют корреляционную связь с подконструктами социального остракизма.

В-третьих, нами обнаружена прямая корреляционная связь между нарушением потребности и копинг-стратегией: чем сильнее (в результате игнорирования) нарушается потребность в самоуважении, тем ниже уровень конфронтации.

В-четвертых, нами обнаружена лишь одна корреляционная связь с адаптационной стратегией (приятие себя). Например, в Профиле 2.2 таких связей, как минимум, четыре.

В качестве дополнения стоит добавить, что по факту только в Профиле 1.2 нами обнаружено самое низкое количество корреляционных связей между исследуемыми параметрами: в других Профилях обнаруженные связи более насыщенные и сложные по выстраиванию линейных взаимоотношений.

Выдвинутая нами *гипотеза* о том, что у остракированных и не остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением (Профили 1.2, 2.2) индивидуально-личностные особенности не имеют значимых различий в выраженности и сочетании параметров, *не подтвердилась*.

В ходе исследования с применением методов дисперсионного анализа Краскела – Уоллиса и описательных статистик нами были обнаружены различия в общей группе несовершеннолетних с антисоциальным поведением. Те дети, которые испытывают негативное воздействие социального остракизма (Профиль 1.2) менее экстравертированы, спонтанны и агрессивны, чем дети с антисоциальным поведением, но не имеющие опыта долгосрочного остракизма. Более высокие показатели в Профиле 1.2 по сравнению с Профилем 2.2, зафиксированы нами по шкалам «сензитивность» и «тревожность». По шкалам «ригидность», «интроверсия» и «эмотивность» значимых различий у антисоциальных детей с опытом остракизма и без него – нет.

Корреляционный анализ по Спирмену в группе «остракированные» (Профили 1.1, 1.2) выявил наличие высоких корреляционных связей ($t=0,7$, $p \leq 0,01$) среди 40 субшкал в 5 методиках. Основной вывод, который мы делаем из анализа корреляционной связи субшкал «Агрессивное поведение. СДП» с субшкалами «Самоповреждающее поведение. СДП» (0, 715) и «Делинквентное поведение. СДП» (0, 793), состоит в том, что чем выше у остракированного несовершеннолетнего (как с антисоциальным, так и просоциальным поведением) уровень агрессии и склонности к делинквентному поведению, тем выше вероятность его самоповреждения, гибели. Иначе говоря, возможен, таков один из

механизмов расширенного криминального суицида (поведения террориста-смертника, например). В группе «не остракированные» подобных сильных корреляционных связей между приведенными выше параметрами не обнаружено. Из этого мы делаем вывод о наличии влияния фактора социального остракизма на формирование ряда тенденций антисоциального поведения.

В ходе эмпирического исследования и последующей обработки диагностических данных с использованием методов математической и статистической обработки данных нами получены результаты, не только охватывающие исследование поставленных гипотез, но и ряд других. В частности, мы установили отсутствие значимых различий по гендерному признаку в составе участников групп остракированных и не остракированных подростков.

С целью получения более полной характеристики выборочной совокупности исследования мы также сравнили степень субъективного остракизма участников исследования по субшкалам методики ШСО-П в зависимости от возраста. Здесь нами получены следующие результаты. Во-первых, мы обнаружили значимые различия в степени субъективной оценки несовершеннолетними подконструктов социального остракизма «игнорирование» и «исключение». Наиболее высокие средние ранги, свидетельствующие о наибольшей степени субъективной оценки, зафиксированы нами по субшкале «исключение». Во-вторых, наибольшая степень субъективного исключения отмечаются в группах 13-летних и 16-летних.

ВЫВОДЫ

С учетом всех этапов данное диссертационное исследование реализовано с участием 1061 несовершеннолетнего: 790 детей и подростков приняли участие в пилотажном этапе исследования и 271 несовершеннолетний в возрасте от 12 до 17 лет – в эмпирическом исследовании. В ходе пилотажных исследований апробированы методические приемы симуляции ситуации социального ostrакизма, две самоотчетные методики по шкалированию субъективного уровня ostrакизма несовершеннолетних и нарушенных у них в результате воздействия игнорирования и исключения потребностей. Сбор эмпирических данных проводился на базах образовательных организаций и центров содействия семейному воспитанию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в г. Москве и в Костромской области.

Анализ научной литературы по теме исследования, а также результаты серии пилотажных исследований позволили прийти к выводу о том, что экспериментальное исследование с использованием приемов симулирования ситуации социального ostrакизма в рамках данного диссертационного исследования невозможно по ряду причин:

во-первых, такие приемы исследуют непосредственное реагирование человека на ostrакизм, а не процесс становления паттернов антисоциального ostrакизма;

во-вторых, экспериментальное (в том числе лонгитюдное) воздействие на испытуемого посредством погружения его в ситуацию ostrакизма психологически небезопасно (вызывает сильный эмоциональный дискомфорт) и в связи с этим противоречит этике психологических исследований.

Эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Воздействие социального ostrакизма субъективно ощущают все несовершеннолетние, вне зависимости от гендерной принадлежности. Разница состоит в степени оценки субъективной ostrакизации и уровня нарушенных потребностей в принадлежности, самоуважении, осмысленном существовании и контроле.

2. Более значимо несовершеннолетние воспринимают воздействие такого подконструкта социального ostrакизма, как исключение. Особенно остро исключение воспринимается в группе 13- и 16-летних.

3. У несовершеннолетних с антисоциальным поведением, имеющих опыт длительного социального ostrакизма, кластер потребностей во власти и провокации нарушен сильнее, чем кластер инклюзивных потребностей. Данный результат позволил сделать вывод о *верности выдвинутой нами Гипотезы 1*.

4. Исследование корреляционных связей по Спирмену выявило взаимосвязь социального ostrакизма, агрессии и аутодеструктивного поведения для всей выборки *ostrакированных* несовершеннолетних как с антисоциальным, так и просоциальным поведением. Чем *выше* у ostrакированного несовершеннолетнего *уровень агрессии*, тем *выше вероятность его самоповреждения, гибели*. Можно сказать, что таков *один из возможных механизмов расширенного криминального суицида* (поведения террориста-смертника, например), опосредованный длительным воздействием социального ostrакизма.

5. Снижение уровня самооценки у игнорируемого несовершеннолетнего с опытом антисоциального поведения не ведет к активной деятельности по реинклюзии, а наоборот, запускает реакцию «ухода от проблемы». В общей группе несовершеннолетних с антисоциальным поведением те, кто испытывает на себе негативное *воздействие социального ostrакизма, дистанцируются от решения* проблемных ситуаций сильнее, чем те, кто включен в социум и не подвергается игнорированию.

6. В качестве основного фактора пространственной модели личностных диспозиций ostrакированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением выявлен фактор *дезадаптации*, связанный с тесным взаимодействием факторов *принятие ответственности* и *планирование решения проблем*. В контексте прогнозирования наиболее близкие к адаптационной стратегии ostrакированного несовершеннолетнего с антисоциальным поведением – копинговые механизмы уклонения: *дистанцирование* и *бегство/избегание*. Для сравнения: у совершеннолетних с антисоциальным поведением, но без фактора

остракизма, потенциальные ресурсы адаптивности имеют связь не с копингами, а с такими показателями адаптации, как *приятие себя* и *внутренний контроль*.

7. На основе анализа с применением методов дисперсионного анализа Краскела – Уоллиса и описательных статистик нами было обнаружено, что несовершеннолетние с антисоциальным поведением, которые испытывают негативное воздействие социального остракизма, менее экстравертированы, спонтанны и агрессивны, чем дети и подростки с антисоциальным поведением, но не имеющие опыта долгосрочного остракизма. Такие несовершеннолетние более чувствительны и тревожны. Данные результаты *опровергают выдвинутую нами Гипотезу 3*.

8. Общие результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что фактор социального остракизма является значимым в процессе становления паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних. Данный вывод мы делаем на основании выявленных только для группы остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением связей и закономерностей между параметрами применяемых диагностических методик. Таким образом, мы *подтверждаем выдвинутую нами Гипотезу 2* о том, что у остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением значимо отличается структура связей между нарушенными потребностями, стратегиями совладающего поведения, разными видами девиантного поведения и параметрами социально-психологической адаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научных источников позволил установить, что социальный остракизм изначально воспринимается человеком рефлекторно и вызывает активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли. Когнитивная оценка ситуации остракизации и дальнейшее решение о направлении реагирования (антисоциально, просоциально или реакция ухода от ситуации) принимается человеком позднее и на основе взаимодействия ряда факторов как ситуационных, так и диспозиционных (с учетом степени негативного воздействия (чувства, эмоции, состояние эмоционального ступора), степени угрозы фундаментальным потребностям в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании). В случае длительного (хронического) игнорирования, исключения, отвержения человек может оказаться в состоянии полного истощения внутренних ресурсов, описываемом в психологической науке с точки зрения подхода теории выученной беспомощности.

Социальный остракизм является адаптивным механизмом, то есть необходим для выживания человека. Он позволяет группе осуществлять контроль и защищать от тех ее членов, которые ставят под угрозу ее выживание.

Согласно анализу исследований социальный остракизм при значительном нарушении инклюзивного кластера потребностей делает человека более восприимчивым к социальному окружению, в том числе более услужливым, конформным, сговорчивым, внушаемым. В контексте становления паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних (а также взрослых) данный результат исследований дает нам понимание социального остракизма как фактора, используемого эмиссарами противоправных (радикальные, экстремистские, сектантские и др.) группировок в качестве одного из механизмов вербовки несовершеннолетних и взрослых.

Согласно обзору экспериментальных исследований, проводимых зарубежными исследователями на взрослой выборке, для восстановления уровня

нарушенных в результате остракирования потребностей в контроле и осмысленном существовании самым быстрым является «силовой метод»: привлечение внимания, провокация, контроль и власть. В связи с этим, по их мнению, антисоциальное поведение является наиболее эффективной и быстрой стратегией реакции на социальный остракизм. По результатам эмпирического исследования нами впервые были реплицированы данные результаты исследований на российской выборке из числа несовершеннолетних и подтверждена гипотеза о взаимосвязи фактора остракизации, антисоциального поведения и значительного нарушения кластера потребностей во власти и провокации.

Сравнительный анализ индивидуально-типологических характеристик по четырем Профилям исследования с применением критерия Краскела – Уоллиса опроверг выдвинутую нами нуль-гипотезу об отсутствии различий в выраженности и сочетании параметров данных характеристик. В частности, остракированные несовершеннолетние с антисоциальным поведением более тревожны и сензитивны, но менее экстравертированы, спонтанны и агрессивны, чем дети и подростки с антисоциальным поведением, но без влияния фактора социального остракизма. В данном отношении мы выделяем повышенную тревожность и сензитивность в качестве виктимологического фактора остракизации несовершеннолетнего.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что фактор социального остракизма является значимым в процессе становления паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних. Данный вывод мы делаем на основании выявленных только для группы остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением связей и закономерностей между параметрами применяемых диагностических методик. Таким образом, мы подтверждаем выдвинутую нами гипотезу о том, что у остракированных несовершеннолетних с антисоциальным поведением значимо отличается структура связей между нарушенными потребностями, стратегиями совладающего поведения, разными видами девиантного поведения и параметрами социально-психологической адаптации.

Основное заключение по итогам эмпирического исследования состоит в том, что в случае, если в процессе длительной остракизации у несовершеннолетнего удовлетворение фундаментальных потребностей в контроле над окружающим миром и смысле существования находятся на низком уровне, для их удовлетворения такой ребенок или подросток использует дезадаптационный стиль взаимодействия с окружающим миром. При этом нарастание уровня агрессии (или повышения степени серьезности правонарушения) опосредует рост опасности самодеструкции такого несовершеннолетнего, начиная от употребления психоактивных веществ до расширенного криминального суицида. Наше исследование доказывает, что в процессе длительного воздействия социального остракизма, опосредующего формирование паттернов антисоциального поведения, несовершеннолетний отказывается от попыток просоциально реинтегрироваться в социум, его психологические ресурсы истощаются, предпочитаемыми копинговыми стратегиями становятся избегание и дистанцирование.

В концепции модели К.Д. Вильямса описываемое состояние соответствует третьей стадии разворачивания процесса остракизации, стадии резигнации, сравниваемой с постулатами теории выученной беспомощности М. Селигмана. С учетом полученных данных (в частности, о снижении уровня удовлетворения потребности в контроле) и выводов М. Селигмана о том, что выученную беспомощность вызывают не сами по себе неприятные обстоятельства, а опыт *неконтролируемости* их преодоления, мы считаем, что наиболее эффективной технологией реабилитации несовершеннолетних с антисоциальным поведением и опытом длительной остракизации могут стать мероприятия, программы, дающие возможность такому ребенку или подростку восстановить *контроль* над своей жизнью в рамках *просоциального* реагирования.

С учетом выводов исследования о низкой психологической ресурсности имеющего опыт долгосрочного остракизма несовершеннолетнего с антисоциальным поведением мы делаем заключение о том, что в рамках профилактической работы по коррекции поведения обязательно требуется

включение третьих лиц, поскольку без поддержки извне такой несовершеннолетний не может (нет внутренних сильных ресурсов) выйти из своего актуального состояния.

В контексте выполнения задач по классификации методологического аппарата исследования и адаптации инструментария исследования мы пришли к выводу о невозможности применения экспериментальной схемы исследования социального остракизма как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних по причине травмирующего психику человека воздействия данного феномена.

С учетом изложенного мы считаем, что цель диссертационного исследования достигнута, все поставленные задачи решены. В ходе исследования нами подтверждены две гипотезы, одна опровергнута.

Методические рекомендации

Результаты исследования, в частности, подтверждение гипотезы о связи антисоциального поведения несовершеннолетних с остракизацией и значительным нарушением кластера потребностей власти и провокации дает нам возможность для разработки технологий по профилактике или реабилитации лиц, испытывающих негативное воздействие социального остракизма и имеющих паттерны устойчивого антисоциального поведения. С учетом имеющихся результатов исследования подобные коррекционные и реабилитационные программы можно строить, не только основываясь на методах включения остракированного ребенка в социум, а таргетированно, опираясь на работу по удовлетворению его нарушенных потребностей в контроле и осмысленном существовании, в том числе с опорой на технологии работы по преодолению состояния выученной беспомощности. С учетом полученных данных психологам и иным заинтересованным специалистам также стоит обращать внимание на уровень потребности в самоуважении.

В качестве мер по профилактике негативного воздействия социального остракизма и формирования паттернов антисоциального поведения несовершеннолетних на ранних периодах (кризисный момент перехода из

детского сада в начальную школу) мы рекомендуем психолого-педагогическую технологию «Умелый Класс» (Skilful Class, B. Furman, M. Ahola). Цель данной технологии – профилактика эмоциональных и поведенческих проблем детей через освоение ими социальных навыков. Методика основана на подходе, ориентированном на решение, иными словами, «основной фокус лежит на освоении навыка, а не на обсуждении проблемы»¹. Согласно результатам исследования применение технологии в экспериментальной группе способствовало росту социометрического статуса детей в группе сверстников, повышало включенность родителей и учителей в жизнь ребенка (что де-факто снижает его субъективный уровень остракизации).

Большим профилактико-реабилитирующим потенциалом, как показал опыт участия в Проекте «ЭКОСИСТЕМА ДЕТСТВА», обладает технология восстановительного круга, который благодаря своим рамочным условиям (реализация принципов добровольности, уважения, открытости и прозрачности и др.) позволяет создавать безопасную среду общения подростков, в которой, на наш взгляд, наиболее значимо может быть восстановлена потребность в контроле окружающего мира. В рамках восстановительного круга ребенок постепенно берет под контроль свою жизнь, у него появляется реальный шанс быть услышанным, взять на себя ответственность за ряд действий, выстроить свой личный вектор коммуникации с социумом.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что на данный момент времени крайне мало исследований, посвященных вопросам профилактики негативного воздействия социального остракизма на человека в ключе воздействия на нарушенные потребности. Ученые Дж. Тэмплин-Уилсон, Р. Смит, Дж. Морган и П. Марас провели три эксперимента с применением технологии видеоигр, в ходе которых остракированным посредством «Кибербола» участникам были предложены три вида видеоигр. В результате наибольший реабилитирующий эффект после остракизации был зафиксирован после

¹ Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей / Р.В. Чиркина [и др.] // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 98.

применения игры FREE RICE (англ., бесплатный рис), содержащей в себе элементы благотворительности и волонтерства¹. В эксперименте, однако, исследовалась динамика потребностей, входящих только в инклюзивный кластер.

Перспективы исследований

Практический ракурс

Подтверждение гипотезы исследования о связи нарушенных потребностей в осмысленном существовании (смысле существования) и контроле антисоциального поведения несовершеннолетних, имеющих опыт долгосрочного социального ostracism, предоставляет исследователям богатое поле для изучения методов и техник по восстановлению данных нарушенных потребностей несовершеннолетних и широкие перспективы по построению программ реабилитации после негативного воздействия социального ostracism.

В ходе исследования ряд экспертов в области юридической психологии высказали мнение о возможности использования таких методов симуляции ситуации социального ostracism, как «В поезде», «Ostracism-камера» и «Кибербол», не только в исследовательских, но и профилактических целях в рамках программ предупреждения антисоциального поведения в среде несовершеннолетних.

Теоретический ракурс

С точки зрения теоретических разработок требуется более детальная и структурированная доработка второй стадии модели ostracism К.Д. Вильямса ввиду того, что данная стадия описывает механизм разворачивания ostracism, начиная от краткосрочного воздействия социального ostracism на человека и заканчивая длительным (хроническим) воздействием. Как предполагается в ряде исследований, разное время воздействия ostracism на человека не только воздействует на *степень* нарушения потребностей, но и опосредует нарушение *разных* потребностей. Как показало наше исследование, даже методы исследования краткосрочного и долгосрочного ostracism разные. В связи с этим

¹ Video games as a recovery intervention for ostracism / J. Tamplin-Wilson [et al.] // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 1. P. 1–7.

вектор дальнейших разработок в области валидных методов исследования социального остракизма, несомненно, должен развиваться в направлении формирования блока исследовательских приемов долгосрочного (хронического) остракизма.

Безусловным потенциалом к проведению ряда исследований может стать экспериментальный поиск ситуационных факторов, снижающих или, наоборот, увеличивающих степень негативного воздействия остракизма на человека, в частности, на его тенденцию к антисоциальному реагированию. К примеру, Э. Хейлс с коллегами экспериментально подтвердили тот факт, что социальное исключение и игнорирование оказывают более сильное негативное воздействие на человека, если у этого процесса есть аудитория, свидетели¹.

В целях формирования методологического аппарата исследования социального остракизма в отечественной психологии считаем необходимым разработать и валидизировать методики (шкалы) для несовершеннолетних и взрослых, измеряющих их уровень субъективного остракизма; однако включить в данную методику не две (как в ШСО-П), а *три субшкалы*: игнорирование, исключение, *отвержение*.

Несомненно, после адаптации методики ШНП-О требуется ее валидизация, однако мы полагаем, что данный инструментарий вполне может быть расширен по количеству утверждений на одну субшкалу с двух до четырех-шести утверждений.

Данное исследование было сосредоточено на изучении объекта (цели) остракизма, однако этот психологический феномен нередко используется с позиции субъекта (источника) в качестве акта агрессии (наказания, запугивания и др.)². Вследствие этого неоспоримой актуальностью для юридической психологии, например, в контексте пенитенциарной психологии, психологии экстремизма и виктимологии, обладает направление исследования остракизм – антисоциальное поведение – субъект остракизма.

¹ Ostracized and observed: The presence of an audience affects the experience of being excluded / A. Hales [et al.] // *Self and Identity*. 2020. Vol. 1. P. 1–22.

² Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Указ. соч. С. 152–170.

Интересными могут стать исследования остракизма, опирающиеся не на модель остракизма К.Д. Вильямса, а, например, на новый, недавно появившийся в научном дискурсе подход к изучению остракизма как коммуникационного феномена IOMs (interpersonal ostracism messages, англ.)¹.

¹ Pelliccio, L. J., Walkerb, S. What is an interpersonal ostracism message?: bringing the construct of ostracism into communication studies // Atlantic journal of communication. 2020. P. 1–16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**I. Нормативные акты и официальные документы**

1. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон : [от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ ; по состоянию на 31 июля 2020 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации : [от 31 дек. 2015 г. № 683] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон : [от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ ; по состоянию на 3 июля 2020 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177; Рос. газ. – 2020. – 29 апр. – № 91.

4. Об утверждении основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации : [от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 50. – Ст. 7185.

II. Книги (монографии, учебники, учебные пособия)

5. Алмазов, Б.Н. Социальное отчуждение / Б.Н. Алмазов. – М.: Дата Сквер, 2010. – 168 с.: ил.

6. Асмус, Ф. Психоз и стигма: Преодоление стигмы – отношение к предубеждениям и обвинениям / Ф. Асмус ; пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. – М.: Алетейа, 2001. – 213 с.: ил.

7. Белик, А.А. Культурная (социальная) антропология : учебное пособие / А.А. Белик. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. – 613 с.

8. Богачева, Н.В. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак. – М.: НИУ Высшей школы экономики, 2019. – 56 с.

9. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: 1968. – 464 с.
10. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби ; пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
11. Васильев, В.Л. Юридическая психология : учебник / В.Л. Васильев. – 6-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2009. – 608 с.
12. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 519 с.
13. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.: ил.
14. Еникеев, М.И. Основы общей и юридической психологии / М.И. Еникеев. – М.: Юристъ, 1977. – 631 с.
15. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 224 с.
16. Змановская, Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.В. Змановская. – М.: Академия, 2003. – 288 с.
17. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
18. Кемпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кемпбелл. – М.: Прогресс, 1980. – 385 с.
19. Клейберг, Ю.А. Основы психологии социальной работы с девиантными подростками / Ю.А. Клейберг, И.О. Ганченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2007. – 412 с.
20. Кон, И.С. Психология старшеклассника / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
21. Корчагина, С.Г. Психология одиночества : учебное пособие / С.Г. Корчагина. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
22. Куницына, В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

23. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы и эмоции : конспект лекций / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 40 с.
24. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – СПб.: Речь, 2009. – 256 с.
25. Маслоу, А. Мотивация и личность : пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
26. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. – М.: Городец, 2016. – 386 с.
27. Метод корреляционных плеяд : методические указания / сост. И.Л. Ковалева, Л.В. Федосова. – Минск: Белорусский национальный технический университет, 2014. – 22 с.
28. Методика для психологической диагностики способа совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями : пособие для врачей и медицинских психологов / под ред. Л.И. Вассермана. – СПб.: Санкт-Петербургский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева. 2009. – 38 с.
29. Методическое руководство : сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2017. – 198 с.
30. Обухова, Л.Ф. Возрастная психология : учебник для бакалавров / Л.Ф. Обухова. – М.: Юрайт, 2013. – 460 с.
31. Платонов, Ю.П. Психология конфликтного поведения / Ю.П. Платонов. – СПб.: Речь, 2009. – 544 с.
32. Пятунин, В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции / В.А. Пятунин. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010. – 282 с.
33. Радаев, В.В. Миллениалы: как меняется российское общество / В.В. Радаев. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
34. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс ; пер. с англ. М.М. Исениной. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 479.

35. Россия в цифрах. 2020 : крат. стат. сб. / Росстат. – М.: Р76 2017, 2020. – 550 с.
36. Сандомирский, М. Психосоматика и телесная психотерапия : практическое руководство / М. Сандомирский. – М.: Класс, 2005. – 592 с.
37. Сидоренко, Е.В. Мотивационный тренинг / Е.В. Сидоренко. – М.: Речь, 2005. – 240 с.
38. Собчик, Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л.Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2005. – 624 с.
39. Твенге, Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / Дж.М. Твенге : пер. с англ. А. Толмачев. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 406 с.
40. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.; М. : Питер; Смысл, 2003. – 860 с.: ил.
41. Цветовой тест отношений : методические рекомендации / сост. Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд. – Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 1985. – 18 с.
42. Швалб, Ю.М. Одиночество: социально-психологические проблемы / Ю.М. Швалб, О.В. Данчева. – Киев: Украина, 1991. – 270 с.: ил.
43. Шиханцов, Г.Г. Юридическая психология : учебник для вузов / Г.Г. Шиханцов. – 2-е изд. – М.: Зерцало-М, 2006. – 272 с.
44. Шнейдер, Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: учеб. пособие для СПО / Л.Б. Шнейдер. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 219 с.
45. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; под общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

IV. Статьи

46. Беженцев, А.А. Основные детерминанты безнадзорности, совершения правонарушений несовершеннолетними и концептуальные основы методологии

их устранения / А.А. Беженцев // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. – 2011. – Т. 3, № 51. – С. 42–49.

47. Белозерова, Л.А. Социокультурные особенности поколения Z: опыт эмпирического исследования / Л.А. Белозерова, С.Д. Поляков, О.О. Жидяева // Поволжский педагогический поиск. – 2018. – Т. 25, №3. – С. 16–23.

48. Бовина, И.Б. Стигматизация: социально-психологические аспекты. Ч. 1 / И.Б. Бовина, Б.Г. Бовин // Психология и право. – 2013. – Т. 3, № 3. – С. 1–20.

49. Богданович Н.В. К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации / Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, А.В. Дегтярев // Психология и право. – 2015. – Т. 5, № 3. – С. 29 – 36.

50. Бойкина, Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований / Е.Э. Бойкина // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 127–140.

51. Бойкина, Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования. Ч. 1: Методология / Е.Э. Бойкина // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : материалы Международной научно-практической конференции. – Ялта: Крымский федеральный университет имени Вернадского. – 2019. – С. 29–36.

52. Бойкина, Е.Э. Социальный остракизм в виртуальном пространстве / Е.Э. Бойкина // Международный опыт профилактики социальных рисков в сфере детства: политика, наука, практика : сборник тезисов. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. – С. 15–17.

53. Бойкина, Е.Э. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка / Е.Э. Бойкина, В.А. Чернов // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 135–149.

54. Бойкина, Е.Э. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования / Е.Э. Бойкина, Р.В. Чиркина // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 152–170.

55. Бочавер, А.А. Буллинг как объект исследования и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013, № 3. – С. 149–159.

56. Войскунский, А.Е. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен / А.Е. Войскунский, Г.У. Солдатова // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 22–43.

57. Гаврилова, А.В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» / А.В. Гаврилова // Вестник Удмуртского университета. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 58–63.

58. Григорян, Л.К. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации / Л.К. Григорян, Е.В. Горинова // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 142–157.

59. Давыденко, А.В. Перспективы введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции / А.В. Давыденко // Законодательство и экономика. – 2015. – № 10. – С. 64–68.

60. Дворянчиков, Н.В. Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних / Н.В. Дворянчиков, И.А. Савкина // Психологическая наука и образование. – 2011. – Т. 3, № 1. – С. 30–40.

61. Демидова-Петрова Е.В. Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации / Е.В. Демидова-Петрова // Ученые записки Казанского юридического университета МВД России. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 13–18.

62. Дозорцева, Е.Г. Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения / Е. Г. Дозорцева, Д. С. Ошевский, К.В. Сыроквашина // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 97–110.

63. Крюкова, Т.Л. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 61–76.

64. Кулакова, А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. – 2018. – Т. 42, № 2. – С. 1–10.
65. Леус, Э.В. Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних / Э.В. Леус, А.Г. Соловьев, П.И. Сидоров // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 9.
66. Магомедсалихов, Х.Г. Традиции остракизма в Дагестанском обществе / Х.Г. Магомедсалихов, А.Г. Мусаева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Российская академия наук. – 2009. – Т. 5. – С. 57–62.
67. Ожиганова, Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е.М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – Т. 1. – С. 94–97.
68. Осницкий, А.К. Определение характеристик социальной адаптации / А.К. Осницкий // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43–56.
69. Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей / Р.В. Чиркина [др.] // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 93–110.
70. Пищик, В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 80–88.
71. Сапа, А.В. Поколение Z – поколение ФГОС / А.В. Сапа // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – Т. 2. – С. 24–30.
72. Суриков, И.Е. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена / И.Е. Суриков // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 113 – 130.
73. Шахбанова, Х.М. Основные причины преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества / Х.М. Шахбанова // Вопросы управления. – 2013. – Т. 2 (23). – С. 188–191.
74. Шипунова, Т.В. Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности / Т.В. Шипунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII, № 4 (33). – С. 120–136.
75. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.

III. Диссертации

76. Гусейнов, А.Ш. Протестная активность личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Гусейнов Александр Шамильевич. – Краснодар, 2016. – 505 с.

77. Каверин, С.Б. Психолого-акмеологические основы развития духовных потребностей : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Каверин Станислав Борисович. – М., 2002. – 335 с.

78. Крутько, Е.А. Детская безнадзорность как феномен социального отчуждения : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Крутько Елена Александровна. – Новосибирск, 2011. – 170 с.

79. Мохов, Д.Б. Социальная эксклюзия пенсионеров как объект социального управления : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Мохов Дмитрий Борисович. – Новосибирск, 2006. – 149 с.

80. Неумоева, Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Неумоева Елена Витальевна. – Тюмень, 2005. – 233 с.

81. Петошина, С.И. Отчуждение как социокультурный феномен и понятие социально-философского анализа : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Петошина Светлана Игоревна. – Мурманск, 2010. – 172 с.

82. Суворова, И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности человека в результате социальной эксклюзии : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Суворова Ирина Юрьевна. – СПб., 2018. – 206 с.

83. Титкова В.В. Сетевой анализ факторов социального признания и исключения в среде подростков : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.00 / Титкова Вера Викторовна. – М., 2018. – 214 с.

V. Электронные ресурсы

84. Волков, Д. Поколение терпимых и независимых. – Текст: электронный // Сайт «Левада Центр». – URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/pokolenie-terpimyh-i-nezavisimyh/> (дата обращения: 8.05.2020).

85. Все по тегу Поколение Z. – Текст: электронный // Сайт «Mel.fm» – URL: <https://mel.fm/pokoleniye-z> (дата обращения: 08.05.2020).

86. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Текст: электронный – М.: Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/word/potrebnost.html#.XdYw9asufbg> (дата обращения: 21.11.2019).

87. Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. – Текст: электронный. – URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 08.05.2020).

88. Левин, К. Намерение, воля и потребность, 1970. – Текст: электронный. – URL: https://www.koob.ru/lewin_kurt/intention (дата обращения: 21.01.2020).

89. Научная электронная библиотека Elibrary. – Текст: электронный. – URL: https://elibrary.ru/query_results.asp?rubrics_all=150000|040000|020000|000000|&changed=1&save_queryboxid=0&titles_all=&queryid=&where_keywords=on&where_name=on&end_year=0&querybox_name=&where_abstract=on&type_article=on&search_itemboxid=&queryboxid=0&authors_all=&type_conf=on&search_morph=on&ftext=социальное%20исключение&type_book=on&type_disser=on&begin_year=0&order=rev&issues=all&orderby=rank (дата обращения: 13.03.2020).

90. Случаи нападений на учебные заведения в России, которые удалось предотвратить. – Текст: электронный / ТАСС. 23.03.2020. – URL: <https://tass.ru/info/8056395> (дата обращения: 01.04.2020)

91. Этический кодекс психолога. – Текст: электронный. – URL: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 06.04.2020).

VI. Иностранные источники

92. A new way to measure aggression: Hot sauce allocation [Электронный ресурс] / J.D. Lieberman [et al.] // *Aggressive Behavior*. – 1999. Vol. 25. P. – 331–348.

93. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents / A. Godwin [et al.] // *Behavior Research Methods*. – 2013. – Vol. 46. – Iss. 3. – P. 1–8.

94. Avoiding the social death penalty: Ostracism and cooperation in social dilemmas / J.W. Ouwerkerk [et al.] // In K. D. Williams, J.P. Forgas & W. von Hippel (Eds.) *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. – New York: Psychology Press. – 2005. – P. 321–332.

95. Ayduk, O. Individual differences in the rejection–aggression link in the hot sauce paradigm: the case of rejection sensitivity / O. Ayduk, A. Gyurak, A. Luerssen // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2008. – Vol. 44, № 3. – P. 775–782.

96. Baumeister, R.F. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation / R.F. Baumeister, M.R. Leary // *Psychological Bulletin*. – 1995. – Vol. 117. – P. 497–529.

97. Baumeister, R.F. The Pursuit of Meaningfulness in Life / R.F. Baumeister, K.D. Vohs // In C.R. Snyder, & S.J. Lopez (Eds.). *Handbook of positive psychology*. Oxford University Press. – 2002. – P. 608–618.

98. Beall, G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials. – URL: https://www.huffpost.com/entry/8-key-differences-between_b_12814200 (accessed 08.05.2020)

99. Black D. *The social structure of right and wrong* / D. Black. – San Diego, CA: Academic Press, 1993. – 124 p.

100. Boehm, C. *Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior* / C. Boehm. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 203 p.

101. Buhs, E.S. Peer exclusion and victimization: Processes that mediate the relation between peer group rejection and children`s classroom engagement and achievement / E.S. Buhs, G.W. Ladd, S.L. Herald // *Journal of Educational Psychology*. – 2006. – Vol. 98. – P. 1–13.

102. Bulling and Ostracism Screening scales (BOSS): Development and Applications / C.F. Saylor [et al.] // *Children`s Health Care*. – 2012. Vol. 41. Iss. 4.

103. Calibrating the sociometer: The relationship between interpersonal appraisals and state self-esteem / M.R. Leary [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 74. – P. 1290–1299.

104. Carter-Sowell, A.R. Ostracism increases social susceptibility / A.R. Carter-Sowell, Z. Chen, K.D. Williams // *Social Influence*. – 2008. – Vol. 3. – P. 143–153.

105. Cheung, E.O. The way I make you feel: Social exclusion enhances the ability to manage others' emotions / E.O. Cheung, W. Gardner // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2015. – Vol. 60. – P. 59–75.
106. Chow, R.M. Excluded emotions: The role of anger in antisocial responses to ostracism / R.M. Chow, L.Z. Tiedens, C.L. Gavan // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2008. – Vol. 44. – P. 896–903.
107. Crocker, J. Social stigma. *Handbook of social psychology* / J. Crocker, B. Major, C. Steele ; eds. by D. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. – Boston: McGraw-Hill, 1998. – P. 504–553.
108. De Wall, C.N. Social exclusion and early-stage interpersonal perception: selective attention to signs of acceptance / C.N. De Wall, J.K. Maner, D.A. Rouby // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 2009. – Vol. 96. – P. 729–741.
109. Eisenberger, N.I. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion / N.I. Eisenberger, M.D. Lieberman, K.D. Williams // *Science*. – 2003. – Vol. 302. – P. 290–292.
110. Eisenberger, N.I. Why it hurts to be left out: The neurocognitive overlap between physical and social pain / N.I. Eisenberger, M.D. Lieberman // In K. D. Williams, J. P. Forgas, & W. von Hippel (eds.) *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. – New York: Psychological Press, 2005. – P. 109–130.
111. Feinberg, M. Gossip and ostracism promote cooperation in groups / M. Feinberg, R. Willer, M. Schultz // *Psychological Science*. – 2014. – Vol. 25. – P. 656–664.
112. Gerber, J. On Being Rejected: A Meta-Analysis of Experimental Research on Rejection / J. Gerber, L. Wheeler // *Perspectives on Psychological Science*. – 2009. – Vol. 4. – P. 468–488.
113. Gerber, J. P. Construct validity of Williams' ostracism needs threat scale / J.P. Gerber, S.-H. Chang, C. Reimel // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – P. 1–4.
114. Ghosting and orbiting: An analysis of victims' experiences / L. Pancani [et al.] // *Journal of Social and Personal relations*. – 2021. – P. 1–34.

115. Goffman, I. Stigma: notes on the management of spoiled identity / I. Goffman. – New York: Simon and Shuster, 1963.
116. Gonsalkorale, K. The KKK won't let me play: Ostracism even by a despised outgroup hurts / K. Gonsalkorale, K.D. Williams // *European Journal of Social Psychology*. – 2007. – Vol. 37. – P. 1176–1185.
117. Goodacre, R. A new paradigm for investigating the effects of ostracism / R. Goodacre, L. O'Cam Zadro // *Behavior Research Methods*. – 2010. – Vol. 42. – Iss. 3. – P. 768–774.
118. Goodwin, S. A. The psychological sting of stigma: The costs of attributing ostracism to racism / S.A. Goodwin, K.D. Williams, A.R. Carter-Sowell // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2010. – Vol. 46. – P. 612–618.
119. Greenberg, J. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory / J. Greenberg, T. Pyszczynski, S. Solomon ; In R.F. Baumeister (ed.). // *Public self and private self*. – New York: Springer, 1986. – P. 189–212.
120. Haselton, M.G. Error management theory: A new perspective on biases cross-sex mind reading / M.G. Haselton, D.M. Buss // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2000. – Vol. 78. – P. 81–91.
121. Heckhausen, J. A life-span theory of Control / J. Heckhausen, R. Schulz // *Psychological review*. – 1995. – Vol. 102, № 2. – P. 284–304.
122. Hogan, R. Socioanalytic theory: An alternative to armadillo psychology / R. Hogan ; In B.R. Schlenker (ed.). *The self and social life*. – New York: McGraw-Hill, 1985. – P. 175–198.
123. Howell, J. Preventing and Reducing Juvenile Delinquency: A Comprehensive Framework / J. Howell // Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc. 200.
124. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior / J.M. Twenge [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2001. – Vol. 81. – Iss. 6. – P. 1058–1069.
125. Importance of ostracism in depressed juvenile detainees and strategies to decrease experience of ostracism in juvenile detention facilities / H.J. Sung [et al.] // *Aggressive behavior*. – 2017. – Vol. 43. – P. 558–567.

126. *Interpersonal Rejection* / ed. by M.R. Leary. – Oxford University Press USA – OSO, 2001. – 352 p.
127. Investigations into differences between social and cyberostracism / K.D. Williams [et al.] // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. – 2002. – Vol. 6. – P. 65–77.
128. Knapton, H.M. The Recruitment and Radicalisation of Western Citizens: Does Ostracism Have a Role in Homegrown Terrorism? / H.M. Knapton // *Journal of European Psychology Students*. – 2014. – Vol. 5. – Iss. 1. – P. 38–48.
129. Lakin, J.L. I am too just like you: Nonconscious mimicry as an automatic behavioral response to social exclusion / J.L. Lakin, T.L. Chartrand, R.M. Arkin // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19. – P. 816–822.
130. Langer, E.J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged / E.J. Langer, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1976. – Vol. 34. – P. 191–198.
131. Leary, M.R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem / M.R. Leary // *European Review of Social Psychology*. – 2005. – Vol. 16. – P. 75–111.
132. Lefcourt, H.M. The function of illusions of control and freedom / H.M. Lefcourt // *American Psychologist*. – 1973. – Vol. 28. – P. 417–425.
133. Lösel, F. Antisoziales Verhalten von Kindern und Jugendlichen / F. Lösel; D. Bender // *Psycho: Zeitschrift für Praxis und Klinik der Psychiatrie, Neurologie, Psychotherapie*. – 1998. – Vol. 23. – P. 321–329.
134. MacDonald, G. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain / G. MacDonald, M. Leary // *Psychological Bulletin*. – 2005. – Vol. 131. – P. 202–233.
135. Malkopoulou, A. Ostracism and democratic self-defense in Athens / A. Malkopoulou // *Constellations*. – 2017. – Vol. 24. – P. 623–636.
136. Neural responses to social exclusion in adolescents: Effects of peer status / E. De Water [et al.] // *Cortex*. – 2017. – Vol. 92. – P. 32–43.

137. Ogurlu, U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey / U. Ogurlu // Educational process. – 2015. – Vol. 4. – Iss. 1–2. – P. 18–30.
138. One-month Stability of Cyberball Post-exclusion Ostracism Distress in Adolescent / Ch.A. Davidson [et al.] // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. In press. 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331000393_Onemonth_Stability_of_Cyberball_Postexclusion_Ostracism_Distress_in_Adolescents (accessed 18.06.2020).
139. Orders to shoot (a camera): effect of ostracism on obedience / P. Riva [et al.] // The Journal of Social Psychology. – 2014. – Vol. 154. – Iss. 3. – P. 208–216.
140. Ostracism in everyday life / J.B. Nezlek [et al.] // Group Dynamics: Theory, Research, Practice. – 2012. – Vol. 16. – P. 91–104.
141. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm / W. Wolf [et al.] // Behavior Research Methods. – 2015. – Vol. 47. – P. 361–373.
142. Ostracized and observed: The presence of an audience affects the experience of being excluded / A. Hales [et al.] // Self and Identity. – 2020. – Vol. 1. – P. 1–22.
143. Pelliccio, L.J. What is an interpersonal ostracism message?: bringing the construct of ostracism into communication studies / L.J. Pelliccio, S. Walkerb // Atlantic journal of communication. – 2020. – P. 1–16.
144. Personality moderators of reactions to interpersonal rejection: depression and trait self-esteem / J.B. Nezlek [et al.] // Personal. Soc. Psychol. Bull. – 1997. – Vol. 23. – P. 1235–1244.
145. Peterson, C. Learned helplessness: A theory for the age of personal control / C. Peterson, S.F. Maier, M.E.P. Seligman. – New York: Oxford University Press, 1993. – 378 p.
146. Pfundmair, M. Ostracism promotes a terroristic mindset / M. Pfundmair // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2019. – Vol. 11. – Iss. 2. – P. 134–148.
147. Phelan, J.C. Stigma and prejudice: One animal or two? / J.C. Phelan, B.G. Link, J.F. Dovidio // Social Science and Medicine. – 2008. – Vol. 68. – P. 358–367.

148. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 / M. Prensky // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9. Iss. 5. – P. 1–6.
149. Rajchert, J. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression / J. Rajchert, K. Konopka, L. R. Huesmann // Current Problems. – 2016. – P. 33–50.
150. Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection / Z. Chen [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. – 2014. – Vol. 50. – P. 225–233.
151. Ren, D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression / D. Ren, E.D. Wesselmann, K.D. Williams // Current Opinion in Psychology. – 2018. – Vol. 19. – P. 34–38.
152. Richman, L. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model / L. Richman, M. Leary // Psychological Review. – 2009. – Vol. 11. – Iss. 2. – P. 365–383.
153. Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA) / B.J. Bushman [et al.] // Aggressive Behavior. – Vol. 44. – P. 331–336.
154. Schaafsma, J. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism / J. Schaafsma, K.D. Williams // Journal of Experimental Social Psychology. – 2012. Vol. 48. – P. 829–837.
155. Schachter, S. Deviation, rejection, and communication / S. Schachter // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1951. – Vol. 46. – P. 190–207.
156. Seligman, M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death / M.E.P. Seligman. – New York: W. H. Freeman, xxxv, 1992. – 250 p.
157. Skinner, E.A. A guide to constructs of control / E.A. Skinner // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 71. – P. 549–570.
158. Social exclusion impairs self-regulation / R.F. Baumeister [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – Vol. 88. – P. 589–604
159. Social Psychology of Inclusion and Exclusion / ed. by D. Abrams, M.A. Hogg, J.M. Marques. Taylor & Francis Group. – 2004. – 376 p.

160. Söderberg, P. Anthropological Aspects of Ostracism / P. Söderberg, D.P. Fry // In *Ostracism, Exclusion, and Rejection*, ed. by Kipling D. Williams & Steve A. Nida. Publisher: Routledge. – 2017.

161. Sommer, F. Bulling, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics of school shootings – A systematic review / F. Sommer, V. Leuschner, H. Scheithauer // *International Journal of Developmental Science*. – 2014. – Vol. 8. – P. 3–24.

162. Spoor, J.R. The Evolution of an Ostracism Detection System / J.R. Spoor, K.D. Williams // *Evolution and the Social Mind. Evolutionary Psychology and Social Cognition*, ed. by Joseph P. Forgas, Martie G. Haselton, William von Hippel. – 2007.

163. Steele, C.M. The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self / C.M. Steele // In L. Berkowitz (ed.), *Advances in experimental social psychology*. – New York: Academic Press, 1988. – Vol. 21. – P. 261–302.

164. The effects of peer ostracism on children`s cognitive processes / D.J. Hawes [et al.] // *European Journal of Developmental Psychology*. – 2012. – Vol. 9. – Iss. 2. – P. 599–613.

165. The Ordinal Effects of Ostracism: A Meta-Analysis of 120 Cyberball Studies / C.H.J. Hartgerink [et al.] // *PLoS ONE*. – 2015. – Vol. 10. – Iss. 5:e0127002. – P. 1–25.

166. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism / A.W. Kruglanski [et al.] // *Advances in Political Psychology*. – 2014. – Vol. 35. – P. 69–93.

167. The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying / ed. by K.D. Williams, J.P. Forgas, von W. Hippel. – New York: Psychology Press. 2005. – 389 p.

168. The Yale Interpersonal Stressor (YIPS): Affective, physiological, and behavioral responses to a novel interpersonal rejection paradigm / L.R. Stroud [et al.] // *Annals of Behavioral Medicine*. – 2012. – Vol. 22. – Iss. 3. – P. 204–213.

169. To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance / A.W. Kruglanski [et al.] // *American Psychologist*. – 2017. – Vol. 72. – Iss. 3. – P. 217–230.

170. Twenge, J.M. Social exclusion and the deconstructed state: Time perception, meaningless, lethargy, lack of emotion, and selfawareness / J.M. Twenge, K. R. Catanese, R. F. Baumeister // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – Vol. 85. – P. 409–423.

171. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents / R. Gilman [et al.] // *Psychological Assessment*. – 2012. – Vol. 25. – Iss. 2. – P. 319–330.

172. Van Beest, I. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts / I. Van Beest, K.D. Williams // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 91. – Iss. 5. – P. 918–928.

173. Video games as a recovery intervention for ostracism / J. Tamplin-Wilson, [et al.] // *Computers in Human Behavior*. – 2019. – Vol. 1. – P. 1–7.

174. Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments / M.P. Kassner [et al.] // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2012. – Vol. 12. – Iss. 8. – P. 399–403.

175. Waldeck, D. How do we cope with ostracism? Psychological flexibility moderates the relationship between everyday ostracism experiences and psychological distress / D. Waldeck, I. Tyndall, P. Riva // *Journal of Contextual Behavioral Science*. – 2017. – Vol. 6. – P. 425–432.

176. Warburton, W.A. When ostracism leads to aggression: The moderating effects of control deprivation / W.A. Warburton, K.D. Williams, D.R. Cairns // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2006. – Vol. 42. – P. 213–220.

177. Wesselmann, E.D. Motivations for responses to ostracism / E. D. Wesselmann, D. Ren, K.D. Williams // *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*. – 2015. – Vol. 6. – P. 1–5.

178. Wesselmann, E.D. Vicarious ostracism / E.D. Wesselmann, K.D. Williams, A.H. Hales // *Frontiers in human neuroscience*. – 2013. – Vol. 7. – Iss. 153. – P. 1–2.

179. When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism / K.L. Sommer [et al.] // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2001. – Vol. 23. – P. 225–243.

180. Who gets ostracized? A personality perspective on risk and protective factors of ostracism / S.C. Rudert [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2019.

181. Why do people need self-esteem? Converging evidence that self-esteem serves an anxiety-buffering function / J. Greenberg [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1992. – Vol. 63. – P. 913–922.

182. Williams, K.D. Ostracism / K.D. Williams // *The Annual Review of Psychology*. – 2007. – Vol. 58. – P. 425–452.

183. Williams, K.D. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet / K.D. Williams, C.K. Cheung, W. Choi // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2000. – Vol. 79. – P. 748–762.

184. Williams, K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model / K.D. Williams // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 2009. – Vol. 41. – P. 275–314.

185. Williams, K.D. Social ostracism / K.D. Williams ; In R.M. Kowalski (ed.), *Aversive interpersonal behaviors*. – New York: Plenum, 1997. – P. 133–170.

186. Williams, K.D. The silent treatment: Perceptions of its behaviors and associated feelings / K.D. Williams, W.J. Shore, J.E. Grahe // *Group Processes and Intergroup Relations*. – 1998. – Vol. 1. – P. 117–141.

187. Williams, K.D. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected / K.D. Williams, L. Zadro ; In M.R. Leary (ed.), *Interpersonal rejection*. – New York: Oxford University Press, 2001. – P. 21–53.

188. Wirth, J.H. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others / J.H. Wirth, M.J. Bernstein, A.S. Leroy // *The Journal of Social Psychology*. – 2015. – Vol. 155. – P. 497–514.

189. Wölfer, R. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion / R.Wölfer, H. Scheithauer // *Journal Social Influence*. – 2013. – Vol. 8. – Iss. 4. – P. 217–236.

190. Zadro, L. How low can you go? Ostracism by a computer is sufficient to lower self-reported levels of belonging, control, self-esteem, and meaningful existence /

L. Zadro, K.D. Williams, R. Richardson // *Journal of Experimental Psychology*. – 2004. – Vol. 40. – P. 450–567.

191. Zadro, L. Riding the O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources / L. Zadro, K.D. Williams., R. Richardson // *Group Processes and Intergroup Relations*. – 2005. – Vol. 8. – Iss. 2. – P. 125–143.

192. Zwolinski, J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism. Aggressive behavior / J. Zwolinski. – 2012. – Vol. 38. – P. 108–125.

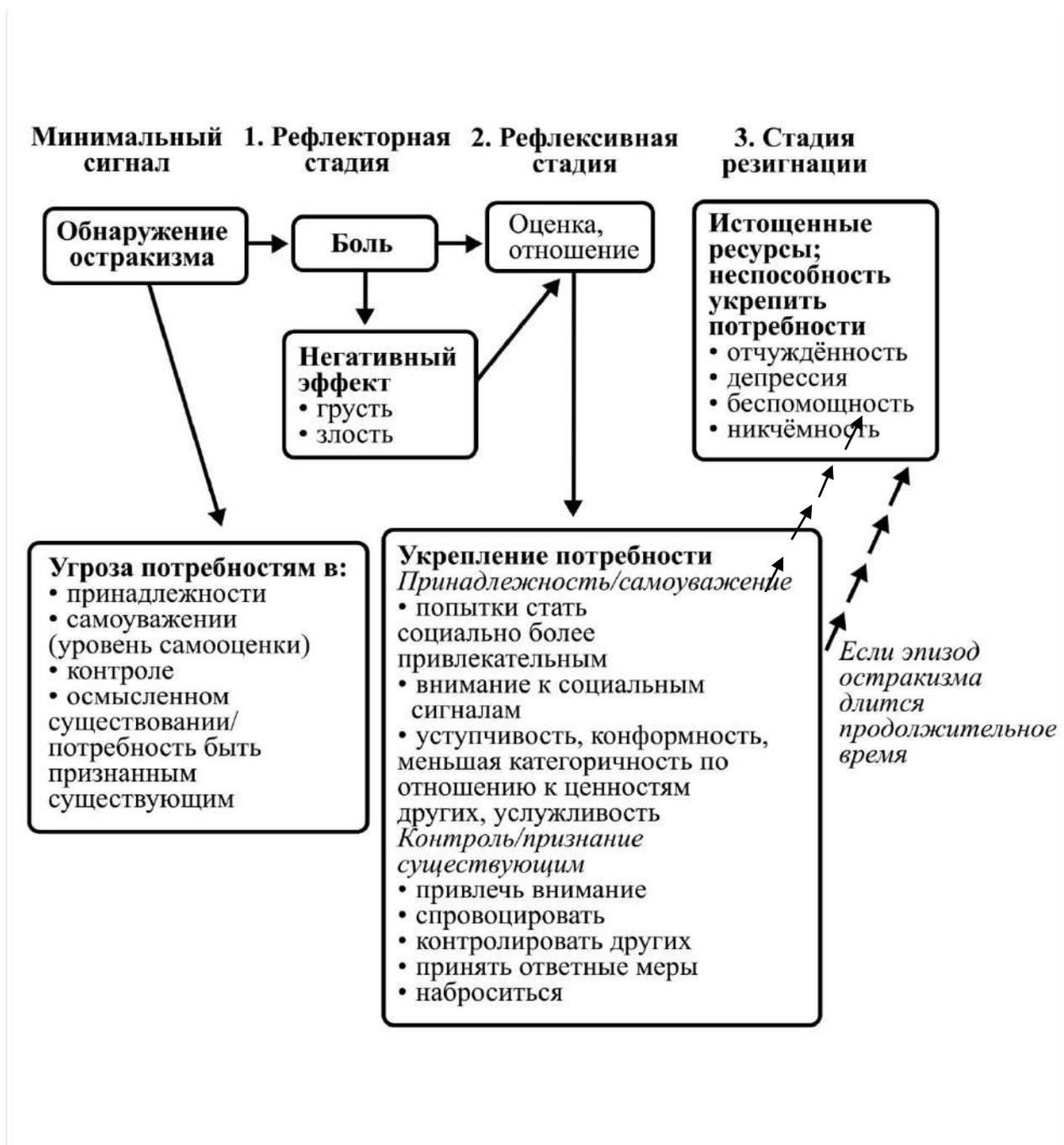
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Название	Страница
Таблица 1. Схема распределения групп исследования по критериям «остракизм», «поведение».....	16
Рисунок 1. Ситуация «Игнорирование».....	136
Рисунок 2. Ситуация «Исключение».....	136
Рисунок 3. Ситуация «Отвержение».....	137
Рисунок 4. Ситуация «Травля (буллинг)».....	137
Рисунок 5. Ситуация «Одиночество».....	138
Рисунок 6. Ситуация «Навешивание ярлыка, клейма (стигматизация)».....	138
Таблица 2. Комбинационная таблица. Группы «остракированные» и «не остракированные», распределение по полу участников.....	140
Таблица 2.1. Критерии хи-квадрат. Группы «остракированные» и «не остракированные», распределение по полу участников.....	141
Таблица 3. Результаты ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «возраст».....	142
Таблица 3.1. Статистические критерии ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «возраст».....	142
Таблица 4. Результаты ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	144
Таблица 4.1. Статистические критерии ШСО-П по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	144
Таблица 5. Результаты ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	145
Таблица 5.1. Статистические критерии ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	146
Таблица 6. Результаты субшкал ШНП-О по критерию Манна –	147

Уитни по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2.	
Таблица 6.1. Статистические критерии субшкал ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2».....	147
Таблица 7. Результаты кластеров потребностей ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	148
Таблица 7.1. Статистические критерии кластеров ШНП-О по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	148
Таблица 8. Статистические критерии кластеров потребностей ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2».....	149
Таблица 8.1. Статистические критерии кластеров ШНП-О по критериям Манна – Уитни и Вилкоксона по группирующей переменной «Профиль 1.1, Профиль 1.2».....	149
Рисунок 7. Корреляционная плеяда Профилей 1.1 и 1.2 (остракированные) при пороге $t=0,7$	152
Рисунок 8. Корреляционные плеяды Профилей 2.1 и 2.2 (не остракированные) при пороге $t=0,7$	154
Рисунок 9. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по субшкалам ШНП-О, ШСО-П при пороге $t=0,3$	156
Рисунок 10. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по методикам ШНП-О, ШСО-П, СДП, ОСС, СПА, ИТО, ИТДО при пороге $t=0,5$	158
Рисунок 11. Корреляционные плеяды Профиля 1.2, группирование по методикам ИТО, ИТДО при пороге $t=0,3$	162
Рисунок 12. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование по субшкалам ШНП-О, ШСО-П при пороге $t=0,3$	179
Рисунок 13. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование	165

по методикам ШНП-О, ШСО-П, СДП, ОСС, СПА, ИТО, ИТДО при пороге $t=0,5$	
Рисунок 14. Корреляционные плеяды Профиля 2.2, группирование по методикам ИТО, ИТДО при пороге $t=0,3$	166
Таблица 9. Кодирование субшкал методик исследования для обработки методом многомерного шкалирования (ALSCAL).....	169
Рисунок 15. Пространственная модель диспозиций для Профиля 1.1.....	171
Рисунок 16. Пространственная модель диспозиций для Профиля 1.2.....	173
Рисунок 17. Пространственная модель диспозиций для Профиля 2.1.....	175
Рисунок 18. Пространственная модель диспозиций для Профиля 2.2.....	177
Таблица 10. Результаты субшкал ИТО/ИТДО по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	179
Таблица 10.1. Статистические критерии субшкал ИТО/ИТДО по критерию Краскела – Уоллиса по группирующей переменной «Профиль».....	180
Таблица 11. Описательные статистики ИТО/ИТДО для Профиля 1.2.....	180
Таблица 12. Описательные статистики ИТО/ИТДО для Профиля 2.2.....	180

Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени его воздействия К.Д. Вильямса (Williams K.D., 1997, 2009)

Приложение Б

Критерии фундаментальных потребностей (Baumeister R.F., Leary M., 1995)

Критерий	Проявление критерия
1. производит эффект при любых условиях	Первый критерий заключается в том, что фундаментальная мотивация должна работать в самых разнообразных условиях: тот мотив, который требует каких-то специфичных или поддерживающих обстоятельств для получения эффекта не является фундаментальным.
2. влияет на эмоциональную сферу	Второй и третий критерии относятся к эмоциональным и когнитивным паттернам. Когнитивные и эмоциональные реакции отражают восприятие субъектом важности чего-то и его обеспокоенности чем-либо. Мотивация, которая не может направлять эмоции и когнитивные процессы (по крайней мере, иногда) едва ли может быть рассмотрена в качестве важной. Кроме того, большинство систем мотивации и драйвов включают в себя гедонические последствия, которые предупреждают человека о нежелательных изменениях его состояния, что в свою очередь мотивирует поведение к восстановлению желаемого состояния.
3. направляет когнитивные процессы	
4. при угрозе (нарушении) приводит к неблагоприятным последствиям (например, для здоровья или процессов приспособления)	Четвертый критерий заключается в том, что неспособность удовлетворить фундаментальную мотивацию должна порождать негативные последствия, выходящие за рамки временного аффективного дистресса. Мотивация только тогда может считаться фундаментальной, если она затрагивает здоровье, приспособление или благополучие человека. Кроме того, мотивации могут подразделяться на желания и потребности. Разница заключается в масштабах последующих негативных последствий от их неудовлетворенности. В отличие от неудовлетворенных желаний неудовлетворенные потребности должны привести к патологии (медицинским, психологическим или поведенческим).
5. обуславливает поведение, направленное на удовлетворение нарушенной потребности (с учетом мотивационных паттернов, таких как замещаемость и насыщение)	Замещение и насыщение – два хорошо знакомых признака мотивации. Если потребность в принадлежности является фундаментальной, то принадлежность к одной группе должна удовлетворить, и, следовательно, устранить или уменьшить потребность принадлежать к другой группе. Люди могут иметь побуждение формировать социальные связи до тех пор, пока они не достигнут какого-то определенного объема, а затем стремление к формированию привязанностей, по-видимому, спадает.
6. является универсальной (в смысле применения ко всем людям)	Шестой и седьмой критерии связаны с универсальностью и недериватностью. Любая мотивация, которая ограничена определенными качествами человека, определенными обстоятельствами или любая мотивация, которая является производной (дериватом) от другого мотива, не может считаться фундаментальной.
7. не может быть производной от других мотивов	

8. влияет на широкий спектр моделей поведения	Восьмой критерий – это способность влиять на широкий и разнообразный набор моделей поведения. Чем больше моделей поведения затрагиваются влиянием того или иного мотива, тем сильнее доводы в пользу того, чтобы считать данный мотив фундаментальным.
9. имеет последствия, которые выходят за рамки психологии	Наконец, мы предполагаем, что фундаментальный мотив должен иметь последствия, выходящие за рамки психологического функционирования. Если мотивация действительно фундаментальна, то она должна влиять на широкий спектр человеческой деятельности, а значит и о ней должны иметься жизнеспособные и последовательные объяснения в исследовательских работах других наук: таких как история, экономика или социология.

Приложение В

Теории поколений (современное молодое поколение)

Автор теории, исследования, анализа	Название поколения	Нижние границы поколения (рожденные...)	Возраст на момент 2021 г. (самый старший)
«Validata» (по заказу Сбербанка)	«Поколение Z» (центициалы)	в конце XX–начале XXI в.	21
Pew Research Center	«Поколение Z»	после 1997 г.	24
Билл Дж.	«Поколение Z»	после 1995 г.	26
Гаврилова А.В.	«Новое поколение Z» (постинновационные)	с 2000 по 2015 г.	21
Левада Ю.А.	«Поколение Z» («поколение Путина»)	после 2000 г.	21
Онлайн–ресурс «МЕЛ»	Современный российский подросток	после 2000 г.	21
Пренски М.	«Цифровые аборигены»	в конце XX – начале XXI в.	25–30
Проект Rugenerations	«Хоумлендеры» («поколение Z», центиниалы)	с 2004 по 2023 г.	17
Симиллер К., Грейс М.	«Поколение Z»	с 1995 по 2010 г.	26
Дж.М. Твендж	Айдженеры («iGen»)	с 1995 по 2012 г.	26
Штраусс В., Хоув Н.	«поколение Z»	с 2003 по 2023 г.	18

Приложение Г

Основные методы исследования объекта социального остракизма

Метод, методологический прием	Описание*	Разработчик
симуляция ситуации социального остракизма	«Ball tossing» (Перекидывание мяча) [179]	Williams K.D., Sommer K.L.
	«Cyberball» (Кибербол) [182]	Williams K.D., Cheung C.K., Choi W.
	«O`Train» (Остракизм в поезде) [191]	Zadro L., Williams K.D., Richardson R.
	«Get Acquainted» (Знакомство) [144]	Nezlek J.B., Kowalski R.M., Leary M.R., Blevins T., Holgate S.
	«Life Alone» (Жизнь в одиночестве) [124]	Twenge J.M., Baumeister R.F., Tice D.M., Stucke T.S., Nuss C.K.
	«O`Cam» [117]	Goodacre R., Zadro L.
	«Ostracism Online» [141]	Wolf W., Levordashka A., Ruff J.R., Kraaijeveld S., Lueckmann J.-M., Williams K.D.
исследование остракизма с использованием функциональной диагностики человека	Immersive Virtual Environments; (IVEs) Исследование остракизма в условиях виртуальной реальности [174]	Kassner M.P., Wesselmann E.D., Law A.T., Williams K.D.
	с использованием импедансного кардиографу [190]	Zadro, L., Williams K.D., Richardson R.
	с использованием аппарата ЭЭГ (электроэнцефалограммы головного мозга)	Noordt van S., White L.O., Wu J., Mayes L.C., Crowley M.J.
	фиксация роста артериального давления крови и уровня гормона кортизола «Yale InterPersonal Stressor» (YIPS) – «Йельский интерперсональный стрессор» [168]	Stroud L.R.
самоотчетные методики	с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии [109]	Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D.
	«Ostracism Experience Scale for Adolescents» (OES-A), Шкала субъективного остракизма (подростки) (OES-A) [171]	Gilman R., Carter-Sowell A., DeWall C.N., Adams R.E., Carboni I.
	«Basic Needs Scale» (шкала нарушенных фундаментальных потребностей) (взрослые) [174]	Kassner M.P. и коллеги
	«Needs-Threat Scale» Шкала нарушенных потребностей (дети) [164]	Hawes D.J. и коллеги

Приложение Д

Первоначальный и окончательный варианты ШСО-II, оригинал (Original and Final Items for Social Ostracism Scale, Gilman R., et al., 2012) *

№	Item	Original Исходный вариант		Final Окончательный вариант	
		Ignored игнори- рование	Excluded исклю- чение	Ignored игнори- рование	Excluded исклю- чение
In general, others					
1.	... treat me as if I am invisible	X		X	
2.	... look through me as if I do not exist	X		X	
3.	... give me the silent treatment	X		-	
4.	... have ignored my greetings when we are walking by one another	X		X	
5.	... ignore me during conversation	X		X	
6.	... leave the area when I enter a room	X		-	
7.	... ignore me	X		X	
8.	... spread rumors about me	X		-	
9.	... physically turn their backs to me when in my presence	X		-	
10.	... do not call me on my cell phone	X		-	
11.	... do not answer their phones when I call	X		-	
12.	... pick me to be on their team		X		-
13.	... “hang out” with me at my home		X		X
14.	... invite me to join their club, organization, or association		X		X
15.	... include me in their plans for the holidays		X		X
16.	... make an effort to get my attention		X		X
17.	... invite me to go out to eat with them		X		X
18.	... invite me to join them for weekend activities, hobbies, or events		X		X
In general, when I am around others					
19.	.. I am the center of attention		X		-

*Исходные и окончательные формулировки шкалы социального ostracism (англ. яз.), на основе которых разработана Ostracism experience scale-Adolescents (OES-A), Gilman R., et al. (Шкала субъективного ostracism-Подростки);

Приложение Е

Шкала субъективного остракизма-Подростки (ШСО-П) (Ostracism experience scale-Adolescents, Gilman R., et al.; адаптация Бойкиной Е.Э.)

Инструкция

Перед тобой 11 утверждений. Они касаются того, как ты обычно общаешься со своим окружением: родными, друзьями, учителями и другими людьми. Постарайся описать свои ощущения. Не спеши, можешь вспомнить какие-нибудь ситуации из жизни. Все ответы конфиденциальны. Спасибо.

№	Утверждение	никогда	редко	иногда	часто	всегда
В основном, другие...						
1.	...относятся ко мне как к невидимке					
2.	...смотрят сквозь меня, будто я не существую					
3.	...игнорировали мои приветствия при встрече					
4.	...игнорируют меня во время разговора					
5.	... игнорируют меня					
6.	... проводят время со мной у меня дома					
7.	...приглашают меня стать членом их клуба, организации, группы					
8.	...приглашают меня на выходные					
9.	...всячески стараются привлечь мое внимание					
10.	...приглашают меня пойти с ними поесть					
11.	...приглашают меня присоединиться к ним в хобби, провести вместе выходные или сходить куда-нибудь					

Ключ

субшкала «игнорирование»: 1,2,3,4,5

субшкала «исключение»: 6,7,8,9,10,11

Расчет баллов: никогда – 1 балл, редко – 2 балла, иногда – 3 балла, часто – 4, всегда – 5 баллов. Пункты 6,7,8,9,10,11 обрабатываются в обратном порядке.

Степень субъективного остракизма подростка оценивается, исходя из оценки величины суммы баллов по субшкалам:

Высокая степень субъективизации игнорирования – 25 баллов, низкая – 5 баллов.

Высокая степень субъективизации исключения – от 30 баллов, низкая – 6 баллов.

Приложение Ж

**Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (дети), оригинал
(Needs-Threat Scale, Hawes D.J. et al., 2013)**

Исходный вариант	Адаптированный на русский язык вариант	Субшкала
1. I felt unwanted	Я чувствовал себя лишним	в принадлежности
2. I felt like I was part of the group(R)	Я чувствовал себя частью группы	
3. I felt invisible	Я чувствовал себя невидимым	в осмысленном существовании
4. I felt like no-one would notice if I left the game	Я чувствовал, что никто не заметит, если я выйду из игры	
5. I felt good about myself(R)	Я чувствовал, что удовлетворен собой	в самоуважении
6. I felt liked(R)	Я чувствовал, что нравлюсь	
7. I felt powerful(R)	Я чувствовал себя влиятельным	в контроле
8. I felt in charge (R)	Я чувствовал себя главным	
9. I felt ignored	Я чувствовал, что меня игнорируют	проверка статуса исключения/включения

Приложение И

**Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (взрослые),
оригинал (Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2014)**

Исходные пункты шкалы	Нарушенные потребности
1. I felt as one with the other players. 2. <i>I had the feeling that I belonged to the group during the game.**</i> 3. <i>I did not feel accepted by the other players. (R)**</i> 4. During the game I felt connected with one of more other players. 5. I felt like an outsider during the game. (R)	Belongingness/принятие
6. I had the feeling that I could throw as often as I wanted to the other players. 7. <i>I felt in control over the game.**</i> 8. I had the idea that I affected the course of the game. 9. I had the feeling that I could influence the direction of the game. 10. <i>I had the feeling that the other players decided everything.(R)**</i>	Control/контроль
11. Playing the game made me feel insecure. (R) 12. I had the feeling that I failed during the game. (R) 13. <i>I had the idea that I had the same value as the other players.**</i> 14. I was concerned about what the other players thought about me during the game. (R) 15. <i>I had the feeling that the other players did not like me. (R)**</i>	Self-esteem/ самоуважение
16. <i>During the game it felt as if my presence was not meaningful. (R)**</i> 17. I think it was useless that I participated in the game. (R) 18. I had the feeling that my presence during the game was important. 19. <i>I think that my participation in the game was useful.**</i> 20. I believed that my contribution to the game did not matter. (R)	Meaningful existence/ осмысленное существование

** – утверждения, которые вошли в итоговый вариант адаптированной шкалы нарушенных в ситуации остракизма потребностей (дети) (ШНП-О).

Приложение К

**Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О)
(модификация Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2006; адаптация
Бойкиной Е.Э., 2019)**

Инструкция

Сосредоточься, пожалуйста, на том, как обычно проходит твое общение с людьми. Поставь галочку, плюс или какой-либо другой знак напротив той оценки, которую считаешь наиболее подходящей. Опрос конфиденциальный. Спасибо.

Утверждения	нет	редко	иногда	часто	да, совершенно точно
1. Порой я ощущаю себя лишним					
2. Я думаю, что общество, в котором я живу, принимает меня					
3. Я уверен, что контролирую свою жизнь					
4. Порой кажется, что все зависит от чьей-то чужой воли					
5. Мне кажется, большинство из моего окружения невысокого обо мне мнения					
6. Уверен, люди прислушиваются к моему мнению					
7. Порой я ощущаю себя невидимкой					
8. Мне кажется, что мое участие в жизни окружающих меня людей очень важно					

Ключ

Степень нарушенных в ситуации социального остракизма потребностей оценивается исходя из суммарной оценки по субшкалам (или парным кластерам потребностей): нет – 1 балл, редко – 2 балла, иногда – 3 балла, часто – 4, да, совершенно точно – 5 баллов.

№№ 1,4,5,7 (реверсивные утверждения) обрабатываются в обратном порядке: нет – 5 баллов, редко – 4 балла, иногда – 3 балла, часто – 2 балла, да, совершенно точно – 1 балл.

Оптимальный уровень удовлетворения потребностей по одной субшкале – 10 баллов, значительный уровень нарушения потребностей по одной субшкале – 2 балла.

Оптимальный уровень удовлетворения потребностей по одному кластеру – 20 баллов, значительный уровень нарушения потребностей по одному кластеру – 4 балла.

Дополнительно

Кластер потребностей власти и провокации высчитывается согласно суммарному значению показателей по шкалам потребность в осмысленном существовании, потребность в контроле (сумма №№ 3,4,7,8);

Инклюзивный кластер потребностей высчитывается согласно суммарному значению показателей по шкалам потребность в принадлежности, потребность в самоуважении (сумма №№ 1,2,5,6).

Приложение Л

Субшкалы Шкалы нарушенных потребностей - Остракизм (ШНП-О) (на основе модели остракизма Вильямса К.Д., адаптация Бойкиной Е.Э., 2019)

Утверждение	Шкалы (нарушенные потребности)
1. Среди своего окружения я часто ощущаю себя лишним	Принадлежность
2. Я думаю, что общество, в котором я живу, принимает меня	
3. Я уверен, что контролирую свою жизнь	Контроль
4. Порой, кажется, что все зависит от чьей-то чужой воли	
5. Мне кажется, большинство из моего окружения невысокого обо мне мнения	Самоуважение (уровень самооценки)
6. Уверен, люди прислушиваются к моему мнению	
7. Порой я ощущаю себя невидимкой	Осмысленное существование
8. Мне кажется, что мое участие в жизни окружающих меня людей очень важно	

Приложение М

Бланк экспертной оценки (биографическая анкета участника)

Предмет оценки	Экспертные данные
1. Длительность пребывания ребенка в данном учреждении (лет, месяцев, дней)	
2. Описание ситуации в семье (например: проживает с полной/неполной семье/иное; отношения с сиблингами (при наличии); родители лишены прав/сидят в тюрьме/покончили жизнь самоубийством; социальные условия семьи и др.) Особенно интересует опыт игнорирования, исключения и/или отвержения (при наличии)	
3. Правовая социализация (правонарушений не имеет; имеется опыт девиантного поведения; учет в ПДН; судимость, иное)	
4. Девиантные формы поведения (при наличии): (краткое описание)	
5. Взаимодействие с социумом (принимается ли обществом, как быстро (если) входит в контакт, стратегия общения и иное)	
6. Предпочитаемая стратегия реагирования трудные жизненные, фрустрирующие ситуации	
7. Наибольшие трудности, препятствующие любому виду развития ребенка (не/ есть (какие?))	
8. Наблюдается ли интеллектуальное отставание от возрастных норм. Есть ли официальное подтверждение интеллектуального снижения или ментального нарушения	
9. Иная информация, по мнению эксперта, необходимая для учета в исследовании	

**Слова-стимулы к методике «Цветовой тест отношений», Эткин А.М.,
Бажин Е.Ф. (тема - социальный остракизм)**

1. Я
2. В прошлом
3. В будущем
4. В настоящем
5. Мама
6. Папа
7. Никому ненужный
8. Любимое занятие
9. Школа
10. Счастье
11. Безразличие
12. Улыбка
13. Игнорирование
14. Невидимка
15. Удар
16. Свет
17. Боль
18. Отвержение
19. Надежда
20. Мой дом

Приложение П

Опросник «Как вы это понимаете?»

Инструкция

Поставьте «галочку» рядом с правильным(и), на ваш взгляд, ответами.

Текст преамбулы опросника:

Какое (или какие) из перечисленных ниже понятий ближе всего к описанной ситуации? Можно дать один или более ответов.

1. Ситуация 1 (игнорирование):

Прозвенел звонок на перемену. Весь класс вышел в коридор. А. решила присоединиться к группе одноклассников, которые что-то активно обсуждали. А. несколько раз вносила свои предложения, но никто никак на них не отреагировал.

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля

Отвержение

Исключение

Другое

2. Ситуация 2 (исключение):

Летом А. получила тяжелую травму и весь следующий учебный год была прикована к кровати. По соцсетям друзей А. видела, как класс съездил на экскурсию, ходил в театр. А. продолжала общаться с одноклассниками по телефону и в соцсетях, но никто ее больше никуда не приглашал.

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля

Отвержение

Исключение

Другое

3. Ситуация 3 (отвержение):

Когда А. утром вошла в класс, к ней подошли ребята и сказали: «Нам не нужна твоя помощь! В этом проекте мы будем без тебя!»

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля

Отвержение

Исключение

Другое

4. Ситуация 4 (травля):

А. старалась находиться в классе только тогда, когда там присутствовал учитель, поскольку только тогда эти трое ребят не пинали ее при всех и не обзывали «дебилкой».

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля

Отвержение

Исключение

Другое

5. Ситуация 5 (одиночество):

В школе всегда так шумно и громко... Поэтому А. так любила, когда она летом уезжала в деревню к родственникам: там она часами могла сидеть в гамаке и читать книги. А рядом никого...

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля

Отвержение

Исключение

Другое

6. Ситуация 6 (навешивание ярлыка, клейма):

А. живет в небольшом городке, где все друг друга знают. А. хорошо учится, у нее много друзей, но после того, как из тюрьмы, где сидел за кражу, вернулся ее отец, А. стала замечать, что одноклассники начали забирать с собой портфели, если она оставалась в классе, а когда одна девочка потеряла свой пауэр-бэнк, ее подруги бросали на А. косые взгляды и шушукались.

Варианты ответов (можно выбрать несколько):

Одиночество

Игнорирование

Навешивание ярлыка, клейма

Травля
Отвержение
Исключение
Другое

7. *Ваш пол*

Варианты ответов (можно выбрать только один):

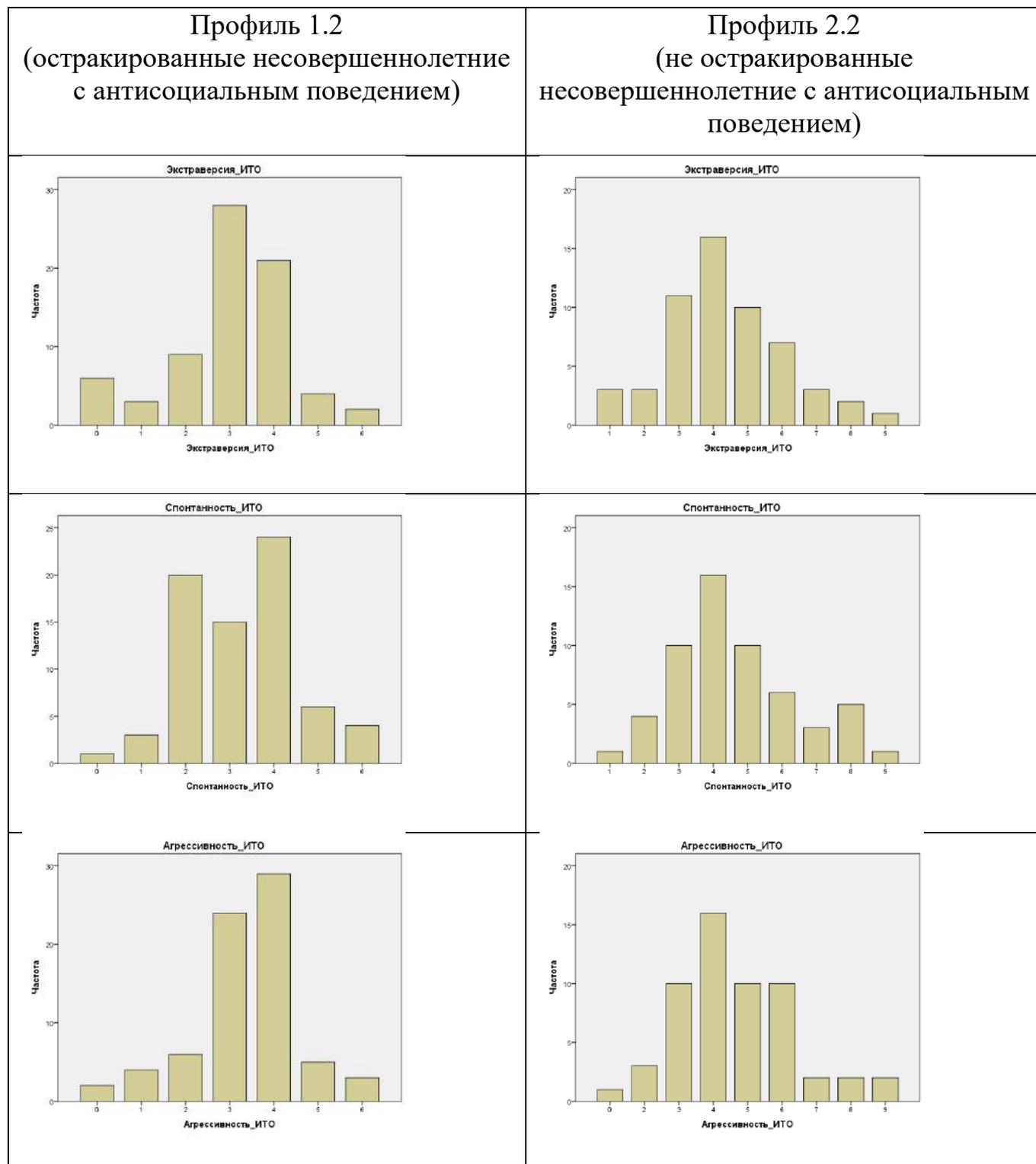
Мужской
Женский

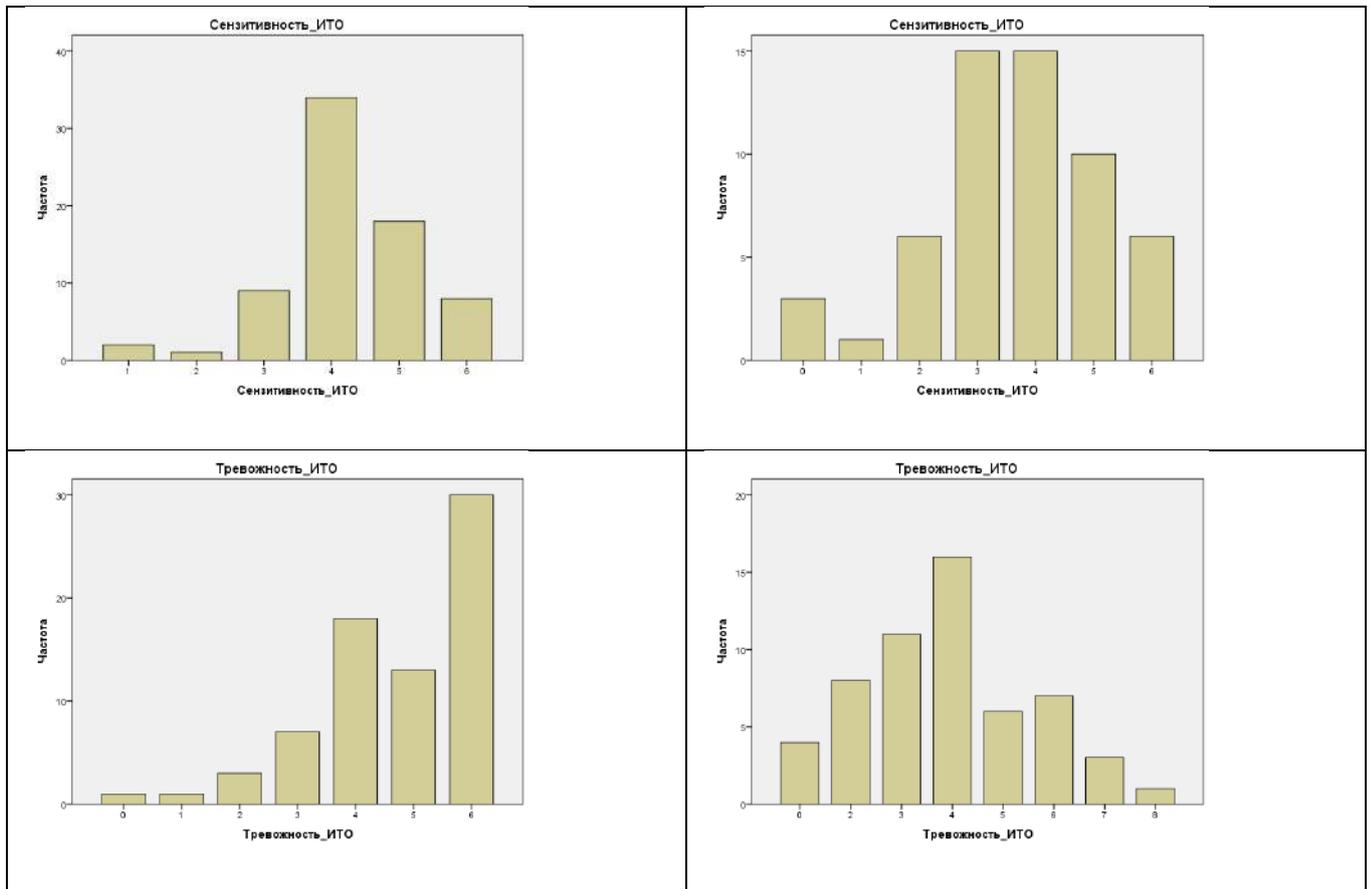
8. *Полных лет*

Варианты ответов (можно выбрать только один):

12
13
14
15
16
17

**Таблица с диаграммами описательных статистик шкал ИТО/ИТДО для
Профилей 1.2, 2.2***

*Отображены диаграммы, демонстрирующие наличие значимых различий